

Георгий Брянцев

Клинок эмира

ПРОЛОГ

Это было в августе двадцатого года.

Эмирская Бухара доживала свои последние часы. У стен цитадели эмирата, "священной" Бухары, стояли вооруженные отряды рабочих и дехкан советского Туркестана. Бой шел вторые сутки.

Из города палили из допотопных пушек, кремневых ружей и английских винтовок. Белобородые муллы, увенчанные белоснежными чалмами, воздев руки к небу, слали проклятия на головы отступников, посмеявших поднять меч на наместника аллаха на земле - великого из великих, мудрейшего из мудрейших эмира бухарского.

По паутине глухих улиц, переулков и узких, точно щели, тупиков на поджарых афганских конях металась разъяренная эмирские сарбазы. Грозно размахивая обнаженными саблями, они сгоняли перепуганных насмерть горожан к одиннадцати городским воротам строить новые укрепления.

Толпы опоенных анашой и обезумевших фанатиков бесновались на дворцовой площади Регистан, вокруг башни смерти и перед дворцом эмира - Арком. Одни из них рвали на себе волосы и одежду, другие кричали осипшими от напряжения голосами:

- Смерть вероотступникам!

- Газават! Священная война!

Умар Максумов, бухарский чеканщик, сидел во дворе у своей крохотной глинобитной мазанки, держа на коленях шестилетнюю дочь Анзират. Крики и вопли на улице и треск беспорядочной стрельбы долетали и сюда. Девочка дрожала от страха, прижималась к широкой груди отца, плакала и испуганно лепетала:

- Боюсь... Боюсь, ата...

Не находя нужных слов для утешения, Умар крепкой и сильной рукой гладил черноволосую головку дочери.

Неожиданно к шуму боя примешались какие-то новые, незнакомые Умару посторонние звуки. Они плыли откуда-то сверху, нарастали, сгущались в странный и сплошной рокот. Этот угрожающий рокот уже покрывал многоголосый людской гул и трескотню ружей, от него мелко дребезжали оконные стекла и жалобно вздрагивала посуда, в стенных нишах.

- Это еще что такое? - подумал вслух Умар, снял дочку с колен и поставил на глиняный пол.

- А? - спросила Анзират и, широко распахнув заплаканные глаза, тоже стала прислушиваться.

Встревоженный и заинтересованный, Умар закинул полу халата, взял дочку за руку и вышел во двор. Вышел, взглянул в бездонно-лазорево летнее небо и обмер: по нему, точно легендарные драконы, раскинув двойные неподвижные крылья и делая большие круги, плавали в воздухе костлявые птицы.

Впервые за свою сорокалетнюю жизнь Умар увидел самолеты, о которых слышал лишь краем уха, но еще не представлял, какие они собой.

Анзират, уцепившись ручонками за халат отца, смотрела испуганными глазами в небо. Она уже не плакала, не дрожала. Детское любопытство пересилило страх.

- Раз, два, три, четыре... - считал Умар летавшие чудовища.

Сотворенные из холста, фанеры и деревянных реек, разболтанные и перелатанные, прошедшие через горнило мировой и гражданской войн, изжившие все свои рабочие сроки

два "Фармана" и "Сопвича", послушные воле отчаянных смельчаков, каким-то чудом держались в воздухе. Черными гирьками с них падали двадцатифунтовые бомбы и крохотные пехотные гранаты. Они гулко разрывались где-то в центре города, сотрясая все вокруг и вздымая к небу султаны огня, клубы дыма и пыли.

- Велик аллах и милосерден его пророк, - прошептал мастер. - Кажется, наступает конец света. На этот раз эмиру не удастся избежать гнева и карающей руки всевышнего... Велик аллах!

Подхватив Анзират, он бегом припустился в мазанку, захлопнул дверь и уселся на старенькие ватные одеяла, сложенные горкой у глухой стены.

Умар задумался. В Бухаре он родился, здесь босоногим мальчишкой бегал по пыльным улицам, был водоносом, раздувал самовары в чайхане, работал погонщиком верблюдов, чистил заиленные арыки, мочил кожи в вонючих ямах. Бухара кишмя кишела сиротами, нищими и больными. Болезнь миновала Умара. Но нищета и сиротство едва не сгубили его юность.

Еще в детстве он потерял родителей - они умерли от холеры, - и мальчик долгие годы добывал себе сухую лепешку и пиалу зеленого чая случайной работой на задворках бухарского базара, пока не попал наконец в темную лавчонку старого чеканщика Юсупа.

Став юношей, Умар уже чеканил по меди, серебру и золоту не хуже старых известных мастеров и резал по металлу такие затейливые, тонкие узоры, что слава о молодом ремесленнике распространилась по всей Бухаре. Умара признали. А если уж бухарские знатоки признавали мастера, значит, признавал его и весь мусульманский Восток. О чеканщике Умаре, сыне Максума, заговорили в караван-сараях Хивы и Самарканда, Ферганы и Хорезма.

Дошла эта слава, на горе Умара, и до ушей повелителя Бухары - великого эмира. Воистину мудра старая поговорка: да охранит аллах козленка от ласки коршуна...

Нет числа эмирским прихотям. Посыпались на молодого мастера приказания, требования, выдумки - одна труднее другой, заказы - один сложнее другого. И все спешно, все немедленно! Эмир и его приближенные были нетерпеливы. Не раз отведал Умар палок по пяткам, плетей по спине и прелестей страшной клоповной ямы за задержку работы, неосторожное слово или недостаточно почтительный поклон. Однажды палачи грозного эмира уже сорвали было халат с плеч Умара и приготовились отрубить ему голову: эмир вознегодовал на чеканщика, увидев как-то за поясом одного из ханов кинжал с точно такой же насечкой, какую месяцем раньше Умар сделал для эмира. Повелитель Бухары был ревнив, удачная выдумка мастера могла принадлежать только ему и никому больше...

Тянулись годы, а поработенный мастер ночами при жалком свете коптилки гнул спину над резьбой по золоту и серебру, украшал бирюзой, рубинами и эмалью тончайшие узоры на широких подносах и блюдах, делал затейливые рисунки на саблях и кинжалах.

Из рук Умара выходили бесценные сокровища подлинного искусства, а получал он за них несчастные гроши.

Вбежавший в мазанку чумазый подросток спугнул думы Умара. Парнишка был бос и одной рукой поддерживал на ходу рваные ситцевые шаровары.

Умар узнал паренька. Это был круглый сирота, четырнадцатилетний Саттар Халилов, работник важного эмирского чиновника Ахмедбека.

Саттар подошел вплотную к Умару, перевел дыхание, шмыгнул носом и выпалил:

- Меня послал к вам, ата, Бахрам. Он велел сказать, что приедет сейчас вместе с Ахмедбеком, Уже седлает коней!

Умар не шевельнулся, не удивился. Кто только не посещал его убогую мазанку!

Прищурившись, он пристально поглядел в отчаянно-озорные глаза мальчонки. Только они, эти черные как угли глаза, говорили о том, что в этом худом, изможденном, не знающем отдыха, пропеченном азиатском солнцем и покрытом грязью теле ключом бьет неистребимая молодая жизнь.

- Проведи гостя в комнату к тетушке Саодат, - серьезно, как к взрослой, обратился Умар к дочке. - Пусть она покормит его вчерашним пловом. Там, кажется, осталось.

Анзират озабоченно сдвинула брови, закусила нижнюю губу и, взяв гостя за руку, провела через узкую дверь.

Умар вышел во двор. Звуки боя стихали. Перестали ухать пушки.

Лишь изредка хлопали одинокие винтовочные выстрелы. Умар устало полужакрыл глаза и не поднял век, даже заслышав дробный стук копыт в переулке.

Вскоре над глиняным дувалом показались чалмы трех всадников. Окруженные клубами пыли всадники остановились у ворот. Двое спешили и вошли во двор. Умар не спеша направился им навстречу. Впереди крупно шагал грозный Ахмедбек. Это был немолодой рослый и широкоплечий человек с короткой черной бородой, подбритой вокруг горла, и горбатым хищным носом. От пронзительного взгляда его будто раскаленных черных глаз у любого встречного холодок пробегал по спине. По пятам Ахмедбека шел его верный телохранитель Бахрам, мордастый и лоснящийся от жира детина.

Бахрам вырядился в голубой жандармский мундир с разнопарными эполетами, обшитый какими-то немыслимыми позументами, в ярко-красные просторные шаровары с широченными золотыми лампасами и щегольские офицерские сапоги из мягкого шевро с длинными шпорами. На левое плечо его свисал длинный конец огромной желтой чалмы. В руке он держал тяжелую камчу с таким видом, будто только и ждал, чтобы пустить ее в ход.

- Салям алейкум! - хмуро приветствовал мастера Ахмедбек.

Умар склонил голову в поклоне, поцеловал полу золотистого халата бека и, следуя обычаям предков, пригласил знатного гостя в дом.

- Рахмат! Спасибо! - проворчал Ахмедбек. - У нас не так много свободного времени, чтобы заходить. Мы по делу.

Он снял с себя дорогую саблю и подал ее Умару. Потом достал лоскуток бумаги и тоже отдал ему.

Умар взгляделся в лоскуток: на нем были нарисованы пять человеческих черепов и затейливо написаны арабской вязью несколько букв и цифр.

- Все, что здесь изображено, надо перенести на клинок. Выбери сам, куда удобнее и незаметнее. К утру все должно быть готово. И ни один глаз не должен видеть, никто не должен знать... Молчи и забудь навеки, не то... - и Ахмедбек скрипнул зубами.

Не считая нужным выслушать ответ мастера, он кивнул и ушел. За ним, позванивая допотопными шпорами, последовал Бахрам.

Ахмедбек понимал: бумажку трудно спрятать и легко потерять. Она может размокнуть в воде и расплзтись. Она может сгореть. Она, наконец, в трудный момент может обратить на себя внимание, особенно при задержании и обыске, и тогда придется объяснять то, что на ней изображено и что надо хранить в строжайшей тайне. А клинок - иное дело. Клинок - личное оружие каждого знатного джигита. На нем столько украшений и рисунков, что едва ли кто обратит внимание на какие-то черепа, буквы и цифры.

Ахмедбек отлично понимал все это, а Умар - нет. А быть может, и он понимал, но молчал...

Через минуту, подняв пыль в переулке, всадники скрылись.

Умар вернулся в мазанку и сел за низенький столик под окном, заваленный различными инструментами. В дверях показались Анзират и Саттар. Вытирая сальные после еды губы, они заговорщически переглянулись и встали по обе стороны мастера.

Умар в задумчивости держал в руках саблю Ахмедбека.

- Умар-ата! - нерешительно заговорил Саттар. - Ахмедбек позвал вас на войну и подарил эту саблю?

Мастер усмехнулся:

- Нет, дружок! С этой саблей Ахмедбек не расстанется. Она пожалована ему самим эмиром Саид Алимханом. А война... Пусть он сам воюет за эмира. Обойдутся без меня.

- Хорошая сабля, - заметил Саттар. - Я видел ее в доме Ахмедбека, когда помогал выбивать пыль из ковров. Она висела в его комнате.

Сабля и в самом деле была хороша. Вызолоченные блестящие ножны обвивала полоска голубой эмали. Эфес был выточен из слоновой кости лимонного цвета и венчался головой дракона с рубиновыми глазами.

Перекрестье смотрело вниз серебряной головой Медузы Горгоны, обвитой змеями.

- Все дело тут в клинке, - тихо проговорил Умар.

- Покажите, пожалуйста, Умар-ата, - попросил Саттар. - Я не видел клинка. Хотел один раз вынуть его и посмотреть, а сын Ахмедбека Наруз накинулся на меня с кулаками.

Умар взялся за эфес, вытащил клинок и подал его парнишке.

- Смотри, - сказал он.

Клинок был странный: лишь чуть-чуть поуже ножен и весь покрыт чернью по серебру. Серебряный клинок? Но таких не бывает! На конце он расширился наподобие турецкой елмани.

Саттар внимательно оглядел оружие и презрительно скривил губы.

- Что, не нравится? - с усмешкой спросил Умар.

- Им и не зарубишь... Смотрите, совсем тупой, - и парнишка провел пальцем по лезвию. - Его отточить надо.

- А это и не клинок, - рассмеялся Умар.

- Как не клинок?

- А вот так. Это - вторые ножны. Дай-ка сюда! Тут секрет есть. Гляди...

Умар нажал пальцем на едва заметную в голове дракона пластиночку и быстро выхватил из ножен уже настоящий клинок. Тонкий, гибкий, змеевидный, он блеснул в руке, подобно голубой молнии.

Глаза у Саттара округлились. Он стоял, полуоткрыв рот, очарованный чудом.

Умар ласково провел рукой по клинку, разделанному под синь, покрытому жемчужно-матовым орнаментом и тонкой золотой насечкой.

- Турки, видать, этот клинок делали, - проговорил Саттар. - А сталь, видно, дамасская. Бахрам говорил, что в Турции большие мастера есть.

- Ничего твой Бахрам не понимает, - ответил Умар. - А я вот что скажу тебе: делал этот клинок урус, великий мастер Иван Бушуй. Есть железные горы в России - Урал. А в тех горах - город Златоуст. Вот в городе железных мастеров Златоусте и жил Иван Бушуй. Он давно уже помер. А какой был мудрый мастер! Какой булат варил он! Получше дамасского. Он варил булат и струйчатый, и букетный, и полосовой, и волновой. Всякий. И клинок он выковал. А я рисовку делал, чеканил. Видишь, какая? Каждую золотую ниточку разглядеть можно. Рукоятку тоже я резал, по заказу эмира. Потом клинок отвезли в Стамбул, и тамошние оружейники сделали к нему первые ножны, а в Дагестане, в ауле Кубачи, вторые. И получился клинок с секретом. А ты говоришь - Бахрам, Бахрам! Что толку в твоём Бахраме...

Саттар молчал, не отводя взгляда от клинка. Немного погодя он спросил:

- Умар-ата! А зачем бек привез вам клинок?

- Тебе все надо знать? Плов поел?

- Ага.

- А теперь беги домой! Я тут и без тебя разберусь.

Анзират примостилась по левую руку отца на полу и молча стала наблюдать за его работой. Умар выполнил заказ в срок. Но за клинком никто не явился.

С наступлением темноты битва закипела с новой силой. Кровавый бой у городских стен гремел всю ночь, а когда в небе растворились последние звезды, горожане увидели над эмирским дворцом развевавшееся на ветру красное полотнище.

Эмиру бухарскому Саиду Алимхану удалось бежать от мести народа. Его сопровождала личная свита и в ее составе Ахмедбек со своим телохранителем Бахрамом.

За эмиром тянулся обоз. Верблюды и арбы были нагружены бесценными сокровищами.

Ахмедбек в спешке забыл не только клинок, который остался у чеканщика Умара Максумова, но и единственного наследника - сына, тринадцатилетнего Наруза Ахмеда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Однажды ранней весной тридцать первого года, когда торговый инспектор Наруз Ахмед, собираясь в очередную командировку, торопился домой, чтобы захватить кое-что на дорогу, в одном из кривых переулков путь ему преградил незнакомый старик. Седая борода его простиралась до поясного платка, сухая маленькая голова, отяжеленная пышной чалмой, тряслась, запавшие глаза, спрятанные в морщинах, кололи, точно острое шило. В руке он держал длинную суковатую палку.

- Да обессмертит аллах твое имя, благородный Наруз Ахмед! Да ниспошлет он тебе здоровья, да продлит до бесконечности твои годы, - проговорил старик дребезжащим голосом.

- Здравствуйте! - удивленно ответил Наруз Ахмед, настороженно сматриваясь в незнакомое лицо. - Откуда вам известно мое имя?

- Твое имя известно мне, и я произношу его с благоговением...

Что-то отдаленно знакомое мелькнуло в памяти Наруза Ахмеда, но он не хотел заводить разговор с этим странным и подозрительным старцем.

- Не говорите загадками, эта. Я вас не знаю.

- Меня ты мог забыть, но не может сын забыть отца, храбрейшего из храбрых Ахмедбека.

Наруз Ахмед вздрогнул и машинально оглянулся.

- Тсс... - строго предупредил он и приложил палец к губам. Теперь он понял, зачем обратился к нему старик. - Кто разрешил вам тревожить покой умерших? Зачем вспоминать тех, кто по воле всевышнего покинул нас, грешных?..

- Пути аллаха неисповедимы. Забудем это имя, да живет оно в веках, - тут старик хихикнул, и бесчисленные морщинки на его сухом и желтом, как пергамент, лице мгновенно зашевелились, запрыгали.

- Но я тебя с трудом узнал. Ты стал другой. Другая одежда...

- Одежду можно сменить, - прервал его Наруз Ахмед, - а сердце никогда...

- Мудрые слова. Приятно слышать ответ, достойный правоверного, - одобрил старик и тихо добавил: - Ты должен быть там, где скучает в одиночестве твоя вторая жена. И чем скорее, тем лучше.

Сказав это, он оставил Наруза Ахмеда и, шаркая каушами и постукивая палкой, медленно побрел своей дорогой...

Сын грозного Ахмедбека, двадцатичетырехлетний Наруз Ахмед, чувствовал себя при советской власти не так уж плохо. Никак нельзя было сказать, что прошлое отца сильно обременяло его и как-то отрицательно сказывалось на его жизни. Совсем нет. Оставшись после бегства отца подростком, Наруз был взят на воспитание родным дядей, человеком преклонных лет и великой хитрости, бывшим мударрисом бухарского медресе. Дядя приложил все силы и терпение к тому, чтобы из тринадцатилетнего сына бека, прожившего детство в неге и изобилии, сделать вполне современного человека.

Дядя поставил его на ноги и, можно сказать, вывел в люди.

Наруз Ахмед закончил школу второй ступени, годичные курсы торговых работников и вот уже несколько лет небезуспешно справляется с хлопотливыми обязанностями разъездного инспектора республиканского союза потребительской кооперации.

Наруз Ахмед слыл за энергичного, напористого и инициативного работника. На

ишаках, верблюдах, автомашинах и поездах он носился по всей республике, заглядывая в самые глухие места, где только имелись магазины, лавки и заготовительные базы кооперации.

Старательно и придирчиво проверял он работу завмагов, кассиров и кладовщиков, непреклонно требовал отстранять от работы нерадивых и предавать суду вороватых. Он не знал жалости, составлял акты, строчил докладные, гремел горячими речами на собраниях и заседаниях. С ним считались и его боялись. Он был на виду. Он был в передних рядах.

Да и время было такое, что стоять в сторонке и работать с ленцой считалось неудобным.

На землях советской Средней Азии образовались три союзные республики: Узбекская, Туркменская и Таджикская. Невиданно росли и ширились посевные площади под белое золото - хлопок. Советский Союз в самое короткое время должен был покончить с зависимостью от зарубежных королей хлопка; в стране строились огромные текстильные фабрики и комбинаты. И люди трех солнечных республик были захвачены большими планами, горячей работой, великими надеждами.

Труженики-дехане спорили, думали, примерялись и объединяли хозяйства в коллективные артели. Чайрикеры - безземельные крестьяне-издольщики - получали самые лучшие земли. Мелиораторы и ирригаторы обводняли древнюю сухую землю, проводили каналы, орошали пустыни, поднимая миллионы кубометров нетронутой земли. Водхозовские разведчики закладывали и бурили скважины в пустыне. Геологи рылись в земных недрах. Дорожники перекидывали мосты через дикие ущелья, покрывали асфальтом сотни километров дорог.

На карте возникали новые названия, бывшие кишлаки превращались в города. На жгучем песке степей пестрели сотни парусиновых палаток, войлочных кибиток, глиняных мазанок, дощатых времянок и барачков. Тысячи энтузиастов стекались сюда, в знойную Азию, на помощь братьям - узбекам, таджикам, туркменам. Тут можно было встретить человека из любого уголка страны: с берегов Балтики и Черного моря, из суровой Сибири и ласковой Украины, из городов Подмосковья и Закавказья. По дорогам пылили неуклюжие грузовики, по пустынным тропам, заунывно побрякивая колокольцами, тянулись длинные караваны верблюдов. И везде на самом видном месте, подобно полковому знамени, красовались почетные доски, разделенные на две части: красную и черную. Да, время было горячее, и человек, который вздумал бы отсидеться в сторонке, сразу бросился бы в глаза...

Через полчаса Наруз Ахмед достиг дома, через час, сменив обычную одежду на халат и прихватив полевую сумку с бумагами, отправился в путь. А ровно через двое суток он въехал на усталом коне через узкую калитку во двор, закрытый со всех сторон высоким глиняным дувалом.

Возле калитки, по обе стороны дорожки, росли два старых развесистых ореховых дерева. Дорожку окаймлял ровно подстриженный вечнозеленый кустарник. Чуть поодаль, справа, возвышался каштан, опоясанный круглой деревянной скамьей с отлогой спинкой. Посреди двора пестрела ранними цветами круглая клумба. А по левую руку, прильнув вплотную к дувалу, стоял длинный приземистый дом с плоской земляной крышей. На крыше ярко цвели фонарики желтых тюльпанов. Четыре окошка дома смотрели во фруктовый сад, который пенился сейчас в бурном белоснежном цветении.

Никто - ни в центре республики, ни в городе, ни в районе - даже не подозревал, кому фактически принадлежит эта усадьба в небольшом, удаленном от жилых мест, затеряншемся в горах кишлаке.

По исполкомовским документам она считалась собственностью дехканина-средняка. Но подлинным ее владельцем был сын эмирского придворного Ахмедбека молодой Наруз Ахмед. Тут жили его мать, вторая жена (первая была в городе) и юридический "хозяин" усадьбы со своей женой. Он совмещал в своем лице обязанности домоуправителя и садовника, являясь в то же время самым преданным и верным человеком Наруза Ахмеда.

Едва Наруз Ахмед успел спешиться, как бог весть откуда выскочил садовник, подбежал к нему, рассыпался в приветствиях, приложился к халату хозяина и, подхватив коня под уздцы, застыл в ожидании распоряжений.

Наруз Ахмед снял с себя халат, стряхнул с него пыль и бросил на седло.

- Кто-нибудь спрашивал меня? - спросил он садовника.

Тот отрицательно качал головой.

- Расседлай коня и приходи сюда, - приказал Наруз Ахмед.

Размяв скованные долгой ездой ноги, он прошел к каштану и уселся на скамью. Откинувшись на спинку, Наруз Ахмед стал сосредоточенно смотреть в изжелта-серое высокое небо, где по воображаемой спирали, отыскивая добычу, парил стервятник.

Наруз походил на уменьшенную, "мелкомасштабную" копию своего отца. У него было такое же узкое, удлиненное лицо, такие же тонкие с изломом губы, такой же нос с хрящевой горбинкой и косо прорезанные навывкате глаза. Только все это помельче, похудее, поуже.

Когда садовник вернулся и встал перед хозяином, между ними произошел короткий разговор:

- Сколько подготовлено? - спросил Наруз Ахмед.

- Девять.

- Так мало?

Садовник объяснил, что в кишлаке остается не больше, и то самые одряхлевшие, а лучшие забраны на стройку канала.

Наруз нахмурился. Объяснение, видимо, не удовлетворяло его.

- А где эти девять?

- В долине.

Некоторое время он что-то обдумывал, постукивая концом плети по пыльным голенищам, потом сухо произнес:

- Подготовь двух к вечеру. Я пойду к себе, отдохну. Если кто будет спрашивать меня, проводи в мою комнату, но так, чтобы никто не видел.

- Все будет сделано, хозяин, - заверил садовник.

Наруз Ахмед прошел в дом, повидался с матерью и женой, долго управлялся с большим блюдом горячего жирного плова, выпил несколько пиал светлого зеленого чая и улегся спать.

Когда на дворе стемнело, кто-то тронул Наруза за плечо. Он спал чутко и тотчас вскочил. Перед ним, покрытый с головы до ног пылью, стоял рослый, обросший густой рыжей щетиной человек в длинном теплом халате, за ситцевым кушаком которого торчала рукоятка плетки.

Наруз Ахмед пристально всмотрелся в лицо гостя, черты которого напоминали ему кого-то, и вдруг радостно воскликнул:

- Бахрам-ака?!

- Я, я... А ты уже совсем мужчина. Джигит! Смотри, что сделали одиннадцать лет. И вылитый отец!..

- Ну, говори, рассказывай, - торопил обрадованный хозяин, поспешно одеваясь.

- Расскажу все в дороге. Собирайся!

- А есть не хочешь? Может, поедим?

- Хочу, но время не ждет. Перехватим на ходу.

Не прошло и десяти минут, как два всадника выехали из безмолвного кишлака и стали медленно подниматься в гору по извилистой каменистой тропе.

- Нет! - тряхнул головой юноша и облизал разбитые в кровь губы. - Нет и нет! - повторил

он.

Парень стоял связанный по рукам и ногам. Его поддерживали с обеих сторон два дюжих басмача. На сатиновой косоворотке юноши с разорванным воротом алел кимовский значок.

Перед ним, шагах в трех, на округлом камне-валуне сидел широкоплечий чернородый и горбоносый курбаши. Он холодно смотрел на пленника, полуприкрыв тяжелые веки.

Дело происходило ранним утром в узком и глубоком безводном ущелье. Лучи поднявшегося солнца сюда еще не проникли. Вокруг возвышались дикие скалистые нагромождения, грозные и молчаливые в своем окаменелом раздумье.

- Глупец! - с усмешкой бросил курбаши. - Тебе неведомо, какая новая судьба ждет тебя и твой народ. Ты подобен слепцу. Ты видишь лишь то, что у тебя под носом.

Комсомолец угрюмо молчал, сплевывая кровь.

- Скоро на эту землю, - продолжал курбаши, топнув мягким сапогом, - придет священная армия воинов, старых, истинных хозяев. Они изгонят с нашей земли всех вероотступников, уничтожат всех большевиков. Они сурово накажут тех, кто поддался на безбожную агитацию коммунистов и записался в колхозы. Они восстановят священную власть эмира бухарского. И горе тому, кто не захочет встать под зеленое знамя армии ислама. Ты слышал о таком воине, как Ибрагимбек?

Комсомолец усмехнулся и ответил:

- Как же не слышать! Все зовут его Ибрагимом-локайцем, бандитом, конокрадом. Какой он воин! А ты слышал такие имена, как Кизилхан, Кур-Ширмат, Мадаминбек, Азизхан, Ашимбай-Керим, Аман-Палван?

Да, эти имена были знакомы курбаши. Больше того, почти всех он знал и видел. Это были такие же, как и он, главари басмаческих шаек. Но курбаши предпочел дипломатично промолчать.

- Молчишь? - повысил голос комсомолец. - Они, как и ты, говорили: "Всех изгоним, всех уничтожим, всех накажем". А что стало с ними? Забыл? Я тебе напомню: их поганые кости, обглоданные шакалами, разбросаны в песках. То же ждет и твоего Ибрагима. То же ждет и тебя.

Глаза курбаши почти совсем закрылись. Стоявшие за его спиной басмачи глухо зароптали. Один из них, худой и высокий, шагнул было к юноше с тяжелой камчой в руке, но, остановленный жестом курбаши, попятился назад.

- Глупец! - еще раз повторил курбаши. - Ничтожный ты человек. Упрямство обойдется тебе дорого. Ты говоришь чужим языком, мальчишка, а я требую, чтобы ты заговорил своим.

- Я говорил языком человека, а не эмирского раба, - отрезал юноша.

- Я обещаю тебе сохранить жизнь. Ты еще молод. У тебя есть отец, мать и, наверное, любимая. Что из того, что ты загубишь свою жизнь и опечалишь их? Кому от этого польза?

- Я все время думаю о пользе для них и для всех честных мусульман, поэтому не трачу лишних слов...

- Подумай! - предупредил курбаши. - Я требую от тебя немного. Скажи, что было написано в той бумажке, которую ты вез на погранзаставу и проглотил?

Юноша молчал.

- Думай быстрее! - напомнил курбаши.

- Мне спешить некуда. Это тебе следует торопиться. Вот наши нагрянут...

- У тебя длинный язык, - прервал его курбаши. - Смотри, я могу его укоротить.

Юноша усмехнулся и сказал:

- Наши языков не режут, а вот голову тебе отхватят, как бешеной собаке.

Басмачи загудели, стали плевать и с нетерпением поглядывали на своего главаря. Неужели он и это стерпит?

- Верблюжий ублюдок, - процедил сквозь зубы курбаши и поднялся с камня. Сжимая в руке плеть, он сделал шаг вперед, но в это время к нему подбежал мирза Ы58 Ы0 банды

Хаким и, не переводя дыхания, доложил:

- Едут... Двое едут... Бахрам и другой... молодой.

Курбаши оглянулся. Из горловины ущелья, приближаясь к лагерю басмачей, скакали два всадника. Один из них был Бахрам, другой – Наруз Ахмед.

- Да, это он, - тихо, только для себя, промолвил старый курбаши, и на короткое мгновение что-то человеческое и давно забытое шевельнулось в его груди. - Он... он...

Всадники спешили и, оживленно переговариваясь, направились к курбаши. Не доходя шагов десяти, Наруз Ахмед вдруг остановился. Он пристально взглянул на басмаческого главаря, как-то сгорбился, и из уст его сорвался крик:

- Отец! Отец!

Он стремительно подбежал к курбаши и бросился в его простертые руки. Старый курбаши Ахмедбек (а это был он) обнял сына, похлопал его по спине, отступил на шаг назад, окинул пытливым взглядом и сказал:

- Палван!

Наруз отвел в сторону лицо с внезапно увлажнившимися глазами. Нет, не напрасно он день и ночь думал об отце. Не напрасно втайне гордился тем, что в его жилах течет кровь такого человека! Не напрасно верил в возвращение отца. И вот отец стоит перед ним, такой же крепкий, сильный, без единой сединки в бороде. И глаза его, как и тогда, одиннадцать лет назад, смотрят открыто, смело, по орлиному. Так вот почему помалкивал хитрый Бахрам и не говорил о том, кто ждет их в ущелье. Подарок! Да какой еще подарок!

Под шушуканье и одобрительные возгласы басмачей отец и сын отошли в сторонку и уселись на камнях.

Несколько мгновений они молчали, удивленно и радостно разглядывая один другого. Первым начал разговор Ахмедбек. Он стал подробно расспрашивать сына, где и как живет он, в чем состоит его работа, поинтересовался семейными делами Наруза и, наконец, спросил, жива ли мать.

Подошел Бахрам, опустился на землю, попросил закурить.

- Бек, - сказал он, затягиваясь дымом. - Твой человек ждет приказа.

Курбаши повернул голову. Невдалеке стоял высокий и тонкий, словно жердь, басмач, прозванный в банде насмешливым именем Узун-кулок - "Длинное ухо", - и нетерпеливо топтался на месте.

Ахмедбек прервал беседу и приказал человеку подойти.

Тот торопливо подбежал, скользнул быстрым взглядом по лицу Наруза Ахмеда и обратился к курбаши:

- Как велишь, господин, поступить с верблюжьим ублюдком?

Ахмедбек блеснул глазами и тотчас опустил веки.

- Я должен знать, что было написано на той бумажке, которая лежит в его желудке. Вытащи ее, - спокойно произнес он, будто речь шла о том, что бумажку следовало вытащить из кармана или тюбетейки.

- Все будет исполнено, господин, - басмач почтительно склонил голову, приложил руку к груди и удалился.

Прерванная беседа возобновилась.

Ахмедбек поинтересовался, был ли предупрежден кем-либо сын о необходимости подготовить лошадей.

- Да, был. В кишлаке Обисарым девять молодых обьеженных лошадей отдыхают на выпасе в долине.

- Воробей на завтрак льву... - заметил курбаши.

Наруз объяснил, что в ближайшее время нет никаких надежд достать коней, так как все они взяты на строительство канала.

Вдруг страшный, нечеловеческий вопль огласил ущелье. Наруз вздрогнул.

- Что это? - с опаской спросил он, смотря в сторону лагеря.

- Ничего особенного, - успокоил его отец. - Узун-кулок делает операцию. Он у меня

хирург.

Только сейчас Наруз Ахмед понял смысл приказа курбаши. Невдалеке несколько человек, навалившись на пленного, дико визжа и изрыгая проклятия, прижимали к земле его голову, руки и ноги. Узун-кулок действовал огромным ножом. А человек продолжал кричать так страшно, что у Наруза ослабли ноги и лоб покрылся испариной.

- Ты помнишь чеканщика Максумова? - спросил между тем отец. - Умара Максумова?

- Что? - переспросил Наруз Ахмед, ошеломленный невиданным зрелищем. Ему хотелось заткнуть пальцами уши, чтобы не слышать предсмертного крика, проникающего в душу, мозг и сердце.

Ахмедбек терпеливо повторил свой вопрос.

- Помню... как же... - рассеянно ответил Наруз Ахмед и скосил глаза в сторону крика.

- Где он? - любопытствовал Ахмедбек.

- Все там же, в городе... Я встретил его как-то... Примерно месяц назад. Постарел... седой весь... а бороду сбрил... - Он вновь посмотрел туда. Басмачи, тесно обступив что-то, хохотали.

Пленный уже не кричал. Он умолк навсегда и лежал недвижимо. Стоя над ним на коленях, Узун-кулок спокойно орудовал своим ножом.

- Чеканщика Умара надо отыскать живого или мертвого, - твердо продолжал Ахмедбек, - Он присвоил мой клинок.

- Клинок?

- Да! Клинок, который пожаловал мне эмир Саид Алимхан. Ты должен помнить этот клинок. Он висел на ковре в большой комнате.

- Помню, - сказал Наруз Ахмед, и в памяти его действительно всплыли из далекого детства и просторная, прохладная комната, и большой багровый ковер на стене, а на нем - сабля с позолоченными ножнами, сверкающая солнечными зайчиками. - А ты знаешь, кто сейчас живет в нашем доме? - спросил он.

Ахмедбек сделал неопределенный жест рукой. Нет, это его не интересовало.

- Ты должен найти Умара и взять клинок. Отобрать, чего бы это ни стоило! А потом передашь мне. В этом клинке кроется большая тайна. Ее знают лишь два человека: я и Ахун-ата, твой первый учитель. И ты узнаешь эту тайну, как только придет Ибрагимбек.

- А почему он медлит? - поинтересовался Наруз Ахмед.

Брови курбаши недовольно сдвинулись. Его начинало раздражать легкомыслие сына. Ему говорят о клинке, а он спрашивает об Ибрагимбеке!

- Ты понял, что я сказал? - строго спросил курбаши.

- Конечно, понял, отец! Клинок я добуду. Добуду и спрячу. Но почему ты не хочешь сказать, когда придет Ибрагимбек?

- Ибрагимбек ждет моего сигнала, а время еще не подошло. Надо поднять людей. Сотни, тысячи, десятки тысяч людей. Надо отыскать и обеспечить надежные переправы. У Ибрагима армия. И создана она не для того, чтобы погибнуть при переходе границы. Ибрагимбек должен переправиться со своими воинами без боя, внезапно. А это не так просто. Со мной пошли сто двадцать джигитов, а уцелели семьдесят. Пятьдесят легли под пулями аскеров с пограничной заставы...

Ахмедбек умолк. К нему вприпрыжку приближался Узун-кулок. На его лисьей физиономии, поросшей редкой, точно пух, растительностью, играла довольная улыбка. С вымазанных костлявых рук капельками стекала кровь. Подойдя вплотную к курбаши, он молча протянул левую руку, разжал пальцы, и на узкой ладони его оказался небольшой, облепленный слизью комочек бумаги.

Ахмедбек всмотрелся в него, сощурил глаза и сказал сыну:

- Разверни и прочти.

Что-то вроде судороги пробежало по телу Наруза Ахмеда. Преодолев чувство гадливости, он осторожно, кончиками двух пальцев снял комочек с ладони басмача, положил его на гладкий камень и, взяв в другую руку маленькую гальку, разгладил бумажку.

На ней были написаны десять строк по-русски мелким, убористым и разборчивым почерком. Но некоторые буквы разбухли, расплзлись, а последняя фраза слилась в сплошное пятно.

Наруз Ахмед прочел:

"Одна партия бандитов, около сорока человек, оторвалась от преследования и ушла в пески. Вторая - примерно десятка три – скрылась в горах. Завтра в распоряжение вашей заставы подойдут два отряда. Отряд ОГПУ, усиленный краснопалочниками..." - Наруз Ахмед умолк. Напрягая зрение, он всматривался в окончание записки, но ничего разобрать не мог. - Дальше непонятно, - сказал он.

Ахмедбек нахмурился. Два отряда. Это не шутка. У них пулеметы, а чего доброго, и пушки. Да и бьются они, по совести говоря, лучше его джигитов. Если стреляют, так без промаха, если рубят, то наповал. Он при переправе потерял пятьдесят голов, а пограничники - самое большее полдюжины. Надо предупредить Ибрагимбека.

- Ступай, - сказал курбаши палачу.

Когда тот удалился, Ахмедбек вынул из-за пазухи новую, еще не утратившую запаха типографской краски карту и расстелил ее на земле между собой и сыном.

- Смотри сюда, - проговорил курбаши, тыча в какую-то точку черным пальцем. - Видишь этот мазар? Сюда пригонишь своих лошадей. Там таятся два десятка джигитов. Их проворонили аскеры в зеленых фуражках, А вот у этого колодца ты можешь найти моих людей. Они укажут, где я. Это на всякий случай. А та партия, о которой идет речь в записке, направилась в пески. На днях я соединюсь с ней. Понял? - И свернув карту, он водворил ее на прежнее место.

Наруз Ахмед кивнул.

- Скоро придет сюда отряд курбаши Мавлана. Он побольше моего...

Наруз вторично кивнул.

- Теперь поезжай, сын мой, и ищи клинок. Бахрам поможет тебе. Он надежный человек. Прощай!

3

Наруз Ахмед постучал в калитку на окраине старой части Бухары. В ответ послышался сиплый сердитый лай. Через секунду собака, задыхаясь от ярости, уже царапалась в калитку и металась вдоль дувала. Наруз попытался заглянуть во двор, но дувал был намного выше его роста, а вырезанная в нем калитка не имела щелей.

Стучать вторично не пришлось.

- Хан! На место! - раздался звонкий женский голос, и собака умолкла.

"Хан... Надо же придумать, - возмутился Наруз Ахмед. - Издевка какая-то. Ну ничего, она дорого обойдется выдумщикам".

Щелкнула задвижка, и в проеме калитки показалась девушка. По груди и плечам ее вилось множество тоненьких косичек. Короткое светлое платье из легкой ткани, сшитое по-европейски, обрисовывало стройную фигуру девушки. Она была очень молода и на редкость хороша.

- Здесь живет Умар-ата? - спросил Наруз Ахмед.

- Да, это его дом, - последовал ответ.

- Я могу его видеть?

Девушка отрицательно покачала головой, внимательно всматриваясь в гостя: его лицо ей было незнакомо.

- Почему? - спросил с улыбкой гость.

- Отца нет, - ответила она.

- Жаль. А когда его можно застать?

- Не знаю. Он с добровольцами гоняется за басмачами. Вы знаете, что появились басмачи?

Наруз ответил, что слышал, но не придает значения этим обывательским слухам. Чего народ не болтает... Возможно, что это очередная базарная сплетня.

- Нет, это не сплетня, - возразила девушка. - Это правда. Три дня назад в нашей махалле было собрание, и там говорили: басмачи напали на колхоз, убили несколько колхозников, захватили лошадей, продукты.

- Печально, если так, - проговорил Наруз и подумал: "Значит, отец уже действует". Он ждал, что девушка пригласит его в дом, но этого не случилось. - Очень жаль, что не застал вашего отца. Придется зайти еще раз...

Девушка молчала.

- До свидания...

- До свидания... - бросила девушка, и калитка захлопнулась.

План сорвался, пока проникнуть в дом чеканщика не удалось. В раздумье Наруз шел по улице, не зная, что предпринять. Вполне возможно, что заветный клинок где-то рядом и ждет... Стоит только войти в дом и взять его. Что может быть проще! И в то же время как сложно. А она красива... Слов нет - красива! А как стройна... И совсем юная. Ей самое большее - лет семнадцать. Она могла бы украсить ичкари самого разборчивого мужчины... Пожалуй, и покойный эмир не отказался бы от такой наложницы. Хороша! Чертовски хороша...

Занятый этими мыслями, Наруз Ахмед не заметил, как дошел до дома Союза кооперативов.

Он остановился, нерешительно взглянул на подъезд и потер лоб.

"Что ж, сегодня не удалось, но откладывать нельзя..." Поднимаясь по ступенькам на второй этаж, он твердо решил сегодня же обдумать, как лучше раздобыть клинок и, кстати, поразмыслить о будущем этой юной красавицы.

В коридоре Наруза Ахмеда окликнул заведующий инспекторской группой Алиев.

- Наруз-ака!

Наруз Ахмед обернулся и подошел с широкой улыбкой на лице.

Заведующий беседовал с каким-то русским толстяком. Речь шла о басмачах. Вытирая потное багровое лицо, толстяк перемывал косточки басмачам, отпускал крепкие словечки и ручался, что самое большее через месяц от них останется пыль.

"Это еще посмотрим, - отметил про себя Наруз Ахмед, с улыбкой глядя на лицо толстяка с расплывшимися чертами и согласно покачивая головой. - Не ты ли уж думаешь превратить их в пыль?"

- И какие же идиоты их вожаки! - продолжал горячо возмущаться толстяк. - Знаете, что они обещают? Восстановление трона эмира бухарского! Это, так сказать, их политический лозунг. До этого же надо додуматься... Неужели эти болваны всерьез считают, что дехкане только и мечтают, что об эмире... Ждут его не дождутся... Да они пылают к нему такой же нежной любовью, какой русские к Гришке Распутину! Ну, не идиоты? - Он безнадежно махнул рукой. - Ничему не научили их хозяева на той стороне. Какими были, такими и остались. Время не пошло им впрок. Ну, ладно... Будь здоров! Поплыву до председателя. Звони! - толстяк подал руку заведующему и вразвалку зашагал по коридору.

- Знаешь, кто это? - спросил заведующий.

- Нет.

- Бывший председатель кокандской чека. На его счету этих басмачей, пожалуй, не одна сотня наберется.

- А по виду... - начал было Наруз Ахмед.

- По виду не суди, - прервал его собеседник. - Я под его началом работал с двадцать второго по двадцать пятый. Многому у него научился. Хороший, народный человек, большой души. Умный и с хитринкой. Такого не проведешь! Ну, пойдем ко мне. Как съездилось, активист?

Они дошли до конца коридора и свернули в небольшую комнату с единственным окном, обращенным к югу. Сели. Заведующий за свой стол, а Наруз Ахмед по другую

сторону, напротив.

Алиев стал перекидывать с места на место лежавшие на столе бумаги, переставил графин, выбросил из пепельницы в корзину для бумаг окурки, взял пиалу с недопитым остывшим чаем и отхлебнул глоток, потом достал из кармана пачку папирос "Пушки", и они закурили.

Поведение Алиева немного удивило Наруза Ахмеда. Он слыл деловым человеком и не любил разводить тары-бары. А сейчас... Сейчас он почему-то медлил, будто обдумывал, с чего начать разговор.

Удивленный Наруз счел нужным нарушить неприятное молчание.

- Товарищ Алиев, - начал он. - Вы помните акт, представленный мной на управляющего кашкадарьинской базой?

- погоди! - прервал его вдруг Алиев и поднял указательный палец.

Наруз Ахмед, еще более удивленный, непонимающе смотрел на своего начальника.

Тот нахмурился, побарабанил пальцами по столу и спросил:

- Ты знаешь, кто привел басмаческую банду с той стороны?

У Наруза Ахмеда внутри все похолодело.

- Нет. Кто?

- Твой отец. Ахмедбек.

Наруз Ахмед почувствовал стеснение в горле. У него было такое ощущение, будто чья-то сильная рука душит его. Теперь конец. Конец... Все погибло. Этот человек, вероятно, уже знает о том, что Наруз Ахмед виделся с отцом. Сейчас свяжут руки и поведут...

Алиев не разгадал его мыслей. Он понял его состояние по-своему. Встав с места и обойдя вокруг стола, подошел к Нарузу Ахмеду, положил руку на плечо и проговорил:

- Знаю, что тебе тяжело. Да и любому на твоём месте было бы не легче. История, конечно, неприятная. Но ты не падай духом. Отец отцом, а сын сыном!

Алиев встал и прошёлся по комнате. Наруз Ахмед облегченно вздохнул:

"Нет, еще не конец. Значит, о свидании с отцом никому не известно..."

- Мы знаем тебя, - заговорил вновь Алиев. - И верим. И потому что знаем, решили сказать тебе об этом. Не исключено, что отец попытается какими-нибудь путями войти с тобой в контакт. Жизнь есть жизнь. Ты его единственный сын... Поэтому смотри в оба и, будь начеку! Я всегда к твоим услугам. - Он вновь умолк на минуту и, вздохнув, продолжал. - А сын мой еще три дня назад отправился на поиски басмачей с отрядом ОГПУ. Горячая голова... Отчаянный парень! "

- А вы твердо уверены, что банду привел именно отец? – попытался уточнить Наруз Ахмед.

Алиев ответил:

- Я знаю, что говорю. Такими вещами не шутят.

4

Три всадника скакали по степи. Кое-где мелькали кусты цветущего саксаула, островками красовались распустившиеся тюльпаны. Под крепкими копытами коней шуршал песок.

На голове одного из всадников была выцветшая буденовка, на втором - тубетейка, а у третьего - новенькая, ухарски заломленная фуражка защитного цвета.

Кони легко перемахнули через широкий безводный арык и на крупной рыси направились к кишлаку, спрятавшемуся между высокими песчаными барханами. Полузанесенный песком, полуразвалившийся, кишлак насчитывал не более трех десятков глиняных мазанок и выглядел вымершим. Но так лишь казалось. В мазанках, которые давно покинули жители, сейчас таился в засаде отряд особого назначения войск ОГПУ.

Из окна крайней мазанки на степь неустанно глядели два черных глаза. Они принадлежали ординарцу командира отряда.

- Товарищ командир! - позвал он лежавшего на полу у стены. – Наши едут.

Командир вскочил и быстро спросил:

- Четверо?

- Да нет, трое... Алиева нет...

Командир взглянул на ручные часы, оправил сползшую на сторону портупею и подошел к маленькому незастекленному окошку. Но он ничего не успел увидеть. В дверь один за другим вошли трое. Тот, что в буденовке, шагнул к командиру и, вяло козырнув, спросил:

- Разрешите докладывать?

Командир быстрым взглядом окинул всех троих: лица усталые, глаза ввалились, щеки обросли щетиной, одежда покрыта плотным слоем пыли.

- Садись сюда, Гребенников, - показал командир на разостланную кошму. - И вы садитесь, - пригласил он остальных. - Курите. Где застрелял Алиев? Нашли?

Гребенников плотно сомкнул веки, и лицо его дрогнуло.

- Нашли, товарищ командир, и закопали в землю. Алиева больше нет.

- Так... - тихо уронил командир и хрустнул пальцами. - Рассказывай подробно, по порядку.

Гребенников провел рукавом гимнастерки по влажному лицу, размазал на нем пыль и стал рассказывать. Позавчера к вечеру без приключений, не встретив по пути ни единого человека, они добрались до пограничной заставы. Сразу узнали, что Алиев там не показывался. Никакого донесения застава не получила.

- Так... - заметил командир. - Значит, они его перехватили...

- Точно, перехватили, - подтвердил Гребенников и продолжал рассказ: - На заставе было спокойно. На той стороне - тишина. Утром того дня, когда мы прибыли на заставу, на той стороне границы появились два всадника. Они подъехали к самому берегу реки и долго смотрели в бинокль на советскую сторону. Потом уехали. Ночью на заставу прибыли два отряда, о которых писалось в записке, и сейчас же заняли отведенные им участки, замаскировались. Утром мы втроем с полувзводом пограничников выехали по направлению к горам, а в полдень наткнулись на следы басмачей. Следы привели в глухое ущелье, и там-то оказался Алиев, только мертвый и зверски изуродованный. Правда, огнестрельных ран на нем не обнаружено, но... вспорот живот и выпущены все внутренности... Вокруг - огромная лужа крови. Мы вынесли тело из ущелья и похоронили.

- Так... - сказал командир и скрипнул зубами. - Дальше...

- Банда, - вновь заговорил Гребенников, - видно, отдыхала в ущелье не одни сутки. Там много окурков, сожженных спичек, пустых банок из-под консервов, бараньи кости, пепел от костров. Похоронив Алиева, мы вместе с пограничниками пошли по свежему следу банды. Он вел нас километров пятнадцать, а когда мы выбрались на твердый грунт, пропал. Тут мы расстались с пограничниками. Они поскакали на северо-восток, а мы сюда. Взводный приказал передать вам вот это, - Гребенников протянул свернутый вчетверо листок бумаги.

Командир отряда развернул записку и прочел. Потом достал из полевой сумки карту-километровку, расстелил ее на полу и приказал ординарцу:

- Позови-ка товарища Максумова!

- Есть! - ответил ординарец и выбежал из хибарки.

Командир прилег на бок и стал внимательно изучать карту.

Прибывшие бойцы сидели в уголке на полу, жадно затягиваясь махоркой. Густой, пахучий дым слоистыми волокнами плавал по мазанке.

- Жарища страшная, спасу нет, - пожаловался Гребенников. Но разговора никто не поддержал.

В мазанку в сопровождении ординарца вошел старый мастер Умар. Его пестрая тубетейка поблескивала золотым шитьем. Ватный халат с широкими зелеными полосами по белому фону перепоясывал черный с серебром ремень длинной старинной шашки, покрытой

замысловатой резьбой. Старику никак нельзя было дать больше пятидесяти лет. Годы его будто не старили; он мало изменился, разве только чуть-чуть раздобрел. Эта небольшая полнота сгладила на лице старые морщины.

Командир отряда оторвался от карты:

- Умар-ата? Плохо, брат, дело. Алиев погиб.

Максумов покачал головой:

- Ай-яй-яй... Какой был хороший, молодой!

- Да, парень был настоящий, - проговорил задумчиво командир. - Растерзали его басмачи... Ну ничего, попомнят они еще Алиева... Слышал ты про колодец под названием "Неиссякаемый"?

- Слышал, ака.

- Значит, есть такой?

- Есть. Но он не оправдал своего названия и давно иссяк.

- А на карте его нет.

- Зачем же вписывать в карту, если он без воды?

- Пожалуй, да, - согласился командир, - Далеко до него?

Чеканщик прищурил один глаз, прикинул в уме и ответил:

- Если сейчас тронуться, к заходу солнца можно добраться.

- Дорогу знаешь?

- Знаю.

- Вода на пути не попадетсЯ?

- Нет, ака. Воды в этих местах нет.

- К заходу солнца... - командир задумался. - Так, хорошо. Поднимайте народ. Пусть седлают.

5

Группа басмачей под водительством курбаши Ахмедбека, не соблюдая никакого строя, углублялась в знойные пески. В те пески, которые зовутся здесь летучими. Лишь только налетит сильный южный ветер, как снимаются пески с места и стремглав несутся вперед. И горе тому, кто попадетсЯ на их пути. Они хоронят под собой все живое.

Легконогие афганские скакуны, утомившиеся за долгий путь, шли вялой рысью.

Впереди на сером иноходце ритмично покачивался в седле Ахмедбек. Мысленно он подводил итоги нескольким дням своего пребывания на советской земле. Первый налет на колхоз прошел удачно. Мало кто уцелел в кишлаке. А уцелевшие во веки веков не забудут Ахмедбека. Захвачено одиннадцать лошадей. Они нагружены мукой, солью, урюком. Это - общее. Но и на долю каждого джигита кое-что перепало. Обижаться нельзя. И второй налет прошел на славу. Плотина разрушена. Хлопковые поля залиты водой, и ни один кустик теперь уже не поднимется. Пусть знают... Пусть помнят... И оба налета обошлись без потерь. Ни единого убитого, ни единого раненого. А когда Ахмедбек соединится со второй группой своего отряда, тогда можно подумать о чем-нибудь более серьезном...

Быстро гасли звезды в небе. На востоке загоралась заря. Курбаши повернулся в седле и, взмахнув камчой, позвал к себе Узун-кулока.

- Как долго до Неиссякаемого? - спросил Ахмедбек.

- До восхода солнца успеем. В тугаях надо бы сделать привал.

Ахмедбек кивнул. Привал нужен. Лошади устали.

Восток алел. Небо бледнело. Непомеркшие звезды робко мигали лишь на западе.

Тугаи тянулись на большом пространстве широкой полосой, изогнутой по концам, и напоминали собой букву "С". Когда-то они окружали озеро, но оно давно испарилось. Сейчас дно его покрывал плотный белый, похожий на снег слой соли. На северной стороне густо рос камыш. И тугаи, и камыш в эту пору были в своем бурном расцвете и

сочной зеленью ярко выделялись на фоне мертвых песков.

"Хорошее место, - подумал курбаши, окидывая взглядом заросли. - Надо запомнить его. Здесь можно укрываться днем".

Вдруг его иноходец насторожил уши и заржал. Заржал звонко, радостно, приветственно.

"С чего бы это? - насторожился Ахмедбек. - Или отдых чувствует?"

Он еще раз, более внимательно, оглядел изогнутую зеленую полосу и ничего подозрительного не заметил.

Басмачи въехали в чащу зарослей и, следуя движению руки курбаши, спешили. И тут внезапно с двух точек короткими очередями затакали и яростно забили, выплевывая горячие пули, станковые пулеметы. Это было так неестественно, так неожиданно, точно гора зашагала. На мгновение басмачи окаменели. И только когда упали на песок первые жертвы, раздались дикие вопли, крики "Алла-а-а!". Банда рассыпалась. Одни залегли в песок и стали искать глазами невидимого врага, другие метнулись на коней, в седла. А пулеметы кинжальным огнем разили бандитов. Но вот они сразу умолкли. Послышались крики "ура!". С обоих концов буквы "С" выскочило по десятку конников в островерхих шапках. Они сошлись на скаку, рассыпались, пригнулись к шеям лошадей и устрашающей лавиной устремились вперед.

Успевшие вскочить в седла басмачи сомкнулись плотной кучкой и рванулись навстречу бойцам отряда. Они инстинктивно поняли, что только этот ход может их спасти, что, зажатые в кольцо, образуемое аскерами и плотной, непролазной стеной колючего тугая, они несомненно погибнут. Этой кучке удалось прорубиться сквозь скачущий строй. Но Ахмедбек не успел прорваться. Он, его помощник Саитбай и еще двое, прижатые к тугаям, яростно отбивались от наседавших на них четырех конников. Четыре на четыре.

Узун-кулок упал на землю после первой же пулеметной очереди. Правда, ни одна пуля его не коснулась и ни одной царапинки на нем не было. Но он счел за благо выйти из боя, предоставив своим сотоварищам самим отбиваться. Так, по крайней мере, можно если не спасти свою шкуру, то уж во всяком случае отдалить гибель. Он видел, как аскеры, повернув коней и выхватив клинки, бросились вслед удиравшим басмачам. К аскерам присоединилось еще несколько всадников в одежде простых дехкан, вынырнувших точно из-под земли. Он видел, как валились с коней его друзья по банде и, перевернувшись через голову, оставались лежать на песке. Чуть приподняв над землей голову, он наблюдал, как четверо бойцов насаждают на самого курбаши и его приближенных. Узун-кулок мог, конечно, подобрать валяющуюся рядом английскую винтовку с полным магазином и расстрелять патроны в спины этих четырех аскеров. Расстрелять - и выручить Ахмедбека. Но Узун-кулок не сделал этого. Он уже понял, что исход схватки предрешен и что его подвиг не сможет изменить ход событий. Все ясно. Половина воинов Ахмедбека уже лежит тут, на просоленной земле, окруженной тугаями, оставшиеся не спасутся от острых сабель аскеров. Никому не уйти... Кони у аскеров свежие, а у басмачей уже притомились.

Узун-кулок понял, что занятая им "позиция", в сторонке от битвы на земле, сулит ему еще какие-то шансы на спасение.

Не замеченный никем, он пополз, как длинный червь, между мертвыми джигитами и лошадьми, с опаской поглядывая туда, где отчаянно рубились восемь человек. Он полз на животе, тянулся в камыши, как подбитая ящерица: то замирая и притворяясь убитым, то посылая коленями и локтями свое длинное тело на два-три сантиметра вперед. Когда до камышей осталось каких-нибудь два-три шага, Узун-кулок, охваченный нетерпением, приподнялся на четвереньки и прыгнул лягушкой. Прыгнул, растянулся и чуть не умер от страха: перед ним лежал и смотрел на него человек, И лишь когда он разглядел, что это Хаким - мирза их отряда, опередивший его в сообразительности, он пришел в себя и прошипел:

- Что смотришь? Ползи дальше... в тугай...

- Пошел к чертовой мать, - послал его по-русски Хаким, которого трясло как в

лихорадке. Зубы выбивали замысловатую чечетку.

- Ползи, ишак... Конями вытопчут здесь.

Это подействовало. Хаким затаил дыхание и пополз.

А четыре басмача все еще бились, но теперь уже против трех аскеров. Но вот Ахмедбек поднял на дыбы своего коня и, изловчившись, рубанул красноармейца по плечу. Тот закачался, выронил саблю и сполз с седла. Осталось двое. И если удастся уложить еще одного... Но тут свалился и басмач, разрубленный чуть не надвое сильным ударом рыжего чубатого бойца. Трое против двоих. Этот чубатый, как дьявол, мечется из стороны в сторону. У него послушный и верткий, сухой и жилистый конь. Если бы не чубатый, можно было бы вырваться, но от такого коня не уйдешь.

Справа от курбаши бился басмач, слева - его помощник Саитбай. Их кони упирались задом в стену зарослей и дико храпели. Но вот Саитбай вырывается вперед. Его конь налетает грудью на круп коня противника, и конь падает на передние ноги. В тот же миг вылетает из седла и седок. Конец клинка Саитбая задевает кисть руки бойца, и тот роняет клинок. Победа! Остался один! Рыжий, чубатый. Хоть он и ловок, но что сделает один против троих? Но что это? Верный Саитбай, в руке которого курбаши видел свою лучшую защиту, удирает.

- Саитбай! Назад! Будь ты проклят! - яростно кричит Ахмедбек, сверкая глазами.

Но Саитбай не внемлет его призывам. Он спасает себя.

Теперь их осталось двое - Ахмедбек и его последний воин. Они пытаются сразить чубатого, но это не так просто. Боец зверски орудует саблей, вертится как волчок, и к нему не подступиться. Значит, надо перехитрить, обмануть, заманить, но срубить во что бы то ни стало, иначе не вырваться в степь.

- Бросай клинки! Сдавайся, а не то обоих порублю в капусту! - кричит вдруг чубатый.

Ахмедбек скрипит зубами, и желваки твердыми орешками ходят под его темными скулами,

- Заходи сзади! - приказывает он басмачу.

Тот выполняет команду своего повелителя. Конь его в несколько прыжков вырывается в сторону. Но чубатый проделывает почти такой же маневр. Теперь курбаши надо оторваться от стены тугаев и броситься на врага сзади. Но этому маневру помешали. Ахмедбек увидел несущегося к месту схватки всадника. Старый халат его развеялся, голова была открыта, клинок в поднятой руке так мелькал и вертелся, что казалось - над головой крутится сверкающее колесо. Всадник с ходу налетел на убежавшего Саитбая, и клинок блеснул над его спиной.

"Перехватить этого... перехватить... Не дать ему соединиться с чубатым", - решает Ахмедбек и зло посылает коня вперед.

Два скачущих идут на сближение, но Ахмедбек мгновенно меняет решение. Лучше не здесь... Лучше завлечь этого выскочившего узбека в пески и там помериться с ним силами.

Ахмедбек клонит повод вправо, и послушный его руке иноходец несется вперед.

- Куда, Ахмедбек? Куда, старая собака? Нет, я тебя не выпущу. Твоим клинком зарублю!

"Мастер Умар... Да, Умар Максумов. И мой клинок! - мелькнуло в голове курбаши. - Надо заманить проклятого Умара. Заманить подальше в пески. Иноходец выручит..." А там... там уж Ахмедбек рассчитается с этим нищим шайтаном. И клинок, желанный клинок, пропадавший одиннадцать лет, вновь вернется в руки хозяина.

Ахмедбек опускает камчу на потные бока иноходца. Коня будто подбрасывает. Он срывается в карьер и выносит всадника из зеленой западни. Но что это? Впереди маячат конники. Это аскеры возвращаются из песков. Один... два... три... О! Их много. Нет, сюда нельзя. Ахмедбек вздыбливает коня, поворачивает направо, и конь стелется над землей вдоль зарослей тугаев.

Но Ахмедбек переоценил силы своего иноходца. В горячке смертельной схватки он не заметил, что конь его напрягает последние силы.

Проскакав несколько минут вдоль зеленой стены зарослей, Ахмедбек хотел было уже свернуть в пески, где царило спасительное безлюдье, как слева от него послышался натужный лошадиный храп. Курбаши чуть повернулся, скосив глаз, и на какую-то долю мгновения увидел над собой сверкающую полоску змеевидного клинка и блеснувшие рубиновые глаза желтого дракона.

Раздался свист, и голова Ахмедбека полетела в песок, покатилась и уткнулась в тугай. А серый иноходец сразу перешел на спокойную рысь, унося на спине безглавое тело своего хозяина.

Чеканщик Умар с ходу промчался мимо, круто развернулся и поехал назад. К нему подскакали командир отряда с ординарцем.

- Здорово вы его, товарищ Максумов! - восторженно воскликнул ординарец.

- Можно поучиться у вас рубке, Умар-ата, - с уважением произнес командир.

Умар вытер клинок о круп своей лошади и вложил его в ножны.

- А вы знаете, кто это? - спросил он.

Командир усмехнулся:

- Кто его знает... Не представлялся мне... Зверюга, басмач...

- Все они, бандюги, на один лад, - добавил ординарец. - Рубать их надо, не спрашивая фамилии.

Умар покачал головой:

- Да нет, не все... Это Ахмедбек...

- Курбаши?! - воскликнул командир,

- Курбаши?... - недоверчиво повторил ординарец.

- Да, он, - подтвердил Умар. - Уж я-то знаю эмирскую собаку. И рассчитался с ним его же клинком... Этот клинок подарил беку эмир бухарский... Не гадал, видно, курбаши, что так обернется для него подарочек...

- Что ж... по заслугам, - проговорил командир.

- Собаке собачья смерть, - поставил точку ординарец.

Всадники медленно отъехали.

6

Быстро катилось вниз злое солнце пустыни. На западной окраине неба полыхал багровый пожар. Мертвая зыбь песков простиралась вокруг, и, казалось, не было ей ни конца ни края.

Вторые сутки брели по безлюдью сквозь прохладу короткой ночи и зной долгого дня Узун-кулок и Хаким.

Впереди виднелись неясные очертания того кишлака, где недавно провел дневку отряд особого назначения.

Жажда и голод - самые страшные враги в пустыне - не пугали путников. Они отправились в свой нелегкий путь не с пустыми руками. Выждав, когда аскеры, забрав своих раненых и убитых, лошадей и разбросанное оружие, покинули поле боя, Узун-кулок и Хаким вышли из укрытия.

Они долго всматривались, вслушивались и, убедившись окончательно, что никакая опасность им не угрожает, стали пробираться в заросли.

При виде людей стервятники всполошились и с недовольным клекотом прервали начатую трапезу. Но они не улетали, а кружились в воздухе, будто знали, что этим двум живым нечего задерживаться среди мертвых.

Узун-кулок и Хаким не на шутку перепугались, когда чуть не из-под их ног с визгом выпрыгнул и умчался шакал. У него была золотисто-серая шерсть и небольшие, широко расставленные уши.

- Падаль, - пробурчал Узун-кулок, стараясь вернуть утраченную храбрость.

Выйдя на место битвы, они остановились, окинули взором распростертые на песке трупы басмачей, и Узун-кулок изрек:

- Души правоверных воинов уже на небесах. Им теперь ничего не нужно. О них позаботится всемогущий. Ты поищи что-либо из еды, а я пороюсь у них в карманах.

Мертвых Узун-кулок не боялся. Сказывалась профессия: в течение семи лет он усердно нес службу палача при хивинском хане и набил руку основательно. Удалить язык у подкандаального, выпустить ему кровь через вены, отрезать нос или уши, снять кожу со спины или отпилить голову - для него было сущей безделицей. Хивинский хан любил даже похвастаться своим палачом и, поцокивая языком, говорил приближенным: "Золотые руки".

Узун-кулок ощупал убитых, собрал несколько серебряных табакерок, пузырьчики с насом, тубетейки, пачки сигарет, серьги, кольца и браслеты, награбленные его собратьями в домах колхозников. Подумал и стянул с убитого Саитбая лакированные сапоги.

Хаким в это время промышлял по части еды, хотя и не так смело, как Узун-кулок. Красноармейцы угнали лошадей, нагруженных провизией, и Хакиму удалось собрать лишь несколько лепешек, горсти четыре урюка и два куска вяленого бараньего мяса. Самой удачной находкой оказался бурдюк, наполовину наполненный водой. Хаким вытащил его из-под убитой лошади.

Когда путники достигли брошенного кишлака, солнце уже опустилось за горизонт.

Они сделали привал, подкрепились из своих запасов и тут же заспорили. Хаким считал нужным сейчас же отправиться в путь, пользуясь прохладой. До ближайшего селения оставалось идти еще двое суток. Он доказывал, что надо беречь время, да и запасы еды очень скудны. Узун-кулок возражал и требовал ночевки: сапоги покойного Саитбая оказались немного узковатыми, они жали в ступне и натрудили ноги.

Тогда Хаким заявил, что пойдет один. Он взял свою котомку, перекинул через плечо и зашагал по песчаной тропе.

- Подожди! Ты очень несговорчивый человек. Только мне надо разуться, - сдался Узун-кулок. - Пойду босым. - И он начал стаскивать сапоги.

Хаким терпеливо ожидал приятеля.

Через несколько минут они покинули кишлак.

Небо постепенно теряло свои краски, сгущалось, как бы поднималось выше, но звезд еще не было.

Узун-кулок шел первым. Они пересекали кладбище, лежавшее на дороге. Под ногами рушились глиняные холмики могил, поросшие колючкой. И вдруг Узун-кулок сделал такой невероятный прыжок и так закричал, что Хаким замер на месте и затрясся от страха. От могилы, на которую только что ступил Узун-кулок, быстро отползла метровая змея толщиной в руку, светло-серой окраски, с темными пятнами на спине и боках.

- Гюрза... - в ужасе прошептал Хаким, следя широко открытыми глазами за гадиной. Она, извиваясь и шипя, стремилась к расщелине в могиле и через мгновение скрылась в ней. - Гюрза, - повторил Хаким.

Узун-кулок продолжал пронзительно кричать. Вначале он прыгал на одной ноге, ухватившись рукой за другую, затем стал кататься по земле, корчась от боли.

- Горит... горит!.. Ай-яй-яй!.. - кричал он.

"Гюрза - это верная смерть", - подумал Хаким.

Как человек самый грамотный в отряде, когда-то бывший прислужником в мечети, затем долгое время писарем курбаши, он кое-что прочитал за свою пятидесятилетнюю жизнь и знал, что после укуса гюрзы - этой самой страшной из змей Азии - человека можно спасти. Но для этого нужно многое. Прежде всего следует высосать кровь из ранки, затем перетянуть жгутом место повыше укуса, чтобы заражение не распространялось, потом впрыснуть какую-то сыворотку и, наконец, напоить больного крепким горячим чаем.

Но где же взять сыворотку и чай? Да и стоит ли вообще предпринимать что-либо

для спасения Узун-кулока? Заслуживает ли этот живодер того, чтобы ради него рисковать собственной жизнью? Нет, не заслуживает. Он очень плохой человек. Его боялись и ненавидели все добрые мусульмане. В Хиве им даже пугали детей. Не моргнув глазом, он мог бросить человека в костер, снять с человека кожу. Кличку Длинное ухо он тоже получил не напрасно. Он разнюхивал и выведывал, натравливал курбаши на джигитов, сплетничал. Он был мастер клеветы и мог запутать в сетях ложных наветов совершенно невинного человека. Его мог терпеть и держать около себя только Ахмедбек. А помощник бека - Саитбай, хотя и сам живодер из живодеров, Узун-кулока не выносил. За что же спасать его? Кому нужен он? Уж не лучше ли предоставить аллаху распорядиться его судьбой в этот злосчастный час? Да, так, пожалуй, будет лучше.

Хаким подошел к Узун-кулоку и опустился возле него на корточки. Узун-кулок сидел на земле, обхватив руками ногу, и, покачиваясь взад и вперед, стонал. Чуть повыше лодыжки на правой ноге его виднелась маленькая, едва приметная ранка. Нога успела уже распухнуть и посинеть.

- Больно? - сочувственно осведомился Хаким.

- Ты... Ты виноват... Ты настаивал на том, чтобы идти... Из-за тебя... О-о-о!.. Пропал... пропал я... - прокричал Узун-кулок и на всякий случай подвинул к себе мешок с добром. - Ты что сидишь сложа руки?.. Спасай меня!.. Какой ты друг? Соси кровь из раны! Слышишь? Соси!

- Поздно! - ответил ему Хаким. - Уже поздно. Теперь надо отрезать ногу, - и он вытащил из-под халата длинный нож.

- Нет, нет! - закричал Узун-кулок. - Не надо резать. Нога мне нужна... Что я буду делать без ноги?

- Твое дело, - невозмутимо произнес Хаким. - Я говорю правильно. Лучше жить с одной ногой, чем совсем не жить. Моему деду отрезали ногу, когда ему было тридцать лет. Он рассек ступню кетменем и получил заражение крови. С одной ногой он прожил сто девять лет и пережил шестерых жен. Он имел четырнадцать сыновей, трех дочерей, восемьдесят девять внуков и двадцать три правнука. Один из внуков - я. Понял?

- Ты змей! Ты хуже гюрзы! Ты издеваешься надо мной. Аллах накажет тебя! - прокричал Узун-кулок, и на лице его выступил обильный пот.

- Я и не думал смеяться, - возразил Хаким. - Тебе это кажется. Если хочешь жить, давай я отрежу тебе ногу. Не всю. Всю не надо. Вот так, чуть повыше колени. Смотри, какой у меня острый нож, - он провел лезвием по своему ногтю, и на ногте осталась белая полоска. - Этим ножом я всегда брил бороду Саитбая. Ты же знаешь. А борода у Саитбая жесткая и крепкая, как проволока. Я быстро все сделаю. Закуси себе палец, закрой глаза, а я буду резать.

Узун-кулок перестал качаться, дыхание стало тяжелым, прерывистым.

Передохнув немного, он уставился глазами в одну точку, страшно заскрежетал зубами и решительно бросил:

- Режь! Мне все равно. Мне холодно. Сердце останавливается.

Но стоило только Хакиму прикоснуться рукой к его ноге, чтобы поднять повыше штанину, как Узун-кулок изловчился и здоровой ногой так пнул его в грудь, что Хаким отлетел шагов на десять.

- Вот тебе, шакал! - прохрипел Узун-кулок. - Ты жаждешь моей смерти?

Хаким поднялся, отряхнулся от пыли и без всякой обиды в голосе сказал:

- Я знал, что ты не согласишься. Ты трус. Ты был мастер другим отрезать ноги, руки, головы, копаться в их внутренностях. А когда дело коснулось тебя, ты оказался бабой. Жалкой старой бабой. Ну и подыхай! Я еще не встречал человека, который бы выжил после укуса гюрзы.

Глаза Узун-кулока готовы были вылезти из орбит. Из плотно сжатого рта тоненькой змеистой струйкой сочилась кровь. Его начало тошнить. Он попытался подняться, встал было на ноги, но тут же всхлипнул, рухнул на землю и, взглянув на Хакима отсутствующим

мутным взглядом, стал бормотать что-то совсем непонятное.

"Бредит или притворяется? - спрашивал самого себя Хаким, вслушиваясь в отрывочные слова и фразы и пытаясь уловить в них какой-нибудь смысл. - Наверное, бредит".

Он приблизился к Узун-кулоку и взял его руку повыше кисти. Нет, жара никакого. Наоборот, рука холодна, так и должно быть. Хаким приложил руку ко лбу. Он был также холоден и влажен. Самые верные признаки укуса гюрзы.

Но вот Узун-кулок пришел в себя. Он сел. Неясное бормотание прекратилось.

- Дай нож! - крикнул он.

Хаким нерешительно смотрел на него.

- Слышишь? Дай нож! - требовал Узун-кулок. - Я сам отрежу себе ногу. Это моя нога.

Хаким пожал плечами, достал нож, но, зная коварство Узун-кулока, попятился назад и бросил нож на песок.

Узун-кулок быстро схватил нож за рукоятку, взмахнул рукой и метнул его в Хакима. Бросок был силен, но не точен. Хаким даже не двинулся с места и не уклонился. Нож пролетел мимо.

Хаким поднял его, спрятал и с усмешкой сказал:

- Бешеная собака, тебе, видно, скучно одному отправляться на тот свет, хочешь прихватить меня? Нет, я еще поживу. Не знаю, долго ли, но поживу. А ты ступай! Там тебя встретят твои жертвы.

Он отошел в сторонку, сел, подобрал под себя ноги и стал наблюдать.

Узун-кулок все чаще и чаще терял сознание, обмороки чередовались с кровотечением из горла.

Глубокой ночью, когда в песках лаяли и плакали на все голоса шакалы, Узун-кулок покинул грешную землю.

Хаким постоял немного возле, отыскивая доброе слово, приличествующее этому печальному случаю, но так и не нашел ничего подходящего.

- Живодером был покойник, - вздохнув, решил он окончательно.

Захватив мешки с едой, свой и Узун-кулока, Хаким зашагал на восход солнца и через сутки с небольшим вышел на хорошо накатанную дорогу.

Внешний вид Хакима был весьма печален. Вылинявшая и грязная чалма его походила на тряпку. Из разодранного халата клочьями вылезала вата. Сапоги из красной кожи обтрепались.

В разгар дня, когда солнце достигло зенита и кругом стояло пекло, Хаким заметил вдали двух скачущих всадников. Но никаких опасений в душе Хакима это событие не вызвало. За минувшие сутки он смог преодолеть в себе тот внутренний разлад, который мучил его несколько лет кряду. Душевную пустоту теперь сменило твердое окончательное решение. Это решение Хаким начал претворять в жизнь с той минуты, когда в тугаях над басмачами запели первые пули особоотрядцев. Теперь это решение окрепло. Хаким шел в Бухару.

У него там жена, два сына, дочь, маленький сад. Возможно, что есть уже внуки. Может быть, советская власть простит ему прегрешения? Ведь он за свою жизнь никого не убил. Он много видел, много слышал, много писал, но это еще не так страшно. Советская власть многих помиловала...

Когда всадники приблизились на расстояние, с которого можно было разглядеть их лица, Хаким остановился и застыл на дороге. Что угодно, но такой встречи он не ожидал. К нему скакали Бахрам и сын Ахмед-бека.

- Хаким-ака! - удивленно воскликнул Бахрам. - Ты как сюда попал?

Всадники подъехали и остановились.

- Салам алейкум! - проговорил вместо ответа Хаким и начал мять свою куцую рыжеватую бороденку. Он еще не сообразил, как надо отвечать, как поведать этим двоим обо всем случившемся.

Ему помог в этом Бахрам.

- Где отряд? - быстро спросил он, приковав к Хакиму внимательный и пристальный взгляд.

- Отряда нет, Бахрам-ака... Беда, большая беда...

- Как? - откинулся в седле Бахрам.

- Отряда нет, - повторил Хаким. - Отряд попал в засаду, и все полегли... Уцелели только двое: я и Узун-кулок.

Всадники глядели на него с оторопелым видом.

- А Ахмедбек где? - крикнул после паузы Наруз Ахмед.

- О! Ахмед теперь в раю, среди гурий. Ему срубил голову старый Умар Максумов. Тот самый Умар, который когда-то в Бухаре был известен как знатный резчик, а потом сидел в эмирском клоповнике.

Наруз Ахмед сжал губы, чтобы стоном не выдать своего состояния.

- Когда это случилось? - спросил Бахрам.

- Трое суток назад, на рассвете, в тугаях, недалеко от колодца Неиссякаемого.

Наруз Ахмед молчал, и глаза его были страшны.

- А где же Узун-кулок? - спохватился Бахрам.

- Он тоже взят аллахом на небо, только двумя сутками позже. По дороге он наступил на гюрзу, и она принесла ему смерть.

Наруз Ахмед молчал. Он тешил себя надеждой, что этот оборванец не знает его...

- Куда ты бредешь? - строго спросил Бахрам.

Хаким замялся, озираясь по сторонам.

- В Бухару.

- Зачем?

- Видишь ли, Бахрам-ака... Отряда нет, коня нет... Аллах отвернулся от нас. Быть может, ему неуютны наши дела? Кто знает?

Сказав это, Хаким испугался и с опаской взглянул на руку Бахрама, лежавшую на эфесе шашки. Но рука оставалась спокойной.

Хаким нерешительно продолжал:

- В Бухаре мой дом... Давно там не был... Все по пескам и по чужбинам таскаюсь. Уже стар я, чуть-чуть передохну, отдышусь. Может, нового коня достану...

Наруз Ахмед не мог больше вынести болтовни этого оборванца: он приподнялся на стременах, взмахнул камчой, готовый опустить ее на голову Хакима, но его руку перехватил Бахрам.

- Не стоит. Не горячись! - сказал он. - Он нам еще пригодится. Ступай... Хаким!

Глаза Наруза Ахмеда гневно блеснули.

Всадники с места подняли коней в галоп и вскоре превратились в маленькие точки. Потом они вовсе исчезли в раскаленном, дрожащем мареве.

Пораженный и озадаченный великодушием Бахрама, верного телохранителя Ахмедбека, Хаким помял свою бороду, покачал головой и отправился своей дорогой.

- Кажется, - проговорил он вслух, - я отделался очень дешево.

7

К столетнему карагачу с пышной, раскидистой, точно шатер, кроной подъехали и остановились двое всадников.

Они были в милицейской форме, при пистолетах, со шпорами на ногах.

Один из них легко спрыгнул с коня, отдал повод другому и коротко бросил:

- Пойду. Жди здесь!

- Да будет легок твой путь, - вполголоса проговорил оставшийся.

В кишлаке давно уютилась ночь. Высокое небо было густо усыпано звездами. С гор тянуло прохладным, освежающим ветерком.

Позванивая шпорами, человек миновал несколько домов и зашел в первую попавшуюся открытую калитку.

Во дворе стояла такая же тишина, как и на улице. Человек постоял несколько минут в нерешительности, выжидая, что вот-вот на него набросится с лаем собака, но этого не случилось. Он обогнул угол дома, юркнул в настежь открытую дверь и, остановившись перед второй, запертой, постучал.

- Кто там? - раздался женский голос.

- Милиция. Откройте!

За дверью послышался шорох, шепот, глухие шаги, и наконец дверь скрипнула. Показалась пожилая заспанная женщина с лампой в руке. Она уступила было дорогу гостю, но тот предупредил:

- Заходить не буду. Некогда. Как в кишлаке?

- Что как? - с недоумением переспросила женщина и, приподняв лампу до уровня головы, всмотрелась в незнакомое лицо.

- Тихо, спокойно?

- Да... да... А что?

- Ничего. Басмачи не заглядывали?

- Что вы... что вы... Аллах милует... Да и чего они сюда заглядывать будут. Мы ведь у города под боком. По дороге все время машины бегают.

- И не слышно о них ничего?

- Говорят разное, а где правда, трудно разобрать...

- Это хорошо, что не заглядывают, а заглянут - жалеть после будут. А где остановился обоз с ранеными аскерами?

- У нас.

- Я знаю, что у вас. Я спрашиваю, где? Ночью тут ноги сломать можно.

- А вы идите по этой же улице и как увидите арбы, вот там и раненые. Их уложили в алухане.

- Рахмат, спасибо! Попробую найти, - и человек ушел.

Он вновь побрел по пыли, и только тонкий перезвон его шпор нарушал плотную ночную тишину.

Дойдя до середины кишлака, он увидел арбы с поднятыми оглоблями, стоявшие вдоль дувала.

Человек зашел во двор.

В алухане - доме, где мужчины кишлака коротают за мирными беседами долгие зимние сумерки, сейчас расположили раненых особотрядцев. Их было одиннадцать человек. Они лежали на коврах, одеялах, подушках, принесенных окрестными жителями.

До кишлака раненых сопровождали четыре вооруженных бойца. Не исключалась возможность встречи с басмачами. Теперь, когда эта угроза миновала, сопровождавшие вернулись в отряд и с ранеными остался один Умар Максумов, тоже легко раненный в левое предплечье.

Человек вошел в дом, приоткрыл дверь и заглянул в просторную комнату, освещенную керосиновой лампой.

Раненые стонали, охали, разговаривали во сне и поругивались. Молодой узбек с забинтованной головой сидел, привалившись к стене спиной, и курил. Он уставился на человека черными глазами и молчал.

- Салям! - коротко приветствовал его вошедший.

- Салям! - вяло и равнодушно ответил раненый.

- Где начальник?

- Рядом в комнате.

- Рахмат! - и дверь закрылась.

Человек оказался в темных сенях. Он чиркнул спичкой и осмотрелся. Перед ним была узкая резная дверь, ведущая в соседнее помещение. Он погасил спичку и бесшумно

потянул дверь на себя.

В малюсенькой комнатушке с голыми, обшарпанными стенами стояла тишина. На окне коптил чирог - самодельный светильник. У стены на разостланной кошме, широко раскинув руки, спал чеканщик Умар Максумов. Он спал впервые за восемь дней: то некогда было поспать, а то побаливала рана. Его широкая волосатая грудь, выпирающая из-под розовой сорочки, мерно вздымалась и опускалась.

Возле него на полу лежали кавалерийский карабин и клинок в ножнах. Ножны, казалось, чуть излучали золотистое сияние, по их полотну струился голубой бирюзовый ручеек.

Вошедший постоял несколько секунд не двигаясь, всматриваясь в саблю. Затем, тихо ступая, приблизился и, не производя никакого шума, поднял клинок и надел на себя. Костяной дракон эфеса блеснул рубиновым огоньком, Медуза Горгона с перекрестья взглянула пустым взглядом в глаза пришельца. Он наклонился и поднял карабин.

Человек постоял короткое мгновение, сдерживая дыхание и не сводя глаз с Максумова. Потом вытащил из-за голенища нож с толстой рукояткой и длинным лезвием и взмахнул им.

Убийца мгновенно обеими руками зажал рот своей жертве, чтобы та, не дай бог, не вскрикнула. Но этого и не требовалось. Умар даже не застонал. Он лишь вздрогнул всем телом и замер.

Человек стер пот со лба и дунул на чирог. Огонек погас.

...Кишлак по-прежнему спал, залитый тишиной и мраком. Человек шагал по улице спокойно, а сердце его скакало галопом.

Это был Наруз Ахмед. Пять суток он и Бахрам, переодетые в милицейскую форму, носились по кишлакам в поисках особого отряда ОГПУ, в составе которого был Умар Максумов, но напасть на след отряда им так и не удалось. И вот сегодня в сумерках на дороге, обгоняя обоз с ранеными, Наруз Ахмед и Бахрам совершенно случайно услышали имя резчика. Кто-то из раненых на задней арбе дважды назвал его.

Этого было достаточно. Наруз Ахмед и Бахрам ускакали прочь. Недалеко от кишлака они засели в кустах у арыка и стали выжидать обоз. Когда он показался, у них мелькнула мысль сейчас же совершить нападение. Но вид четырех бойцов с винтовками на изготовку, сопровождавших обоз, несколько охладил их пыл. Нет, лучше подождать. И они дождались ночи...

Теперь дело было совершено.

Выбравшись на край кишлака, Наруз Ахмед уже не мог сдерживать себя и побежал к карагачу.

- Ну? - наклонившись в седле, приглушенно спросил Бахрам.

- Готово...

- Хоп!

- Проклятый Умар заснул навсегда. И сон его будет так же крепок, как сон отца.

Он вдел ногу в стремя, взялся за лук и вскочил в седло.

- Так... - протянул Бахрам. - А клинок?

- Вот! - и Наруз Ахмед похлопал рукой по ножнам.

Бахрам шумно вздохнул и спросил:

- Куда?

- В Бухару. Там нас ждет садовник.

Они тронули коней и скрылись в ночи.

8

- Ну, а потом? - спросила Анзират, опираясь на руку Саттара и стараясь заглянуть ему в лицо.

Задумавшийся Саттар будто очнулся и торопливо оказал:

- Потом мы поедem в Ташкент... Учиться.
- И я?
- Что? О чем ты? Ну, конечно. Вместе, вместе поедem и учиться

будем...

Анзират покачала головой:

- Нет, ты думаешь не об этом, а о чем-то другом.

Саттар попробовал рассмеяться, но у него это не получилось.

- Чудачка ты...

- Вовсе не чудачка, - возразила Анзират. - Ты сегодня какой-то странный, не такой, как всегда.

- Странный? Нет, почему же... Я такой, как обычно.

- Ой нет! Я сразу заметила, как только ты вошел в дом. И тетушка Саодат заметила. Она шепнула мне на ухо: "У Саттара какие-то неприятности. Разузнай!"

Саттар промолчал.

Они шли по улице, затянутой вечерним сумраком. Издалека слышались голоса - это молодежь собиралась в комсомольский клуб. Анзират без охоты шла сегодня на спектакль; ей так редко удавалось видеться с Саттаром. Вот и сейчас он занят, думает о чем-то постороннем, и Анзират должна весь вечер быть одна...

Саттар смущенно молчал и печально поглядывал на девушку. Анзират спрашивает, почему он невеселый, странный. Если бы она знала, какое несчастье обрушилось на них. Страшное несчастье... Сегодня под вечер, всего час-полтора назад, в городскую больницу вместе с ранеными бойцами особого отряда привезли ее мертвого отца - Умара Максумова. Знал Саттар и о том, что смерть свою старый мастер нашел не в открытой схватке с врагом, а от чьей-то предательской руки.

У Анзират нет больше отца... А отец у нее был замечательный. Много отыщется в Бухаре людей, которые пойдут проводить его в последний путь. Очень много. Много найдется людей, в судьбу которых вмешался Умар. Как его может забыть отец убитого доброотрядца Алиева, которого Умар спас от расправы белоказаков? А Расулев? Тот Расулев, что работает сейчас директором школы. А тогда, в двадцать первом, он умирал от тифа и голода. И спас его Умар. Спас не только его, но и его сестру и мать. Он выходил, выкормил их. А Шарипов, Ниязов, Фатхулин, Садыков - его ученики, которым он передал свое тонкое искусство! Да разве всех перечтешь? Одного старый чеканщик спас от смерти, другому еще в эмирские времена помог бежать от страшного клоповника, третьему, одурманенному и запуганному, открыл глаза, и тот ушел из басмаческой банды и привел с собой товарищей. И все они теперь честные люди и хорошо живут. Четвертому помог жениться. А сам Саттар? В двадцатом году Умар взял Саттара, круглого сироту, к себе, воспитал его, обучил ремеслу. А теперь Умара нет... Но как сказать об этом Анзират?

А сказать надо. Смерть, о которой знает уже целый кишлак и добрая сотня людей в городе, не могла долго оставаться тайной. Но сказать ей сейчас правду - нет, это было выше его сил.

Анзират, шедшая рядом, что-то чувствовала, видела, что ее верному Саттару не по себе.

- Почему ты молчишь? - сжимая его кисть горячими руками, спросила она.

- Думаю, - ответил Саттар первое, что пришло в голову.

- О чем?

- Да все о том же... Как мы поедem в Ташкент... А потом, быть может, в Москву... Ведь когда-нибудь надо побывать в ней, - солгал Саттар, и от этого на душе стало еще горше.

Анзират сердцем чужла ложь.

- Ты говоришь неправду, - тихо сказала она и опустила голову. - Ты обманываешь меня. Ты хочешь, чтобы я обиделась и никуда не пошла?

- Нет... Не надо... Я все расскажу тебе, но потом...

- Когда?

- Когда буду провожать домой.

- Я хочу, чтобы ты сказал сейчас. Если ты любишь Анзират, ты должен сказать сейчас...

- Нет... Не сейчас... Это долго, и... мне надо спешить. Ты же знаешь, что я отпросился всего на час... Я приду к концу спектакля, провожу тебя домой и тогда все-все расскажу. Честное слово.

- Комсомольское?

- Комсомольское!

- Может, я провинилась перед тобой?

- Что ты... что ты!.. Никто здесь не провинился... Тут совсем особенное. Я даже не знаю, кто виноват.

- Возможно, отец?

- Что отец? - едва не вздрогнул Саттар и почувствовал стеснение в груди.

- Может быть, он виноват?

- Он и подавно ни при чем, - с тоской выговорил Саттар.

- Эй! Саттар, Анзират! Идите сюда! - раздался чей-то веселый голос. - Скоро начинаем...

У входа в клуб толпились девушки и юноши. Кругом раздавались громкие голоса, веселый смех, шутки.

- Иди, - подтолкнул Саттар любимую. - Я приду минут за десять до конца и буду ждать тебя здесь.

- Ну, смотри! - погрозила пальцем Анзират. - Ты дал слово.

- Да, да, да...

Девушка побежала, оглянувшись на полпути, несколько раз махнула рукой и затерялась в бурлящей толпе молодежи.

Саттар повернулся и, взволнованный, быстро зашагал в ту сторону, где находились казармы дивизиона...

Сдержу слово... Легко сказать! А как она воспримет эту страшную весть? Если он, мужчина, узнав о смерти Умара, забившись в манеж, плакал навзрыд, то как же она?

Бедная Анзират! Бедная тетушка Саодат! Не ведают они, какое обрушилось на них горе.

Саттар шел, не видя встречных, поглощенный своими мыслями.

Недалеко от расположения части его вывели из раздумья хорошо знакомые призывные и беспокойные звуки - дивизионный горнист трубил тревогу:

"Там... там... та-та, та-ты, там..."

Саттар подхватил левой рукой клинок и бросился к казармам.

У распахнутых ворот он врезался в бурный встречный людской поток: поправляя на ходу шлемы, застегивая гимнастерки, подтягивая поясные ремни, к конюшням бежали бойцы и коноводы.

"Там... та-там... та-ты, та-ты-там", - звенела труба.

Через несколько минут, когда дивизион был выстроен на плацу, командир части сказал собравшимся командирам и политработникам:

- Полчаса назад на кишлак Чучман налетела басмаческая банда. Убиты председатель кишлачного совета и колхоза, секретарь партиячейки, двадцать шесть колхозников, инженер и техник водхоза. Сообщение передано по телефону. В банде насчитывается около полусотни всадников. Можно предположить, что основное ядро банды составляет группа, приведенная с той стороны Ахмедбеком... Наш план таков...

Еще через несколько минут в три стороны, звонко цокая подковами о булыжную мостовую, мчались навстречу степной темноте красные конники.

Среди них был и помощник командира взвода Саттар Халилов.

Спектакль затянулся допоздна.

В половине первого двери клуба с шумом распахнулись, возбужденные зрители с мокрыми спинами и лицами, обмениваясь впечатлениями, вывалили на улицу, в ароматную ночную прохладу, и быстро рассеялись по темным улицам и переулкам.

Анзират подошла к месту, где ее должен был поджидать Саттар. Странно, его не было... Она прошла вдоль фасада клуба, повернула обратно. Саттар не появлялся. В чем же дело? С ним никогда не случалось подобного. Быть может, его задержали в казарме?

Анзират теребила косички и прислушивалась, ловила ухом шорохи и звуки: может быть, раздадутся знакомые шаги...

Над городом плыла темная и теплая ночь. В садах самозабвенно и упоительно заливались на все лады соловьи. В воздухе мелькали летучие мыши. В арыках тихо журчали холодные потоки чистой горной воды.

Анзират подошла к арыку, присела, зачерпнула несколько раз пригоршнями воду и освежила лицо. И, задумавшись над ласково поющей водой, мысленно разговаривала с Саттаром. Но Саттара нет. Анзират поднялась, смахнула с рук холодные капли и, опечаленная, пошла домой.

Она шла медленно. Беспокойные мысли одолевали ее. Почему Саттар был такой необычный и так странно вел себя? Говорил об их будущей жизни, а в голосе ни одной радостной нотки, словно это будущее не радовало, а печалило его...

Но о чем он хотел рассказать? Наверное, что-нибудь очень важное, а может быть, и ужасное, если сразу не решился. А что, если разлюбил? От этой мысли Анзират стало так страшно, что она даже остановилась посреди темной улицы. Но нет, не может этого быть. Ведь глаза Саттара были такими любящими, когда они прощались.

Она перешла мост через головной арык. На нее пахнуло прохладой и сыростью.

Позади, кажется, там, где рынок, раздался свист. Анзират не обратила на него внимания: мало ли кому пришлось в голову свистеть!

Теперь она шла узкой улочкой, сжатой с обеих сторон высокими глухими дувалами.

Позади опять слышались какие-то звуки. Похоже было, что по дощатому настилу провели лошадей.

Анзират представила себе, как Саттар прибежит утром домой, и лицо у него будет смущенное, виноватое... А она сделает вид, будто ей некогда...

Совсем рядом раздался шорох. Анзират вздрогнула и остановилась. Может быть, слышалось? Чепуха какая-то... И в ту же секунду через дувал перевалились и спрыгнули на улицу, чуть не сбив ее с ног, сразу двое.

Анзират не успела ни разглядеть их лиц, ни крикнуть. Они бросились на нее, заломили руки за спину и сунули в рот какую-то тряпку. Один обвязал ее веревкой, другой накиннул на лицо душную паранджу.

Потом слышался конский топот. Чьи-то сильные руки подняли ее, перекинули через седло, и кони понеслись вскачь.

10

Пришло раскаленное сухое лето. В полдень зной, казалось, обжигал легкие. Столбик ртути поднимался до сорока восьми градусов. В городе дышать было трудно, и залитые горячим сиянием улицы будто вымерли. Но в казарме жизнь шла своим чередом. Ежедневно, вскакивая с постелей, бойцы дивизиона строились и бежали на конюшни чистить лошадей, потом - туалет, утренняя поверка, физподготовка, завтрак, политзанятия, изучение уставов стрелкового и конного дела, тактики и топографии.

Сегодня день выдался особенно жаркий. Солнце пекло немилосердно. Саттар Халилов, проводивший со взводом занятия в манеже, услышал сигнал отбоя с особенной

радостью. Отправив бойцов на конюшню расседлывать лошадей, он выкурил папиросу и присел в тени. Вчера он тоже не ходил в столовую: есть в такую жару не хотелось. Его мучила жажда, и, посидев немного, он направился к уличному киоску за воротами - выпить кружку квасу.

За последние четыре месяца Саттар заметно изменился. И без того сухое лицо его, покрытое темным загаром, стало еще суше и как бы замкнутее. Щеки ввалились, глаза сделались больше, и под ними залегли тени. Весь он стал худее, тоньше и будто выше. Но удивительно! - ослабевшим он себя не чувствовал, мышцы даже окрепли, и клинком он владел по-прежнему отлично, числясь в первой пятерке дивизиона.

Когда Саттар дошел до ворот, его окликнул дневальный:

- Товарищ помкомвзвода! Это вам... - и подал небольшой замусоленный конверт.

- Мне? - удивился Саттар. На конверте не было никакой надписи.

- Да, вам, - подтвердил дневальный. - Сказано было вручить в руки самому Халилову. Я еще нарочно пошутил: у нас, говорю, два Халиловых, какому же из них? Мне ответили: тому, которого зовут Саттаром.

- Хм... Интересно! А кто же передал?

- Мужик узбек...

- Какой он из себя?

- Да обыкновенный, как и все. Не молод, в годах уже. Вот, правда, глаза его мне не понравились. Испуганные какие-то... А в остальном ничего особенного.

Халилов пересек широкую улицу и направился к киоску. На ходу он вертел конверт, рассматривал его со всех сторон и никак не мог додуматься, от кого же письмо.

Выпив кружку теплого и очень кислого кваса, он прошел до маленького сквера, сел на деревянную изгородь, разорвал край конверта, не спеша вынул из него помятый листок, сложенный вчетверо. Раскрыл - и замер... На него смотрели знакомые очертания букв. Этот почерк он различил бы из тысячи других! Письмо было написано рукой Анзират...

"О Саттар, свет очей моих! - писала Анзират. - Знай, что страшная судьба, хуже смерти, постигла ту, которая любила тебя и для которой ты был повелителем сердца и радостью жизни. Ты должен был скоро назвать меня своей женой. Но теперь это уже невозможно, теперь я жена чужого, ненавистного человека.

Я пишу тайно, за мной следят, поэтому кратко расскажу, что случилось в тот вечер, когда я так ждала тебя, а ты не пришел.

Я долго ждала тебя, беспокоилась и сердилась, а потом одна пошла домой. В дороге все и случилось. За головным арыком на меня набросились двое, скрутили мне руки, заткнули рот, закутали в паранджу и увезли. Мы ехали ночь, день, еще ночь и еще день. И меня привезли туда, где я нахожусь сейчас. Кишлак называется Обисарым.

Меня насильно сделал своей женой Наруз Ахмед, сын басмача Ахмедбека. Третьей женой по счету. И он сказал мне то, чего не решился сказать ты: он умертвил отца. А потом выкрал и опозорил его дочь. Он сказал мне: "Ты родишь сына, и когда ему будет год, я на твоих глазах отрублю ему голову. Так же поступлю и со вторым. А тебя брошу в клоповник, и ты там сгниешь заживо".

За каждым моим шагом неусыпно следят его люди, но один из них пожалел меня и пообещал передать тебе это письмо. Может быть, это подвох, и письмо не дойдет до тебя? Не знаю, но хочу верить, что дойдет.

Я люблю тебя по-прежнему. Но как бы велика ни была эта любовь, я знаю, что уже недостойна быть твоей женой. Об этом я и не прошу тебя. Прошу о другом: найди этот кишлак. Дом, в котором меня держат, самый большой и окружен тополями. Найди и вырви меня из этого страшного места. Я буду ждать тебя ровно месяц, а если ты не придешь, я наложу на себя руки. Так решило мое сердце...

Анзират, 27 июня".

Несколько секунд Саттар сидел как, оглушенный, непонимающе глядя в письмо. Жива! Она жива! Это главное, все остальное - чепуха. Он спасет ее, пусть это будет стоить ему даже жизни...

Первым побуждением Саттара было вскочить и броситься к тетушке Саодат - скорее сказать ей, что нашлась Анзират, что она жива. Надо обрадовать женщину. Ведь она сразу потеряла двух дорогих людей и осталась одна-одинешенька на свете!

Хотя нет. К тетушке бежать нельзя. Зачем тревожить ее сердце? Уж лучше явиться к ней вместе с Анзират.

Саттар еще раз прочел письмо, бережно свернул его, спрятал в карман гимнастерки и бегом направился к воротам казармы.

Все эти четыре месяца после таинственного исчезновения Анзират Саттар безуспешно разыскивал ее. Чего только он не предпринимал, куда только не обращался! На ноги была поставлена милиция, доброотрядцы.

Анзират искали в самом городе, на дорогах, на станциях, в дальних и близких кишлаках. Запросы о ней по телеграфным проводам полетели в Ташкент и Самарканд, Фергану и Чарджуй, Сталинабад и Ашхабад. Ее тело искали на железнодорожных путях, в прудах, арыках, плотинах, реках, колодцах. Но человек пропал бесследно. Ни единая душа не могла пролить свет на тайну, окутывавшую исчезновение девушки. Высказывались тысячи догадок, предположений, построенных на зыбкой почве и, конечно, не прояснявших дела. Человек как сквозь землю провалился, не оставив никакого следа.

Постепенно все примирились с мыслью, что отыскать Анзират невозможно. Не смирился только Саттар. С мрачным упорством и отчаянной решимостью продолжал он розыски, используя для этого каждую свободную минуту, выходные и праздничные дни, совмещал их со служебными выездами, специально отпрашивался у командования в дальние поездки. Но все было тщетно...

И вот ее письмо! Сразу две тайны раскрыло оно Анзират назвала и убийцу отца и своего похитителя - это был Наруз Ахмед.

Саттар вбежал в помещение штаба и, получив разрешение дежурного по части, начал с такой силой крутить ручку телефонного аппарата, что на столе все задребезжало. Он знал, что Наруз Ахмед служит в союзе кооперативов, и звонил туда. На вопрос Саттара, где находится сейчас Наруз Ахмед, работники отдела кадров порекомендовали ему обратиться в спецчасть. Саттар дозвонился туда, потребовал к телефону начальника и повторил свой вопрос. Начальник спецчасти помедлил, а потом любезно осведомился:

- А кто его просит?

Саттар почему-то ответил, что говорит знакомый Наруза Ахмеда.

В ответ он услышал:

- Справок по телефону не даем... Зайдите лично...

Озадаченный Саттар вышел из помещения штаба, постоял несколько минут под лучами раскаленного солнца, подумал. Собственно, зачем ему вдруг понадобилось удостовериться, работает или не работает в союзе Наруз Ахмед? Ну а если работает? Что из того? Что он, Саттар, может предпринять? С этого ли надо начинать? Нет, надо с кем-то посоветоваться. Если уж Наруз Ахмед пошел на такие страшные дела, то его, видно, голыми руками не возьмешь. Саттар пересек раскаленный двор, поднялся на крыльцо, постучал в неприкрытую дверь и, получив разрешение войти, перешагнул через порог.

В низенькой комнате сидели за столом и прихлебывали чай из цветастых пиал командир второго эскадрона Корольков и уполномоченный особого отдела Шубников.

- Товарищ комэска! - обратился Саттар, приложив руку к козырьку буденовки. - Я к вам по личному делу. Разрешите?

- Присаживайся, - и комэска показал на табуретку. - Чай пить будешь?

- Не хочу, - усаживаясь, ответил Саттар. - Не до чая мне...

- Вот как! - усмехнулся Корольков. - Что же у тебя стряслось? Или опять старая история?

- Точно так, старая, - и Саттар полез в карман.

- Что ж... выкладывай, послушаем. Один ум - хорошо, а три - лучше.

- Вот, читайте, - подал письмо Саттар. - Лучше я не расскажу.

Комэска отпил из пиалы еще несколько глотков чаю, застегнул ворот гимнастерки и принялся за чтение. Читал он вслух, медленно, четко, соблюдая знаки препинания. Прочитав фразу по-узбекски, он секунду молчал, а потом, пошевеливая пальцами в воздухе, будто нащупывая слова, переводил на русский язык.

Уполномоченный слушал с невозмутимым лицом и продолжал прихлебывать чай. На лице его было такое выражение, будто все на свете ему безразлично, в том числе и судьба какой-то девушки Анзират, попавшей в беду.

Комэска прочел, покрутил головой, потуже затянул поясной ремень и сказал:

- Смотри! Вот диво! Значит, отыскалась?

- Я звонил на службу Нарузу Ахмеду, - пояснил Саттар, - но там мне не захотели отвечать. Говорят, справок по телефону не даем...

Корольков тем временем вынул из полевой сумки сложенную гармошкой карту, расстелил ее на столе и отыскал на ней кишлак Обисарым:

- Эге! Туда, верно, и ворон костей не заносит. Нашел, змеиное отродье, местечко! Что же, выручать надо деваху? - и он посмотрел на уполномоченного.

Тот продолжал пить чай, отдувался и молчал.

- Выручать, товарищ комэска! - горячо подхватил Саттар. - Если бы только знали, какая это девушка...

- Да уж известно какая, самая лучшая, - улыбнулся тот. - У старика Умара плохой дочки и быть не могло! А пишет она складно, ясно.

Саттар не знал, что сказать по этому случаю.

- И что же ты решил? - спросил комэска.

- Арестовать его надо, эмирскую собаку, товарищ комэска. Он - дважды преступник. Он убил Умара Максумова, похитил и... - дальше он не мог продолжать.

- Это правильно, - согласился комэска, и лицо его будто отвердело. - И к стенке поставить за такие художества. Обязательно к стенке. Но прежде поймать его надо. Он, небось, в конторе потребкооперации не сидит после таких дел, нас с гобой не дожидается...

- Поймать! - загорячился Саттар. - Немедленно! Разрешите, товарищ комэска, взять коня, Барса... Поскачу в этот кишлак, подниму на ноги тамошний актив, захвачу этого мерзавца. Анзират привезу.

- Прыткий ты, я вижу, - усмехнулся комэска. - Это не так просто... Я тебе скажу, а ты пока забудь. Понял? Я сам только что узнал. Наруз Ахмед банду водит...

Саттар от удивления поднял брови. Потом подумал, что в этом, собственно, ничего неожиданного нет.

- Но водить ему осталось недолго, - продолжал комэска. - Придет и его черед. И скорее, чем он думает. А пока он занят своими делами, ему, видно, не до жены. Поэтому мой совет...

- Все понятно, товарищ комэска. Можно отправляться?

- Стоп! погоди! - поднял руку до сих пор молчавший уполномоченный особого отдела Шубников. Так не пойдет, Саттар. Что же, думаешь, мы одного тебя в волчью пасть сунем? Не дело! Один в поле не воин. Девушку-то тебе на блюде едва ли вынесут. Не для того они ее уворовали. За нее они драться, пожалуй, будут, И ты, парень, выручая невесту, сам угодишь в беду.

- Не надо мне никого, - горячо возразил Саттар. - Сам управлюсь. Это мое чисто личное дело.

- Это еще как сказать, - невозмутимо заметил Шубников и, достав из кармана блокнот, начал что-то писать. Закончив, он сложил листок, подал его Саттару и спросил: - Командира особого отряда ОГПУ знаешь?

- Так точно.

- Отдашь ему. Он выделит тебе двух хлопцев. Я пишу каких. Одного русского, другого -

таджика. Ребята - орлы.

- Есть! Спасибо! Я оседлаю коня и мигом!

- Вот и отлично, - потер руки комэска и обратился к Саттару: - Найдешь кишлак?

- Найду, - твердо заявил тот.

- А лучше посмотри на карту. Вот видишь, О-би-са-рым. И кишлачок-то так себе, дворов тридцать-сорок не более, а забрался куда - ровно орлиное гнездо! Дорога одна через ущелье идет, а другая через перевал. Но эта длиннее. Выбирай сам, на месте будет виднее. Ну, поезжай! Командиру дивизиона я сам скажу. Дуй! Аллюр три креста!

- Есть! - ответил Саттар, круто повернулся и выбежал из комнаты.

11

Кавдивизион после долгого и утомительного марша по пескам Таджикистана остановился на дневной отдых в районе строительства крупной плотины.

Бойцы и командиры, невзирая на адскую жару, спали, где кто мог. Ночью предстоял новый длительный марш и надо было набраться сил.

Уполномоченный особого отдела Шубников долго лежал в душной войлочной кибитке, силясь уснуть, но, окончательно убедившись, что из этой затеи ничего не выйдет, встал и вышел.

В голове от бессонной ночи и жары стоял неумолкающий звон, глаза воспалились и горели, словно они были забиты сухим песком.

Шубников, вялый и ослабевший, без всякой цели побрел по поселку строителей, напоминавшему собой цыганский табор.

В красном уголке с настежь распахнутыми окнами шла громкая читка газет. Слушатели сидели на скамьях, думая о чем-то своем. Кое-кто дремал.

Шубников прошел мимо. Миновав три ряда палаток с поднятыми краями, он подошел к крайней. Перед ней на открытом воздухе, к большому ящику, служившему столом, тянулась длинная очередь. Молодая женщина, врач или медсестра, в белом халате наливала из бутылки в чарку жидкость и давала каждому выпить.

По тому, как каждый выпивший кривился, отплевывался и тихонько поругивался, можно было догадаться, что здесь поили хинным раствором.

Шубников побрел дальше и, выйдя на край глубокого котлована, стал наблюдать за работой. Нескончаемой вереницей, приседая и балансируя, по дощатым настилам двигался людской поток: из котлована с груженными тачками, а обратно - с пустыми. Голые спины землекопов, потемневшие от солнца, отливали медью.

К Шубникову подошел и встал рядом пожилой черный как жук человек в тубетейке и цветастом халате. Он тоже наблюдал за работами и изредка покрикивал:

- Не задерживай, Усман! Не задерживай!

Или:

- Оттуда тачкой не выберете, возьмите носилки!

Шубникова он, казалось, не замечал. Так прошло несколько минут, и вот совсем неожиданно уполномоченный услышал:

- Большое дело, начальник. Большое дело...

- Ты, ата, мне говоришь?

- Да, тебе... Я искал тебя... Только ты не подходи ко мне. Это лучше. И не смотри в мою сторону. Стой так и слушай меня...

- Хорошо, - произнес заинтересованный Шубников и спросил: - А ты знаешь, кто я?

- Знаю, начальник, потому и говорю. Я - бригадир землекопов. В мою бригаду сегодня утром пришли трое оттуда...

- Откуда?

- С чужой земли.

- С той стороны?

- Да...

- Их много оттуда идет.

- Правильно, но все разные. Одним нужна мануфактура, другим мука, третьим чай, четвертым - наша кровь. Но эти трое - честные люди, рабочие люди. У них пустой желудок, они хотят работать. Им можно верить. Они мне сказали сейчас, что на нашу сторону перебрался курбаши

Мавлан со своей бандой.

- Знаю об этом.

- Но ты не знаешь, где таится банда.

- А ты?

- Я тоже не знаю, а эти трое знают и могут сказать.

Шубников скосил глаза и посмотрел на таджика. Тот, прикрыв ладошкой брови, внимательно следил за работами в котловане.

- Мухитдин-ата! Иди, пей хину! - крикнул он. - А то опять вечером малярия затрясет. Передай тачку Халилу!

- Дальше говори, - напомнил о себе Шубников.

- И еще они расскажут тебе, что на подмогу к Мавлану идет с гор со своей шайкой какой-то Наруз Ахмед. Сообща они готовятся напасть на районный центр.

- Где эти люди? Я хочу их видеть.

- За этим я и пришел. Я пойду, а ты не теряй меня из виду. Иди за мной, но не сразу. Так лучше. Тут есть разные глаза и разные уши.

Бригадир отдал еще какую-то команду рабочим и медленной походкой направился в поселок. Минуту спустя в противоположную сторону пошел Шубников и обогнув высокие отвалы земли, повернул к поселку.

12

Белое солнце немилосердно жгло землю. С юга дул огненный "афганец", свистел в чахлах кустиках верблюжьей колючки, шевелил песчаные гряды, курчавил загривки мертвых барханов.

Вокруг простиралась бурая, выжженная пустыня. Сквозь палящий зной навстречу горячему солнцу мчались три всадника. Пыль покрывала их с головы до ног, песок лез в глаза, щекотал ноздри, поскрипывал на зубах.

Всадники торопились, Путь их лежал к далеким горам, что громоздились на юге, увенчанным белыми снежными шапками.

- Сатанинское пекло! - зло бросил Саттар Халилов, скакавший впереди. Он перевел коня с рыси на шаг. Два бойца пристроились к нему по обе стороны.

- Да, здорово печет, - согласился таджик Закир и, сняв фуражку, вытер рукавом бритую наголо голову.

- Посмотрите! - воскликнул Гребенников и выбросил руку вперед.

Зрелище было обычным для этих мест. Горячие лучи солнца, встречаясь на своем пути с охлажденным воздухом гор и преломляясь в нем, создавали причудливые миражи. Фантастические картины менялись одна за другой. Вначале показалась неохватная глазом ширь водной глади, а секунду спустя с другой точки рисовались уже какие-то сказочные чертоги со множеством колонн, которые, в свою очередь, сменил зеленый цветущий оазис.

- Если бы вместо всех этих сказок кишлак Обисарым показался... - зло проговорил Саттар.

- Его не увидишь, - ответил Закир. - Его только с воздуха и можно увидеть. В горах он лежит.

- Ты давно в нем был? - спросил Саттар.

- Шесть лет назад. Батрачил там весну, лето и осень. Мой родной кишлак в двадцати километрах от Обисарыма... И тоже в горах. Похожи они один на другой.

- А дом Наруза Ахмеда знал? - поинтересовался Саттар.

- Нет, про Наруза Ахмеда я тогда ничего не слышал.

- Эге! Кто же это? - и Гребенников резко осадил своего коня.

Все посмотрели направо. Из глубины песков наперерез им неслась группа всадников, примерно с полэскадрона.

Остановились и Саттар с Закиром.

- Это уже не мираж, - с усмешкой проговорил Гребенников. - От такого миража нам может не поздоровиться.

Все трое без всякой команды приготовили винтовки, передернули затворы и стали ждать.

- Стрелять только по команде, - предупредил Саттар и подумал: "Плохо дело. Это, видно, джигиты Наруза Ахмеда. Нас они, конечно, увидели. Но как же мы их прозевали? Придется держать бой. Бежать глупо, да и все равно не уйдешь".

Группа мчалась без строя, и это-то главным образом насторожило Саттара, хотя он и знал, что нередко красные конники, чтобы не спугнуть басмачей и навязать им бой, следуя их же обычаю, передвигаются в песках без строя.

Когда расстояние сократилось, Саттар вдруг поднял винтовку над головой, потряс ею и крикнул:

- Наши! Дивизионцы!

Теперь уже Саттар хорошо разглядел серого коня, на котором сидел уполномоченный особого отдела Шубников.

Всадники сблизилась, спешили, повалились на горячий песок и тотчас задымили сигарками.

Шубников улегся рядом с Саттаром и спросил:

- Кого-нибудь встретили в пути?

- Ни души. Ни вчера, ни сегодня. А что?

- Курбаши Мавлан соединился с Нарузом Ахмедом. Они целились на райцентр, но наши их отбросили, и теперь банда уходит в пески. Мы вышли на перехват.

- А особый отряд выступил? - спросил Гребенников.

- Выступил. И доброотрядцы, и краснопалочники. Все выступили. Мы их окружить должны. Завтра, по всем видам, рубиться будем.

Саттар смущенно сдвинул фуражку на глаза. Он понимал, что не вовремя оставил свою часть. Конечно, его личное дело тоже не терпит отлагательства, ведь речь идет о живом человеке, может быть, о жизни Анзират. И тем не менее он чувствовал себя неловко.

Шубников будто разгадал его мысли.

- Как только выручишь свою деву, поручи ее ребятам, а сам скачи ко мне. Понял?

Саттар кивнул.

- Я буду в засаде у Белого Мазара. Знаешь?

Саттар опять кивнул.

- А теперь скачи! Время дорого. И поглядывай хорошенько! Сейчас и на банду напороться не трудно. Их дозоры снуют всюду.

Уполномоченный поднялся с песка, еще раз два затянулся и отдал команду:

- По коням!

Дивизионцы взлетели в седла.

- Счастливо! - крикнул Шубников, трогая своего коня. - Быстрее оборачивайтесь, хлопцы!

Саттар, Гребенников и Закир сели на коней.

Группы тронулись, каждая в свою сторону.

Часа через три солнце спустилось к горизонту. Слева, километрах в десяти, неясно

замаячили постройки одинокого кишлака.

- Колхоз имени Буденного, - пояснил Закир. - Хороший будет колхоз. Сейчас к нему воду ведут от канала.

Солнце скрылось за край земли. Небо сделалось багряным, потом тускло-серым.

Всадники понукали коней.

Наконец сиреневые громады гор вплотную надвинулись на степь. Дорога начала сужаться и повернула к ущелью, откуда тянуло холодным воздухом.

- Уртак помкомвзвода! - обратился к Саттару Закир. - Разрешите, я поеду передним. Тут трудная дорога. Очень трудная.

Всадники вытянулись гуськом. Каменистая ступенчатая тропа, прижимаясь к левой стене ущелья, повела на подъем.

- Овринг, - сказал, обернувшись, Закир.

Да, это был овринг - карниз, вырубленный руками человека вдоль отвесных скал. Местами он был выложен камнем, местами - бревнами, кое-где - хворостом. По зыбкому, непрочному настилу лошади двигались медленно. Чем выше поднималась тропа, тем осторожнее делался их шаг. Слева высились скалы, справа, по дну ущелья, неся, грохоча и пенясь на камнях, бурный горный поток.

Почти у самого перевала, откуда тропа должна была пойти на снижение, на остром, как кинжал, скалистом пике всадники увидели крупного архара. Он стоял, не шевелясь, точно каменное изваяние, высоко подняв голову, увенчанную массивными рогами.

Карниз становился все уже и уже, и разминуться со встречным всадником здесь не было никакой возможности. Хворостяной настил колыхался под ногами коней. Казалось, что в любую минуту он может рухнуть и увлечь за собой в пропасть людей и животных.

Лошади, похрапывая, жались потными боками к каменной стене.

Когда в небе показались первые звезды, ущелье раздвинулось, горный поток исчез, и тропа незаметно перешла в каменистую дорогу. Она круто повела вниз, в неширокую долину.

Всадники придержали коней. Перед ними, как на рисунке, лежал кишлак. Среди темной зелени садов желтели глиняные домики. Один из них, как и писала Анзират, заметно выделялся. Он стоял посреди сравнительно большой усадьбы, окруженный высокими тополями, напоминавшими своей пирамидальной формой кипарисы.

Да, ничего не скажешь: Нарус Ахмед знал, куда упрятать свою жертву! Здесь Анзират ограждена от любопытных взоров и отрезана от всего мира.

Саттар тронул коня и начал спуск в долину.

Сумерки быстро сгущались. Наплывала звездная прохладная ночь. В кишлаке стояла тишина, и единственная улица его была безлюдна.

У ворот большой усадьбы всадники остановились. Ворота и дувал были настолько высоки, что даже с коня не удавалось заглянуть во двор.

Саттар постучал сапогом в ворота. Залаяла собака. Спустя некоторое время послышался голос:

- Кто там?

- Свои! - ответил Саттар. - Бойцы кавдивизиона.

- Сейчас, сейчас... Возьму ключи...

- Ого! - многозначительно заметил Гребенников. - Ворота на запоре.

- Таким "своим" они как раз и не особенно рады, - усмехнулся Закир. - Какие мы им "свои"?..

Пришлось прождать несколько минут, прежде чем загремели ключи и ворота раскрылись.

Гостей встретил взъерошенный и перепуганный "хозяин" усадьбы, садовник Наруза Ахмеда. Приложив руку к сердцу, он рассыпался в приветствиях.

Гости поздоровались, и Саттар спросил:

- Хозяин?

- Да, хозяин.

- Остановимся у тебя на несколько дней.

Садовник угодливо поклонился и предложил Халилову поставить лошадей в конюшню.

- Не стоит, - отклонил предложение Саттар. - Ночью лучше на воздухе, а утром видно будет. Располагайтесь вон там, - и он показал бойцам на угол дувала, где виднелось что-то вроде коновязи. - Коней не бросать, - тихо предупредил Саттар товарищей. - Дежурьте по очереди.

Задав лошадям корму, "хозяин" пригласил Халилова в дом. У порога он полил гостю на руки воду из старинного медного кувшина с узким горлом, потом ввел в просторную комнату с пустыми нишами в стенах, где, кроме низенького круглого стола и потрепанного ковра на полу, никакой обстановки не было.

Однако через несколько минут все преобразилось. Хозяин внес большую белую кошму, развернул ее и положил вдоль стены мягкие пуховые подушки.

Едва он успел уложить последнюю подушку, как в комнату степенно вошел плотный пожилой человек с отвислыми чертами лица и маленькими, близко поставленными глазами. Из-под распахнутого халата его выглядывал треугольник груди темно-багрового цвета.

- Это мой гость, родственник, - представил его садовник. - Приехал из Андижана проведать... - Гость подал твердую руку Халилову, и тот почему-то сразу решил, что это вовсе не родственник. Саттар не узнал в нем Бахрама, телохранителя Ахмедбека, - ведь много прошло с того времени, когда мальчишка Саттар видел грозного Бахрама.

Садовник удалился. Бахрам и Халилов уселись на кошму, закурили, помолчали, а потом заговорили о разных разностях. Говорил, собственно, Бахрам, а Халилов слушал. Слушал и в то же время мысленно обыскивал дом, в котором скрывали его любимую. Дом был велик. В нем, конечно, не две и не три комнаты. И в какой-то из них спрятана Анзират, но в какой - догадаться трудно. Неужели Анзират, несчастная родная Анзират, здесь, под этой крышей?

Обводя внимательным взглядом стены, Саттар заметил с правой стороны еще одну дверь, узкую, невысокую, покрашенную известью. По всему было видно, что ею давно не пользовались. Интересно, куда она ведет?

Пока Бахрам и Халилов курили и беседовали, пожилая женщина накрыла стол. На нем появилась цветная скатерка, пиалы, чайники, лепешки, мелкий кишмиш, вяленый урюк янтарного цвета, кувшин со сливками.

Когда Бахрам и гость стали усаживаться у стола, в комнату вошел местный мулла - жирный старик с полусонными глазами. Он преувеличенно любезно приветствовал редкого гостя, высказал несколько комплиментов по адресу красных командиров и заявил, что считает для себя большой честью знакомство с Халиловым.

В пиалы полился ароматный чай лимонно-желтого цвета.

- Надолго к нам в гости? - поинтересовался мулла тонким дребезжащим голосом.

- Как будете принимать! - шутливо ответил Халилов, отпивая горячий напиток.

- Обижаться не придется, - проговорил садовник. - Под крышей моего дома гость находит все, что душе угодно.

- А гости бывают часто? - спросил Саттар.

Его сотрапезники переглянулись. Ответил мулла:

- Сказать правду, не балуют. Редко заглядывают. Поэтому мы всегда и рады им.

- Когда-нибудь приходилось бывать у нас? - поинтересовался садовник.

Саттар ответил, что не приходилось

- Может быть, позвать председателя совета? - искательно осведомился мулла. - Он вам нужен?

- Да, нужен, но звать не надо. Завтра я сам схожу к нему.

Саттар размышлял так: кони должны отдохнуть основательно, иначе на них далеко не

уедешь. Под утро Саттар вместе с бойцами осмотрит весь дом и найдет Анзират. И пусть ни одна душа не пытается помешать ему в этом.

Женщина принесла блюдо с горячим пловом.

- Надо позвать твоих аскеров! - предложил садовник. - Плова на всех хватит.

- Не надо. Я им туда отнесу, - сказал Саттар. - Они должны быть около лошадей.

- Излишняя осторожность, - заметал мулла. - У нас в кишлаке спокойно. Да и ворота на замке.

Саттар ничего не ответил.

Когда с едой покончили и вновь вернулись к чаю, садовник встал, прошелся по комнате и, незаметно подав знак Бахраму, вышел. Вскоре за ним последовал и Бахрам.

Халилов остался наедине с муллой. Тот, медленно попивая чаек, завел обстоятельный разговор: расспрашивал Саттара о семье, о родителях, дядьях и тетках, о военной службе. Полчаса спустя, пожелав гостю хороших сновидений, мулла тоже удалился. Но тотчас же вошел садовник. Широко улыбаясь, он еще раз предложил позвать к столу бойцов: надо же угостить таких славных джигитов. Саттар взял блюдо с пловом и сказал:

- Не обижайтесь, ата, но не надо джигитам отлучаться от коней. Время беспокойное... А за плов спасибо. Я им отнесу его.

Настойчивость садовника не понравилась Халилову. Он вышел из дому, пересек двор и подошел к товарищам. Те стояли возле оседланных лошадей и о чем-то тихо переговаривались.

- Принимайте угощение, - сказал Халилов, подавая плов Гребенникову. - А зачем оседлали лошадей?

- На всякий случай, - ответил Закир. - Тут что-то затевается. Я уж хотел сам идти к вам...

- Ну, ну... рассказывай.

- Выгуляли мы с Гребенниковым коней, обтерли, напоили, сами подкрепились из запасов. Ну и решил я по саду пройтись, груш немного набрать, уж очень хороши они в Обисарыме, знаменитые груши здесь. Ну, постоял я под старой грушей, съел парочку и прилег на травку отдохнуть. А кругом - груши...

- Да что ты тянешь, груши да груши! - вскипел Саттар. - Рассказывай скорее!..

- Я и рассказываю, - невозмутимо продолжал Закир. - Так вот, лежу я в травке, еще парочку груш съел и только думал для Гребенникова набрать, как вижу, пришли двое: здешний хозяин, что встречал нас, а с ним второй - неизвестный. Встали они недалеко от меня, за персиками - персики здесь тоже хорошие, - и заспорили. Хозяин говорит, что надо седлать коней и сейчас же увозить кого-то, а второй возражает, доказывает, что никак нельзя увезти, так как бойцы находятся во дворе, увидят, что выводит коней из конюшни. И вот тогда я сообразил, что они, наверное, ведут речь о твоей Анзират.

- Не иначе, как о ней, - подтвердил Гребенников.

Халилов, волнуясь, слушал рассказ. Он нетерпеливо мямлил фуражку в руках, смуглое лицо его побледнело, губы пересохли.

- Кто-нибудь входил во двор после нашего приезда? - хрипло спросил он Закира.

- Приходил один - маленький, толстенький, - ответил Гребенников. - Войти вошел, но назад не вышел.

- Ладно, все ясно, ребята, - проговорил Халилов. - Ну, теперь надо быть начеку! Никого со двора не выпускайте. Ни пешего, ни конного. Возможно, что они не откажутся от мысли увезти ее. Поэтому ты, Гребенников, наблюдай за воротами и калиткой, а ты, Закир, - за садом. Если кто-нибудь только попытается выехать или выйти, задерживайте его - и ко мне. Я спать не буду.

Проинструктивровав бойцов, Халилов вернулся в дом, подбил повыше подушку, лег на кошму и задумался. Он не допускал мысли, что кто-то из троих - садовник, Бахрам или мулла - мог догадаться, зачем он сюда приехал. Это исключалось. В лицо его здесь никто не знал, а об отношениях с Анзират и в городе мало кто догадывался. Наруза Ахмеда в доме нет, он в песках с бандой. А этим "хозяином" или как там его руководит простая

осторожность. Он боится, что Анзират может днем увидеть бойцов, рассказать о себе и попросить помощи. Не иначе.

Осторожный стук в стену прервал размышления Саттара. Он приподнялся и прислушался: сразу нельзя было определить, где стучали. Стук повторился. Саттар бесшумно вскочил и бросился к узкой закрашенной двери.

До него донесся приглушенный разговор. Разобрать слова было невозможно, но по голосам он догадался, что разговаривали мужчина и женщина.

"Что там происходит? - мелькало в голосе Саттара. - Кто эта женщина? Почему прекратился стук? Может, стучала Анзират? Подавала сигнал?"

Голоса за стеной стали громче, отрывистее. Послышалась какая-то возня. Ясно донесся женский крик:

- Оставьте меня! Уйдите! Никуда я не пойду!

Саттар узнал голос Анзират. Кровь ударила ему в лицо. Как быть? Выбежать из комнаты и ворваться в дом через другие двери? Так, и только так!

Он бросился к выходу, как вновь раздался уже отчаянный крик:

- Уйдите, собаки!.. Не трогайте меня! Спаси-и-те!

Саттаром овладела ярость. Задыхаясь, он отбежал на несколько шагов и с бешеной силой с размаху ударил всем телом в глухую замазанную дверь. Раздался треск, стены вздрогнули, посыпалась извешка. Саттар снова отбежал и снова, подобно разъяренному барсу, бросился на створку. Дверь с треском сорвалась с петель, и вслед за ней он, как камень, пущенный с горы, влетел в соседнюю комнату, освещенную керосиновой лампой.

- Саттар! - услышал он громкий зовущий голос. Анзират лежала на тахте. Садовник зажимал ей рот, а мулла пытался связать ей руки чалмой. В сторонке у зеркала стоял Бахрам.

Четыре пары глаз смотрели на Саттара сквозь медленно оседавшую пыль. Он медлил лишь долю секунды, какой-то миг. Затем ринулся на садовника, который был к нему ближе всех, и ударил его кулаком в выпиравший кадык с такой силой, что тот, падая, стукнулся головой о стену и потерял сознание. Но мулла, жирный маленький мулла, не растерялся. С кошачьей ловкостью он кубарем подкатился к Саттару, пытаясь схватить его за ноги. Саттар изловчился и носком сапога ударил муллу в живот. Толстяк припал к полу и завизжал. Саттар хотел было добавить еще, но внимание его отвлек Бахрам. Тот бросился через комнату к стене, где на ковре висел тяжелый клинок.

Саттар опередил Бахрама на мгновение, вскочил на тахту и, сорвав клинок, молниеносно обнажил его. В воздухе мелькнула серебристая сталь, и Саттар прикончил бы самого опасного врага, если бы не Анзират. Она, бледная, охватила ноги Саттара, качнула его и крикнула:

- Саттар! Нельзя! Не надо!

Клинок все же со свистом опустился, но не туда, куда метил Саттар. У Бахрама начисто отлетело правое ухо. Он дико зарычал, а затем, зажав рану рукой, бросился вон из комнаты.

- За мной, Анзират! - крикнул Саттар и потянул девушку за руку через дверь, которую только что выбил.

Только теперь Саттар вспомнил о нагане и вытащил его из кобуры. Но наган не понадобился - на пути им никто не попался.

- Коней! Быстро! - подал он команду бойцам и, оставив около них Анзират, с карабином в руке бросился к воротам. Несколькими ударами приклада он сбил замок и открыл створки.

Минуту спустя Саттар и его друзья скакали по улице, поднимая тучи пыли.

Курбаши Мавлан, пользуясь темнотой, пытался оторваться от преследовавшего его кавалерийского дивизиона и укрыться в горах, в кишлаке Обисарым. Туда вел его Наруз Ахмед.

Во второй половине ночи курбаши с радостью убедился, что кавдивизион отстал далеко в песках. Мавлан поднял руку, пустил коня шагом и приказал джигитам спешиться и стать на отдых. В разные стороны были высланы дозоры, а Наруз Ахмед с десятком джигитов выдвинулся вперед к горам, чтобы разведать подходы к кишлаку.

Наруз поскакал на юг и в предгорьях угодил под выстрелы красных конников, которых держал в засаде уполномоченный особого отдела Шубников.

Басмачи быстро повернули коней и сломя голову помчались назад, ведя за собой погоню.

Наруз Ахмед считал, что поступил правильно, не приняв боя. Он прежде всего должен был предупредить курбаши о новой опасности, грозившей всему басмаческому отряду. Кроме того, Наруз понимал, что спасение его самого и его людей будет зависеть от того, успеет ли он соединиться с основными силами отряда. Но он не мог знать и даже предполагать, что за минувшие два часа, пока он был в разведке, произошли события, которые изменили весь ход дела.

Кавалерийский дивизион все же настиг банду Мавлана и вел с ней бой. На помощь конникам подоспел отряд добровольцев-краснопалочников. Окруженный Мавлан яростно отбивался, но кольцо вокруг него неумолимо сжималось.

Все это Наруз Ахмед увидел и понял слишком поздно. Ему ничего не оставалось, как влиться в бой и поддержать курбаши.

Опасаясь полного уничтожения своих сил, Мавлан решил прорваться хоть с горсточкой людей и уйти в пески. Сейчас, в горячке боя, он собирал вокруг себя лучшую сотню из отчаянных головорезов, приведенных им из-за кордона. Остальных можно бросить...

Он крутил своего скакуна во все стороны, его огромная белая чалма мелькала среди тюбетеек и бритых голов басмачей.

Наконец Мавлану удалось сбить сотню. Издав дикий гортанный крик, он ринулся на ряды плохо вооруженных добровольцев.

Подскакавший Наруз Ахмед угадал замысел курбаши и решил ударить по добровольцам с тыла. Но он упустил из виду своих преследователей - Шубникова с его взводом. Шубников сразу разобрался в запутанной обстановке боя и повел бойцов на помощь краснопалочникам.

Мавлан несся на них с одной стороны, Наруз Ахмед - с другой и, наконец, Шубников - с третьей.

Внезапно, на полном скаку, Наруз Ахмед сдержал своего горячего карабаира. Он увидел, что большая часть джигитов курбаши дрогнула, сбавила аллюр и начала рассыпаться.

- Подлые шакалы! - крикнул Наруз, размахивая шашкой. - Назад! Кого вы покидаете?

Его голос потерялся в шуме боя. Смелые и дерзкие в кровавых налетах на беззащитные селения, басмачи, как всегда, трусили в открытой схватке. Уж если они бросали своего курбаши, то что мог значить для них приказ Наруза Ахмеда!

Ослепленный злобой, Наруз Ахмед, пригнувшись к шее коня и размахивая шашкой, не заметил, как врезался в центр боя. Он не почувствовал даже, что чей-то клинок своим концом ужалил его повыше левой брови. Он очнулся лишь в ту минуту, когда перед его глазами конь курбаши взвился "свечой" на дыбы и сбросил с себя мертвого седока в белой чалме.

Панический, животный страх сжал сердце и горло Наруза Ахмеда. Ничего больше не видя, он дернул повод, сдвинул коленями бока своего карабаира, и тот в несколько скачков вынес его в безопасное место. Бессмысленными от ужаса глазами он огляделся и заметил, что к нему приближаются несколько басмачей.

Наруз Ахмед ударил коня и помчался от них во весь опор. Он хотел быть один, ему надо

было избавиться от этих непрошенных сообщников. За одним беглецом красноармейцы, может быть, и не погонятся, а за кучкой - обязательно...

Проскакав с километр, он выскочил на высокий бархан, остановился и посмотрел назад. Вдали чуть виднелись маленькие фигурки. Бой выдохся. Под ударами красных конников валились на песок последние басмачи. Но небольшая цепочка, увязавшаяся за ним, огибала бархан и приближалась.

Наруз Ахмед понял, что это - конец. Пал Ахмедбек, пал Мавлан, убиты сотни лучших джигитов, которые должны были служить основным ядром будущей армии мщения. И теперь нигде не укрыться Нарузу Ахмеду - ни в городе, ни в кишлаке Обисарым. Надо уходить. Бежать на ту сторону. Но прежде необходимо попасть в Обисарым. Там клинок с отцовской спасительной тайной, там верный Бахрам.

Взвилась тяжелая камча, со свистом опустилась между ушами карабаира, и тот, сделав страшный прыжок, ринулся вперед.

Пригнувшись к луке, скакал Наруз Ахмед в Обисарым, а позади, боясь отстать от своего последнего жоака, мчались одиннадцатьцелевших джигитов из разгромленной банды курбаши Мавлана.

14

Услышав лошадиный топот, а затем решительный стук в ворота, Бахрам и садовник в страхе забегали по двору, отыскивая место, где можно было бы понадежнее укрыться. Оба они твердо решили, что это возвратился Саттар Халилов, и теперь уже не с двумя аскерами, а с большой подмогой.

Но в это время из-за дувала послышался знакомый и злой голос Наруза Ахмеда:

- Вы что, оглохли там? А ну, открывайте скорее!

Трудно сказать, кого бы сейчас предпочли видеть Бахрам и садовник: своего грозного хозяина или ночного гостя.

Садовник засеменил к воротам и, распахнув их, тотчас же повалился на землю, готовый принять любое наказание от рук хозяина.

Бахрам поправил повязку на голове и встал в сторонке. Во двор въехали Наруз Ахмед и одиннадцать джигитов на мокрых, измученных конях.

Наруз Ахмед спрыгнул с седла и быстро подошел к Бахраму, по бледному лицу которого и окровавленной повязке можно было понять, что здесь что-то произошло. Наруз проговорил лишь одно слово:

- Клинок?

- Цел, - ответил Бахрам, - и он стоил мне уха.

- Что ты говоришь? - нахмурился Наруз Ахмед. - Кто посмел?

- Посмел аскер Саттар Халилов...

- Как?

- Саттар Халилов с аскерами был здесь ночью и увез Анзират.

Гнев чуть не задушил Наруза Ахмеда. Глаза его налились кровью, лицо передернулось гримасой.

- Саттар Халилов... - пробормотал он побелевшими губами.

- Да, - тихо произнес Бахрам и, взяв Наруза Ахмеда за руку, повел его в дом.

У самого порога Наруз высвободил руку, подошел к скамье и сел на нее.

- Неси клинок, - сказал он. - В дом я не пойду...

Бахрам с недоумением посмотрел на него, но ничего не сказал и молча вошел в дом.

Наруз Ахмед сидел на самом солнцепеке. Мысли его ускользали и путались, вертелись вокруг одного: надо бежать, зря он ввязался, нет, не зря - клинок должен спасти... Отец остался не отомщенным... Куда бежать?

- Возьми! - сказал появившийся Бахрам и подал знакомый клинок.

Наруз Ахмед машинально принял его и, усадив Бахрама рядом с собой, забормотал запекшимися губами:

- Мавлан убит... Отряд разбит, разбежался... Надо бежать... Седлай коня!

Бахрам воспринял эту страшную весть до того спокойно, что Наруз Ахмед заподозрил - уж не лишился ли слуха верный Бахрам.

- Ты слышал, что я сказал?

Бахрам кивнул и спросил в свою очередь:

- Окончательно решил бежать?

- Да... Другого выхода нет.

- Ты не голоден?

- К черту! - вспыхнул Наруз Ахмед и встал. - Седлай коня и едем!

15

В ту минуту, когда Наруз Ахмед покидал кишлак Обисарым, Саттар Халилов въезжал в колхоз имени Буденного. Он не мог миновать его. Конь под Саттаром окончательно вымотался и еле передвигал ноги. До дивизиона на нем никак не добраться. Надо менять коня. И такой обмен можно сделать только в колхозе.

Едва Саттар въехал в кишлак, как из ближайших дворов высыпали женщины и окружили его. Каждая старалась первой сообщить гостю новости. Оказывается, на рассвете красные конники вместе с добровольцами-дехканами окружили в песках басмаческую банду Мавлана и разгромили ее. Сам курбаши Мавлан убит. Все мужское население кишлака выехало на место боя зарывать трупы.

О замене коня не могло быть и речи: все лошади заняты. Да и торопиться некуда: с Мавланом покончено, можно немножко передохнуть.

Заехав в первый же двор, Саттар расседлал лошадь и привязал ее к стволу раскидистой чинары. Потом вымыл в арыке руки и освежил лицо. Предложение хозяйки пройти в дом, попить чаю и поесть Саттар решительно отклонил. Нет, нет. Не сейчас. После. Ему не до еды. Он не спал двое суток кряду и только сейчас почувствовал, как сильно устал. Все тело ломило, в голове стоял туман, глаза слипались. Спать, спать, спать...

Он закурил, положил под голову седло и лег под чинарой.

Давно не было так спокойно на душе Саттара. Анзират спасена, и за судьбу ее не надо тревожиться. Закир в сопровождении Гребенникова повез ее в свой кишлак, и она найдет временный приют в доме родителей Закира. А потом он испросит отпуск у командира дивизиона и приедет за ней. И все это будет в самые ближайшие дни! Глухую ревнивую мысль о том, что Анзират была женой Наруза Ахмеда, он отгонял от себя, как злую докучливую осу. Главное - Анзират спасена, он пришел на ее зов, и Саттар быстро уснул крепким сном здорового, смертельно уставшего человека.

Над ним ворковали горлинки, таясь в густой листве чинары.

Разгорался знойный день.

...Спустя три часа к кишлаку тихо подъехали Наруз Ахмед, Бахрам и одиннадцать басмачей. Им тоже нужны были свежие лошади. План их был прост: выдать себя за добровольцев-краснопалочников и уговорить колхозников обменять коней. Никаких боевых действий они решили не предпринимать. Сейчас им было не до этого. Лошади - и только лошади!

Но как только Наруз Ахмед увидел во дворе крайнего дома привязанного к чинаре строевого коня и спящего возле него человека, он забыл о лошадях и обо всем на свете. Захватив с собой троих басмачей, Наруз тихо въехал во двор.

Форма Халилова, драгунское седло и лежавшее тут же оружие сразу подсказали Нарузу Ахмеду, кто находится перед ним.

- Связать по рукам и ногам! - шепнул он двум басмачам.

Саттар продолжал мирно спать, не ведая о беде, нависшей над ним. Басмачи кошками соскользнули с коней и, вооружившись длинной веревкой, навалились на спящего. Саттар проснулся, но не успел даже сообразить что-либо, как был оглушен ударом приклада по затылку. Его мгновенно спеленали, как младенца.

- Вяжи конец к хвосту своего коня, - приказал Наруз Ахмед.

Басмач начал старательно вывязывать узел. Вдруг рядом на улице захлопали выстрелы.

Наруз Ахмед вздрогнул и приподнялся в стременах. Всадники, ожидавшие за дувалом, кучей ринулись в переулочек. Конь под Бахрамом завертелся.

- Аскеры! - крикнул он истошным голосом и, пригнувшись к луке седла, послал своего коня вслед удиравшим басмачам.

Басмач вскочил на коня и вылетел со двора. Веревка натянулась. Связанный Саттар перевернулся, как неживой, раз, другой - и облако пыли скрыло его.

Наруз Ахмед подбежал к дувалу и стал наблюдать за улицей.

Басмач проскакал полсотни шагов и хотел уже свернуть в переулочек, как наперерез ему с обнаженным клинком вылетел всадник. Ловким ударом он разрубил натянутую струной веревку, и Саттар остался на дороге.

Басмач рванулся было в сторону, но тот же клинок блеснул в лучах солнца еще раз. Освободившаяся от седока лошадь перемахнула через арык, уткнулась головой в дувал и облегченно заржала.

Всадник подъехал к лежавшему в пыли Саттару и соскочил с коня. Опустившись на колени, он ножом быстро разрезал веревки, опутавшие руки и ноги Халилова.

Это был уполномоченный особого отдела Шубников. Со своим отрядом он шел по следу Наруз Ахмеда и наконец настиг его.

Осторожно выглядывая из-за дувала, Наруз Ахмед наблюдал за Шубниковым. Когда тот опустился над телом Саттара, он подал знак басмачам, вместе с ними вылетел на улицу и поскакал вправо.

Шубников схватился за винтовку и открыл по беглецам огонь. Конь под одним упал на передние ноги и, храпя, кувыркнулся через голову. Но второй басмач и Наруз Ахмед, нещадно нахлестывая обезумевших лошадей и низко пригнувшись к седлам, продолжали удаляться. Однако уже в конце улицы, подняв коней на дыбы они повернули: навстречу им мчались пять конников. Дико гикнув, Наруз Ахмед послал коня на невысокий дувал, и тот легко преодолел препятствие. Басмач же замешкался и попал под клинки красноармейцев.

Сбив с ног старика во дворе, Наруз промчался через сад, через виноградник, перескочил через второй дувал и оказался в переулке.

Километрах в десяти от колхоза он нагнал скакавшего Бахрама и присоединился к нему.

Убедившись, что их уже не преследуют, Бахрам и Наруз Ахмед перевели взмыленных коней на шаг. Долго они ехали молча. Наконец Бахрам спросил:

- Что ты сделал с этим аскером?

- Ничего, - угрюмо ответил Наруз Ахмед. - Его привязали к хвосту коня, а тут выскочил красный дьявол и все испортил...

- Как?

- Разрубил веревку и убил джигита.

Бахрам покачал головой и вновь спросил:

- А ты знаешь, кого ты привязывал к хвосту?

- Нет, а что?

Бахрам усмехнулся:

- Это был тот самый аскер, который отрубил мне ухо и увез Анзират.

Наруз Ахмед плотно закрыл глаза, и из груди его вырвался стон.

- Будь я проклят!.. Как я его не узнал?.. Неужели это он?

- Он, он... Саттар Халилов! Видно, суждено ему жить...

Наруз Ахмед вновь сомкнул веки. Желваки на его скулах задвигались. Гнев, отчаяние и злоба кипели в нем. О ишак! Длинноухий ишак! Упустил такой случай! И почему взбрело ему в голову привязать его к хвосту коня? Зачем? Не проще ли было покончить с ним ударом ножа? А теперь он жив... Жив! И будет смеяться над своим мстителем...

О шайтан!

Они продолжали ехать шагом, сберегая силы лошадей, и молчали, думая каждый о своем.

Под вечер, когда до пограничной реки оставался час езды переменным аллюром, Бахрам первым нарушил молчание:

- Ты твердо решил перебраться на ту сторону?

- А куда же еще? - с раздражением спросил Наруз Ахмед.

- Ты уверен, что тебя там ожидают белые лепешки, шашлык и вино?

Наруз кинул на собеседника короткий злой взгляд и хмуро произнес:

- Тебе лучше известно, что там ожидает нас.

Бахрам кивнул и сказал:

- В том-то и дело, что мне лучше знать. Одиннадцать лет - срок вполне достаточный для того, чтобы кое-что понять.

- И что же ты хочешь сказать?

Бахрам не ответил. Оглянувшись назад, он увидел вдали большое пыльное облако и хлестнул коня.

- Погоня!

Никаких сомнений быть не могло: облако приближалось. Сквозь пыль угадывались очертания всадников. Их оружие поблескивало в лучах заходившего солнца.

Началась бешеная скачка.

Солнечный диск коснулся края земли и стал угасать.

Кони вынесли Наруза Ахмеда и Бахрама на высокий каменистый берег реки с темно-стальными быстрыми водами.

- Пускай с разгону, - посоветовал Бахрам, и они отъехали шагов на двадцать от берега.

Наруз Ахмед ударил каблуками в бока коня и через мгновение был уже в воде. Конь храпел, скалил зубы, Оторопело водил налитыми кровью, глазами и, преодолевая быстрое течение, уносил твоего хозяина на чужой берег.

Спохватившись, что рядом с ним никого нет, Наруз Ахмед повернулся в седле и увидел Бахрама на берегу.

- Давай! Скорее! Они уже близко! - надрывая глотку, крикнул Наруз Ахмед.

- Плыви, плыви! - донесся до него голос Бахрама. - Я уже был там. С меня хва-а-тит!..

Бахрам повернул коня и шагом поехал навстречу приближавшимся всадникам.

Смятение охватило Наруза Ахмеда. Значит, он остается... Бахрам, верный Бахрам, слуга и телохранитель отца, бросает его в самую трудную минуту...

Наруз хотел что-то крикнуть, но в горле застрял какой-то ком, душили слезы. Закусив губу, он выбрался на чужой глинистый берег и, не оглядываясь, пустил коня вскачь куда глаза глядят.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

переулки.

Шум большого города сюда не доходит. Не дотягиваются до этих кварталов трубы водопроводов, иссякает где-то в пути электрический свет. Вечный полумрак, духота и зловоние царят в южном Тегеране.

Здесь прозябали люди на последней грани нищеты. В маленьких кособоких хибарках из глины или необожженного кирпича, а то и просто в ямах, вырытых в земле и покрытых чем попало, в страшной скученности влачили свое существование все те, чьи руки ценились очень дешево или вообще никому не были нужны. Как в знойной пустыне, вода здесь была редкостью. Ее пускали по загрязненным отбросами арыкам раз в неделю, а то и реже. Люди запасались ею впрок и пили экономно, оставляя лишнюю кружку уже тухлой воды на завтра. Все здесь расходовалось по капле и крошке. Только воздух, пыльный и пахучий, выдавался вволю да щедро палило головы бедняков горячее беспощадное солнце.

На одной из таких зловонных улиц в жалкой глинобитной хибарке жил Наруз Ахмед. Время круто расправилось и с его обликом, и с его привычками. Ничто не напоминало в нем теперь ни сына знатного бухарского вельможи, ни преуспевающего инспектора потребсоюза...

Старое поношенное платье, стоптанные чуваки, несколько медных грошей в кармане - вот все, чем располагал теперь Наруз Ахмед. И впереди - тоскливые нищие дни, бесконечные поиски хоть какого-нибудь заработка.

Ушла молодость... Восемнадцать лет искал он своей судьбы, особенной, ему лишь предназначенной. И не нашел. Чудесный клинок, который он с таким трудом добыл и ради обладания которым шел на смертный риск, не принес ему богатства. Клинок хранил свою тайну. Этой тайной владел старый лекарь-таиб Ахун, один из двух посвященных в секрет булатного клинка. А найти старика никак не удавалось.

Долго искал его Наруз Ахмед. Очень долго. В поисках его он три года шатался по базарам, караван-сараям и мечетям Афганистана. А когда наконец напал на верный след и полный ожиданий открыл дверь Ахуновой лачуги, оказалось, что старый шайтан еще на прошлой неделе ушел с караваном в Иран. Наруз не задумываясь последовал за ним. Но и в Иране Нарузу не посчастливилось. Старик будто ускользал от него. Казалось, вот-вот они должны встретиться, люди утверждали, что третьего дня Ахуна видели в чайхане, что только вчера почтенная тетушка Зейнаб-ханум купила у него мазь от чесотки, но старик снова исчезал, как сказочный джин. Следы его неизменно терялись, чтобы через некоторое время обнаружиться вновь и вновь исчезнуть. Он поистине был неуловим. В июне сорок первого года в Рафсинджане, на юге Ирана, Наруз Ахмед окончательно потерял след старика - и, кажется, навсегда.

Терзаемый горьким отчаянием, обнищавший Наруз скитался по всему Ирану в погоне за дневным заработком. И куда его только не кидало, где он только не побывал! Вначале он работал грузчиком на текстильных фабриках в Исфагане и Бехшахре; потом был уличным торговцем наркотиками в Тавризе; зазывалой купеческих лавок на базарах Керманшаха и Кашана; комиссионером по продаже фальшивых рубинов...

В городе Ахвазе его научили бить в барабан, и он полгода состоял барабанщиком в оркестре. В Казвине он овладел ремеслом массажиста и почти год мок в подземных банях города. В Реште старый дервиш доказал ему, что когда пуст желудок, то самым вкусным блюдом кажется обыкновенная саранча. Он научил Наруза Ахмеда засушивать и сохранять этот крылатый пищевой продукт. В восемнадцати километрах от Тегерана, в гостинице "Дербент", Наруз Ахмед постиг искусство полотера и некоторое время кормился за счет паркетного блеска.

Но и "легкий" заработок не давался в руки. Любая работа, даже самая презренная, бралась с бою. Все это осточертело Нарузу Ахмеду. Глухая враждебность свила гнездо в его сердце, он озлобился, ожесточился. Он стал ненавидеть все окружающее: эту чужую для него страну, людей, небо, звезды, солнце...

Осень сорок первого года вдохнула в Наруза Ахмеда какие-то надежды. Летом

гитлеровская Германия вторглась в пределы Советского Союза. Газеты предсказывали скорую гибель коммунистического режима.

Иран с первых дней войны заявил о своем нейтралитете, но этот нейтралитет носил очень странный характер: гитлеровские разведчики всех рангов и мастей наводнили страну; они пролезали во все учреждения, захватывали важные посты. В Тегеране, Реште, Пехлеви и Казвине появились активные нацистские группы. Из немцев, проживавших в Иране, спешно формировались ударные батальоны. Их отводили в горы и там обучали военному делу. К границам СССР подтягивались диверсионные, шпионские и террористические группы. Их сколачивали из бывших белогвардейцев, из дашнаков, муссаватистов и басмачей. Перебрасывалось оружие, закладывались тайники с продовольствием и боеприпасами. Влиятельные лица подкупались гитлеровскими агентами. Берлин не жалел денег: в стране велась разнузданная антисоветская пропаганда.

На стенах домов и на заборах запестрели надписи с призывами идти рука об руку с фюрером, день и ночь передвижные радиостанции кричали о победах немецкого оружия.

В воздухе запахло порохом. Обстановка была ясна: фашисты хотели вовлечь Иран в войну против Советского Союза. И к этому все шло. Готовился военный переворот.

Тут-то и понадобился Наруз Ахмед. О его существовании пронюхал известный в Иране гитлеровский разведчик майор Фриеш. Это случилось в конце июня. Через сутки после встречи с майором Наруз Ахмед оказался в составе диверсионной группы в пустыне Даште Кевир под Гярмсаром. Началась сытая жизнь, появились деньги. Судьба, казалось, обнадеживающе кивнула Нарузу. Группу готовили к выброске на территорию Узбекистана. С этой целью разношерстный сброд, набранный майором, обучали радиоделу, взрывной технике, топографии, приемам самозащиты и нападения, владению всеми видами холодного и огнестрельного оружия.

Немецкие "специалисты" натаскивали вчерашних басмачей в таких "тонкостях", как пользование сильнодействующими ядами, прыжки с парашютом, шифровальное искусство.

В первых числах августа в Тегеране под видом делового представителя торговой фирмы появился один из руководителей гитлеровской разведки - адмирал Канарис.

Все было готово. Ждали только сигнала.

Правительственный переворот, затеянный реакционной военщиной, вначале был назначен на двадцать второе августа, затем перенесен на двадцать восьмое. Но двадцать пятого...

Эту дату Наруз Ахмед никогда не забудет. Она убила ожившие надежды и вновь ввергла его в беспросветную нужду. 25 августа в Иран неожиданно вошли советские войска.

Адмирал Канарис мгновенно исчез. Майор Фриеш "испарился", словно его и не было. Местные фашисты и их подпевалы частью разбежались, частью ушли в подполье.

Заигрывавший с Берлином Реза-шах отрекся от престола. Старый кабинет ушел в отставку. Было сформировано новое правительство.

Опасаясь разоблачения и ареста, Наруз Ахмед перебрался на восточную окраину страны и вблизи Мешхеда нанялся рабочим на сахарную плантацию. Вновь в Тегеране появился он лишь зимой сорок шестого года.

Нищета так сдавила Наруза, что оставалось одно: повыгоднее сбить проклятый клинок. Сделать это можно было только в Тегеране, где много охотников до всякой старины.

Тайна, окутывающая клинок, уже потеряла для него всякую привлекательность. Да и была ли она вообще? Теперь ему казалось, что никакой тайны и не было. Может быть, отец просто посмеялся над ним? Может, клинок являлся для Ахмедбека просто символом старой хорошей жизни, памятью о последнем эмире? Но что это значило для Наруза Ахмеда? Ровным счетом ничего. Нарузу до зарезу нужны были наличные деньги, а не сомнительная тайна. Отец погиб, таиб Ахун пропал, возможно, умер... Нет, клинок стоит не больше, чем он стоит в лавке древностей!

И Наруз Ахмед сбыв клинок человеку, понимающему толк в старинном оружии, и на вырученные деньги купил неброский с виду, но очень приличный костюм, модную фетровую шляпу, полуботинки и две сорочки.

Приличный костюм все же дает какие-то шансы в жизни...

Кроме того, у Наруза еще осталась значительная сумма, которую он отложил на "черный день" - мало ли что могло случиться!

Совершив удачную продажу и проштатовавшись дня два по магазинам, Наруз покинул Тегеран и вновь появился в столице Ирана лишь в начале сорок девятого года.

К переезду в Тегеран его толкнули уже надоевшая причина - отсутствие легкого и прибыльного дела - и уговоры бродячего фокусника Али Мансура. Дружба с ним началась восемь лет назад и оказалась довольно выгодной для Наруза Ахмеда. В частые наезды фокусник останавливался у него, иногда жил подолгу, и это время для владельца лачуги оказывалось самым сытным и беззаботным. Али Мансур умел добывать деньги! И часть их перепадала Нарузу Ахмеду. Кроме того, в периоды особого расположения фокусник посвящал друга в тайны своей профессии. А в будущем это очень могло пригодиться Нарузу Ахмеду, - мало ли что ожидает человека в жизни!

Али Мансур собирался поработать лето в Тегеране и окрестных селениях. Ему нужен был постоянный угол в городе и дешевый помощник. Старик уговорил Наруза ехать с ним, подыскал для жилья лачугу за небольшую плату и пообещал через неделю пристроить его к делу.

Так началась новая жизнь в столице. И началась так же безрадостно, как и всегда: без денег, с одной лишь надеждой на лучшие дни.

Наруз Ахмед лежал, уставившись в грязный косой потолок, и думал о том, куда мог деваться Али Мансур. Позавчера утром он покинул дом с тем, чтобы купить рису и муки, и больше не появлялся. Что могло случиться? Или он выехал куда-нибудь? Почему же тогда не зашел за своим сундуком? Без него фокусник как без рук, все волшебство заключено в этом старом сундучке, валяющемся сейчас в углу каморки.

Занятый этими мыслями, Наруз скорее почувствовал, чем услышал, что в комнату кто-то вошел. Он привстал и увидел незнакомого худого старика в белом халате. Стоя посреди комнаты и вращая головой на длинной шее, он презрительно осматривал голые стены. Когда взгляд его остановился на деревянном лежаке, где, свесив ноги, сидел Наруз Ахмед, старик сказал:

- Салям алейкум!

- Алейкум салям! - торопливо ответил хозяин и, соскочив с лежака, поклонился гостю.

Старик вздохнул, сел на край, достал из-за пояса маленькую тыковку, вынул из нее щепотку наса и, заложив ее за щеку, начал жевать.

Наруз Ахмед с растерянным видом смотрел на неожиданного гостя. Его охватило какое-то смутное беспокойство.

Старик посидел некоторое время в молчании, а затем без всяких восточных церемоний спросил:

- Как твое имя?

- Наруз Ахмед.

- Сын Ахмедбека?

- Да.

- Не думал встретиться... Ты узнаешь меня?

Наруз еще пристальнее всмотрелся в изрезанное глубокими морщинами лицо старика и отрицательно покачал головой. Нет, он не знал этого человека.

- Это было давно. Много лет назад, - тихо проговорил гость. - Я был таким, как ты сейчас, а ты - совсем маленьким. Вот таким, - и он показал рукой. - Я первый обучил тебя грамоте. Я - Ахун Иргашев.

Нарузу Ахмеду показалось, будто силы сразу оставили его: плечи опустились, руки беспомощно повисли.

- Ахун-ата? - пробормотал он, почти не шевеля губами.
Старик закивал головой, и лицо его задвигалось в улыбке.

- Я помню... Я вспомнил... Увидев вас, я почувствовал...

- Что ты почувствовал? - спросил Ахун.

- Ну, как вам сказать?... Что-то такое...

- Понимаю, понимаю...

- Но как вы нашли меня?

- Нашел, сын мой. Меня направил к тебе старый Али Мансур.

- Где же он сам?

- Его уже нет. Аллах взял к себе душу Али Мансура. Позавчера утром он попал под автомобиль, колесо переломило ему спину. Ничто не могло его спасти, даже мои целебные травы. Умирая, он сказал, что ты его друг, и просил передать вот это, - Ахун достал из-под халата матерчатый сверток и подал Нарuzu Ахмеду. Тот быстро развернул его и увидел деньги. Много денег.

- Ой! Как же это так? Мансур умер?

- Да, умер... - вздохнув, подтвердил старик, поглаживая бороду желтой высохшей рукой. Наруз Ахмед сунул сверток с деньгами под одеяло и, забыв сразу о Мансуре, сказал:

- А как я вас искал, Ахун-ата! И где только не искал...

- Плохо искал, если не нашел. Где же ты искал?

- Всюду. Сначала в Афганистане, а затем здесь. Сколько я объездил городов. Был в Ахвазе и Фирузаде, Ширазе и Сари, Керманшахе и Реште, Тавризе и Рафсинджане.

- Много, - покрутил головой Ахун. - А когда ты был в Рафсинджане?

- Весной сорок первого.

- А я весной уехал из Рафсинджана и поселился в Кермане. Ты не был там?

- Нет.

- А зачем ты искал меня?

Наруз Ахмед потер лоб, покрывшийся испариной, и подсел к гостю на кровать.

- Длинная история. Вы мне нужны были вот так, - и он провел ребром ладони по горлу. - Я готов был вскарабкаться на небо, чтобы найти вас. Отец мне сказал...

- Где Ахмедбек? - перебил его Ахун.

Наруз Ахмед насупил брови и хмуро ответил!

- Он пал в бою под знаменем эмира...

- О! Расскажи все подробно! - потребовал гость.

Наруз Ахмед закурил дешевую сигарету и стал рассказывать.

Ахун внимательно слушал, качал головой, цокал языком и поглаживал свою редкую белую бороду.

- Отец приказал отыскать клинок, подаренный ему эмиром Саидом Алимханом. Я отыскал...

- Где клинок? - встрепнулся Ахун, и глаза его заблестели.

Наруз Ахмед беспомощно развел руками и признался, что продал его.

Ахун вскочил с места.

- Когда продал?

- Три года назад.

- Где?

- Здесь, в Тегеране.

- Ты глупец! Ты безумный! Аллах отнял у тебя разум. Разве ты не знал, что это за клинок?

Наруз Ахмед смешался и не мог произнести ни слова.

- Ай-яй-яй... Ай-яй-яй... Этот клинок мог сделать и тебя, и меня, и наших детей, и внуков самыми богатыми людьми.

Наруз Ахмед тупо слушал. Слова старика будто оглушили его, в мозгу вертелось: "Значит, отец говорил правду... Тайна... Богатство было в руках... Все, все погибло..."

- Глупец! - воскликнул расстроенный Ахун. - Кому ты его продал?

Наруз Ахмед задумался на мгновение и ответил, что продал какому-то знатоку в европейской части города, около ресторана. Человек этот дал вдвое больше, чем предлагали на базаре.

- Ай, ай!.. - сокрушался старик. - Какое несчастье, какое несчастье!

- Что ж... Теперь уж поздно горевать, - чуть слышно ответил Наруз Ахмед.

- Не поздно! - взвизгнул Ахун. - Не поздно! Надо отыскать человека, которому ты продал клинок...

- Ха! - горько усмехнулся Наруз. - Тегеран велик...

Он виновата посмотрел на старика. Обхватив руками голову, тот качался и стонал. На выпуклом виске билась багровая склеротическая жилка.

- Отыскать... Отыскать... - бормотал Ахун.

- А в чем же состоит тайна, уважаемый ата? - нерешительно опросил Наруз. - Может быть, и не стоит искать?

Ахун выставил бороду вперед, и лицо его перекошилось от негодования.

- Как не стоит? Ты что говоришь, сумасшедший?

- Я спрашиваю: в чем заключается тайна?

- Тайну я открою тебе только тогда, когда клинок будет в наших руках. И тогда ты будешь целовать мои ноги. Ищи этого человека! Брось все дела и ищи! Я помогу тебе деньгами.

Гость пробыл у Наруза Ахмеда до сумерек. Уходя, он оставил адрес своей квартиры и пачку кредиток.

2

Знаменитый тегеранский базар называют торжественно "Эмир".

Тегеранский базар - это хаотическое нагромождение построек, связанных между собой сложным лабиринтом крытых коридоров, улочек и переулков, в которых лепятся друг к другу магазины с яркими витринами, лавки с глухим фасадом, ларьки, киоски, навесы, чайханы, ошханы, парикмахерские и ремесленные мастерские.

"Эмир" - это хаос всевозможных звуков. В воздухе стоит неумолчный гул: кудахчут куры, которых несут связанными попарно, вниз головой, на коромыслах; предсмертно блеют овцы, над которыми занесен неумолимый нож мясника; режут равнодушные ко всему окружающему ослы; протяжно мычат буйволы; задорно ржут лошади; разноголосно поют птицы в клетках, развешанных на стенах лавок. В этот хор вплетается гром молотков и кувалд о наковальни, где на глазах заказчика производится любая поковка; унылое завывание слепцов, бредущих цепочкой и нащупывающих дорогу суковатыми посохами; гортанные выкрики зазывал, торгашей, водоносов и лоточников с подносами и корзинками на головах. Все это перекрывает звон медной и глиняной посуды и грохот допотопных колымаг по мостовой. Слитный людской говор и пение бродячих дервишей составляют неумолчный аккомпанемент всему этому оглушительному оркестру.

"Эмир" - это смешение запахов перца, подгорающего лука, чадною дыма горнов, аромата свежеспеченных лавашей и лепешек, горячего пара из котлов с кипящей похлебкой или пловом, зажаренного шашлыка, сушеных и свежих фруктов, невыделанной кожи, пота животных; смесь запахов острых, ароматных, пряных, раздражающих и дурманящих.

Наконец "Эмир" - это людское столпотворение. Здесь бродят курды и таджики, арабы и туркмены, афганцы и турки, армяне и евреи, азербайджанцы и луры, иранцы и узбеки.

Звучит разноплеменная речь. Мелькают разноцветные халаты, пышные чалмы, высокие башнеподобные тюрбаны, вышитые золотом тюбетейки, лохматые овчинные папахи, широкополые и островерхие войлочные и обычные фетровые шляпы, красные фески с

черными кистями, отороченные мехом малахаи...

Закутанные в прозрачные и легкие покрывала, мягко плывут женщины.

На базаре можно сытно поесть - и остаться голодным, постричься и побриться, выдернуть зуб и сшить одежду, подковать лошадь и нанять батрака, накуриться терьяка и отвести душу в беседе, встретить знакомого, которого не видел бог весть сколько, и купить все, что пожелаешь.

При этом в лавке, торгующей скобяными товарами и конской сбруей, усыпанной стеклярусом и медными побрякушками, покупатель может обнаружить очки с цейсовскими стеклами; в парикмахерской – шелковые иноземные чулки с модной пяткой; в парфюмерном магазине - сметану или какой-либо другой молочный продукт; в галантерейном ларьке - овес и ячмень; в булочной наряду с лавашем и лепешкой - курительный табак и отрез шерсти на костюм; в книжном развале под парусиновым навесом - дратву, смолу, шило, сыромятную кожу и все, что нужно сапожнику; в пошивочной мастерской - соловья, канарейку или попугая; в чайхане или ошхане - плащ из звериной шкуры.

Таков знаменитый "Эмир", тегеранский базар.

В самых недрах его, сжатый с двух сторон пекарней и ювелирной мастерской, ютится магазин известного всему городу купца Исмаили.

Магазин легко приметить по развешанным снаружи и разостланным по тротуару коврам. У Исмаили лучшие ковры, сотканые руками самых искусных мастеров Ирана. Тут и очень яркие, раздражающие глаз, и очень мягкие, бархатистые, с теплой гармонической расцветкой, со сложными орнаментами и с простенькими рисунками. Тут ковры исфаганские и ширазские, кашанские и хамадинские, тавризские и керманшахские, короче говоря, знаменитые по всему миру персидские ковры.

Магазин Исмаили - чудо из чудес! Это не только комиссионный магазин, но и антикварный, это не только ломбард, но и своеобразный музей.

Здесь на выбор: рукописи поэтов, живших века назад, с пожелтевшими от времени страницами, и новейшие электробритвы заокеанского изготовления; корень жень-шень и боксерские перчатки, принадлежавшие какому-то именитому чемпиону; свертки пергамента с золотыми заставками и концовками и современные термосы; старинный фаянс и репродукторы; древние монеты, китайский фарфор и крахмальные воротнички. На японских гобеленах стоят портативные пишущие машинки последнего образца. Изделия из золота, бронзы, слоновой кости выглядят из-за протезов для инвалидов. Ткани восточных мастеров и седла потомков Тамерлана лежат рядом с дамскими корсетами, а драгоценное старинное оружие - вперемешку с солдатской алюминиевой посудой.

К этому скопищу редкостей и новинок стремился сейчас Наруз Ахмед, пробираясь сквозь разноголосую и разноплеменную толпу. Он обманул своего первого учителя, старого табиба Ахуна Иргашева, сказав ему, что продал клинок случайному, незнакомому человеку. Клинок он продал Исмаили.

Когда Наруз Ахмед подходил к магазину, Исмаили сидел у входа на низенькой скамеечке и перебирал крупные янтарные четки.

Приветствовав хозяина, Наруз Ахмед сразу же приступил к делу:

- Я тот человек, который три года назад продал вам старинный эмирский клинок, - сказал он. - Помните вы меня?

Исмаили взгляделся в него большими выпуклыми, как у рыбы, глазами, подумал немного, что-то припоминая, и спросил:

- Клинок, которым когда-то владел эмир бухарский?

- Совершенно верно.

- Помню тебя, помню и клинок. Клинок отличный, из ановской стали. И я, кажется, хорошо заплатил тебе за него. Не так ли?

- Да... хорошо. А сейчас клинок у вас?

Исмаили усмехнулся:

- Такие вещи долго не лежат. Покупатель нашелся сразу, чуть ли не в тот же день.

- Вот как... - проговорил уныло Наруз. - Жаль... Очень жаль.

Исмаили смотрел на него и, перебирая четки, поинтересовался:

- А ты что, хотел вернуть его себе?

- Да, пожалуй... - рассеянно ответил Наруз Ахмед. - Это память отца. В сорок шестом году я сильно нуждался, а сейчас заработал немного.

- Ты поступил необдуманно, - упрекнул его Исмаили. - Надо было заложить клинок, а не продавать. Вещь осталась бы твоей. А теперь у нее другой хозяин.

- Я понимаю, - смиренно согласился Наруз Ахмед. - А вы не можете вспомнить, кто купил клинок?

- Как же! Все помню... - Исмаили самодовольно улыбнулся. - Купил европеец, человек, собирающий старинное оружие. Могу и назвать его. Такие покупатели у меня наперечет.

Сердце Наруза Ахмеда екнуло, появилась какая-то надежда.

Исмаили провел гостя в магазин, вынул из конторки толстую книгу в кожаном переплете и, полистав ее, произнес:

- Имя его - Керлинг. Господин Керлинг! А вот и адрес. Запиши! Может быть, он согласится продать тебе клинок. Объясни ему, что это семейная память, что тебя нужда заставила расстаться с клинком. Возможно, он поймет тебя...

- Спасибо... Спасибо... - пробормотал Наруз Ахмед и, распрощавшись с Исмаили, выбежал из магазина. "Нашелся, нашелся... - шептал он, сжимая в руке бумажку с адресом. - Теперь я верну свое счастье..."

Возле толстяка в засаленной одежде, окруженного дымящимися жаровнями, Наруз Ахмед задержался. Соблазненный запахом шашлыка, он купил себе две порции и подкрепился.

Сытый, торжествующий, он шагал через базар. Все казалось радужным, легко доступным. Каких-нибудь несколько часов, ну пусть дней, - и клинок снова попадет в его руки. Но лишь только Наруз Ахмед выбрался с базара и оказался в тишине пустынных улиц, на него напали сомнения. В самом деле: европеец купил клинок в сорок шестом году, а сейчас сорок девятый. Прошло три года. За это время можно сто раз приехать в Иран и столько же раз уехать. Можно продать и перепродать клинок. Исмаили помнит своих покупателей. А вспомнит ли его европеец? Какое ему дело до бывшего обладателя клинка, какое ему дело до тайны клинка!..

Сомнения все больше и больше охлаждали Наруза Ахмеда. Он чувствовал, что надежда тает, но не хотел сдаваться. "Испытаю еще раз свою судьбу. Еще один раз. Ведь должно же когда-нибудь улыбнуться и мне счастье..."

3

Весна расстилала свой зеленеющий ковер. Щетинились клумбы и газоны, лопались почки, буйно цвела мимоза, урюк, шелковица.

Наруз Ахмед бродил по Тегерану в поисках своего счастья.

Он побывал на улице Лалезар, что расположена в северной части города, и отыскал особняк Керлинга. Это был небольшой, но красивый дом с узко прорезанными стрельчатыми окнами, затянутый по фасаду колхидским плющом.

От почтальона Наруз Ахмед узнал, что в доме живет не кто иной, а именно Керлинг. Удача ободрила Наруза, надежда вернулась к нему.

На следующий день он начал следить за домом Керлинга, где, как ему казалось, хранился предмет его неусыпных дум. Наруз хотел увидеть в лицо самого хозяина, чтобы знать, с кем имеет дело, потом завязать знакомство с дворником, кухаркой или горничной. Так просто в дом не войдешь, нужно чье-то содействие. Судьба и тут помогла ему.

В субботу Наруз Ахмед увидел выходящего со двора своего старого знакомого Масуда. Когда-то они вместе натирали полы в гостинице "Дербент" и жили на одной квартире.

Масуд обрадовался встрече. После короткой беседы Наруз Ахмед узнал, что приятель его давно потерял место в гостинице "Дербент" и вот уже пять лет как обслуживает частные дома. Раз в десять дней он бывает в особняке Керлинга. Хозяин дома, корреспондент какой-то зарубежной газеты, постоянно разъезжает по Ирану. Сейчас он отправился на несколько дней в сторону Персидского залива.

План действий в голове Наруза Ахмеда созрел мгновенно.

Он повел приятеля в ресторан, хорошенько угостил его и завел разговор о деле. Наруз пожаловался на плохие дела и выразил желание снова стать полотором: не смог ли бы Масуд посодействовать ему в этом, дать рекомендацию в какой-нибудь дом или взять к себе в помощники за небольшую оплату? В крайнем случае он согласен первое время работать без денег, лишь бы иметь практику. Он даже может предложить Масуду небольшой бакшиш. Кое-какие сбережения, сделанные за последние годы, дают ему возможность продержаться несколько месяцев...

Масуд был малым сговорчивым, да и к тому же и просьба приятеля была обычной. Что ж, он согласен взять Наруза Ахмеда в помощники, если тот не гонится за быстрым заработком. В будущем они подыщут еще несколько домов, и тогда приятель получит свою долю за труд.

Десять последующих дней прошли как в угаре удачи. Наруз Ахмед витал в облаках, как курильщик опиума, от сознания того, что тайна клинка действительно заключается в каком-то богатстве. Теперь клинок - он был уверен в этом - не минует рук его. Денно и ночью Наруз Ахмед думал о будущем. О прошлом не хотелось вспоминать. Прошлое бросало его в унижение и нищету, оно уподобило его ишаку, впряженному в тяжелую телегу. А будущее, хотя еще неопределенное и неясное, обещало разгладить горькие складки на сердце.

И вот наконец настал долгожданный день, когда Наруз Ахмед и Масуд остановились у запертой калитки и нажали кнопку звонка. Дворник впустил их в дом.

Горничной Масуд сказал, что у него разболелась нога - растянулись сухожилия, - и поэтому он пригласил себе в помощь старого приятеля. Вдвоем они быстро справятся с работой.

Громкая показная роскошь, с какой был обставлен дом Керлинга, поразила Наруза Ахмеда. Хозяин, видно, привык жить на широкую ногу. Никогда прежде Нарузу не приходилось видеть стенные панели такой художественной работы. А хрустальные люстры, висящие в каждой комнате, а книги с золотым тиснением и узорами на корешках, прячущиеся за стеклами отполированных шкафов, а огромный белый холодильник, покрытый эмалевой краской, а радиолы с несколькими дверцами, а ковры, а мебель? Да что там говорить! Некоторые вещи в доме, хотя бы вот эти шахматные фигуры из слоновой кости или букет тюльпанов из тончайшего фарфора, с прозрачными нежными лепестками, кубок из платины и золота, представляли собой целое состояние.

Но клинка Наруз Ахмед не увидел. Ни клинка, ни коллекции оружия, о которой говорил Исмаили. Радость сменилась отчаянием. Что делать? Где хранит Керлинг клинок? Не ошибся ли Исмаили? Или Керлинг успел переправить клинок к себе на родину?!

Потрясенный неудачей, Наруз Ахмед в глубоком молчании покинул особняк и, шагая рядом с Масудом, рассеянно отвечал на его вопросы.

- Богатый человек мой хозяин, не правда ли? - спросил Масуд.

- Уж куда богаче.

- А ведь у него есть еще и загородный дом.

- Как? - чуть не выдал себя Наруз Ахмед и, спохватившись, добавил: - А что в этом странного?..

- Странного ничего, а завидного много...

Наруз Ахмед вздохнул и спросил:

- Это что же, вроде дачи?

- Вот, вот...

- А где?

Масуд назвал местность в окрестностях Тегерана.

- Ты там тоже бываешь?

- Не приходилось. Горничная говорит, что там нет паркета. А то бы они, конечно, меня позвали.

Наруз Ахмед, сославшись на усталость от непривычной работы, распрощался с Масудом и быстро зашагал домой.

4

Подготовка к визиту в загородный дом Керлинга отняла у Наруза Ахмеда еще несколько дней. Прежде всего он постарался выведать у своего приятеля - полотера - все, что тот знал о доме. Но Масуд знал очень немного. На даче, в небольшом флигельке, постоянно живет прислужник с женой и дочерью. Прислужник охраняет дом, смотрит за садом, жена производит уборку, а дочь их, когда появляется хозяин, стряпает и подает к столу.

Прислужника привез с собой Керлинг; он, кажется, араб и звать его Гуссейном.

Вот и все, что знал Масуд.

Наруз Ахмед три раза побывал за городом и подверг осмотру не только дом, но и ближайшие окрестности.

Он попытался завязать знакомство с Гуссейном. Однажды, когда тот подрезал вечнозеленый кустарник, Наруз завязал разговор. Он выдал себя за цветовода, располагающего редкими сортами дамасских, индийских и персидских роз, могущих украсить двор любого знатного человека. Но розы Гуссейна не интересовали. Он отказался не только от цветов, но даже и от английских сигарет, которыми хотел угостить его Наруз Ахмед.

Потерпев неудачу с Гуссейном, Наруз решил пойти на риск - проникнуть в дом и отыскать клинок. Это непросто и небезопасно, но другого выхода не было.

В пятницу, во второй половине дня, когда с неба еще лился зной, он нанял дорожечки - извозчика, и тот вывез его за городскую черту. Расплатившись с дорожечки, Наруз Ахмед со свертком под рукой неторопливо зашагал по шоссе.

Он подошел к даче Керлинга перед вечером, когда уже заходило солнце. Густые кусты сирени, образующие вдоль дороги оплошные заросли, укрыли Наруза Ахмеда. Отсюда он мог спокойно наблюдать за домом и его обитателями.

Догорал закат. Стекла в особняке пылали, отражая багряную вечернюю зарю. На оконных карнизах глухо ворковали голуби.

Пожилая женщина, видимо жена Гуссейна, показалась на балконе, сдвинула с места тростниковую качалку и начала вытряхивать пеструю бархатную скатерть. Вытряхнула и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Скрылось солнце. Густели сумерки. На небо выплыл ущербленный диск луны.

Наруз Ахмед не сводил глаз с дома.

Из калитки вышел Гуссейн с трубкой во рту. Вот хитрец, он, оказывается, курит! А от сигарет отказался... Гуссейн постоял некоторое время как бы в раздумье, попыхивая трубкой, а потом медленно направился к соседней даче и скрылся за калиткой. Вскоре он вернулся оттуда, неся и руке большой бидон из белой жести.

Хлопнула калитка, шелкнул металлический замок.

И снова тишина.

Наруз Ахмед выжидал, хотя зуд нетерпения жег его. Он точно знал, что хозяин дома, Керлинг, сейчас в городе и пожалует сюда лишь в воскресенье. Значит, кроме прислуги,

на даче никого нет. Свет в окнах не загорался. Только вспыхнули две лампочки: одна у ворот, другая на столбе во дворе.

Наруз Ахмед продолжал выжидать.

Луна опускалась все ниже, и залитый ее светом дом выглядел сказочным. На небе выступали одна за другой мохнатые южные звезды.

Стояла глубокая тишина. Едва-едва вздыхал западный ветерок, принося теплое благоухание цветов и пряный аромат цветущей акации.

Наруз выбрался из укрытия, осмотрелся по сторонам и, прижав к боку сверток, пересек пыльную дорогу. Он приник лицом к решетке и сквозь лавровые кусты разглядел во дворе флигелек с двумя освещенными окнами и утрамбованную площадку перед ним для игры в крокет.

Держась в тени, Наруз Ахмед бесшумной, скользящей походкой стал красться вдоль решетки, через которую свешивались ветви мимозы и дикого винограда.

Свет во флигеле погас примерно к полночи. Тогда Наруз Ахмед перемахнул через решетку, пригибаясь меж кустов, прокрался к дому и притаился между двумя окнами под балконом. Он развернул сверток, в нем оказался моток толстой веревки с железной кошкой на конце. Чтобы не производить шума, кошка была обмотана тряпкой.

Вслушавшись в тишину ночи и не уловив ничего подозрительного, Наруз Ахмед распустил веревку и, взяв в руки кошку, метнул ее на балкон. Раздался глухой стук. Наруз потянул канат на себя, он свободно подался, затем натянулся: кошка зацепилась за что-то. Наруз вытер ставшие вдруг мокрыми ладони и, опираясь о стену дома ногами, стал взбираться вверх. Расстояние от земли до второго этажа не превышало и пяти метров, и преодолеть его было нетрудно.

Оказавшись на балконе, он подобрал свисающий конец веревки и уложил его на перила.

Дверь, ведущая в дом, оказалась закрытой лишь на один верхний шпингалет. Снизу она свободно отходила от порога. Наруз Ахмед предвидел, что дверь может оказаться на запоре, а потому прихватил с собой алмаз, чтобы подрезать стекло, и кусок липкого пластыря, чтобы вынуть осколки бесшумно. Но, не имея опыта в подобных операциях, он решил пока не прибегать к алмазу, а попробовать открыть дверь. Он стал потряхивать ее половинку, и дверь подалась. Очевидно, незавернутый шпингалет выпал из своего гнезда.

Наруз Ахмед вынул из кармана ручной фонарик и замер на месте, не решаясь переступить порог. Сердце его билось сильно и тревожно. Он отдавал себе отчет в том, что может произойти, если он попадет.

Быть может, он поступает опрометчиво? Быть может, не следует лезть в чужой дом, не изучив его хорошенько? Не лучше ли повременить немного, потратить еще недельку и расположить к себе несговорчивого Гуссейна?

Но колебания длились недолго. Ждать нечего. Все решено и обдумано. Пора действовать.

Окинув с высоты балкона безлюдную улицу и дремлющие сады вокруг, Наруз Ахмед шагнул через порог, прикрыл за собой дверь и включил фонарик. Перед ним оказалась небольшая квадратная комната. Стены ее были расписаны сложным арабским орнаментом, пол застлан темным ворсистым ковром. В центре стоял круглый стол, покрытый той скатертью, которую совсем недавно вытряхивала жена Гуссейна.

Луч фонарика нащупал три двери: две вели в смежные комнаты и одна, открытая, - на лестницу вниз.

Наруз Ахмед обошел все верхние комнаты и, не обнаружив в них того, что искал, стал спускаться по лестнице, изредка помигивая фонариком и держась за поручни.

Лестница привела его в холл с вешалкой, зеркалами и низкими кожаными креслами.

Наруз Ахмед постоял здесь немного, и луч фонарика показал ему дальнейший путь. Широкая резная дверь во внутренние покои оказалась незапертой. Он потянул ее на себя и остановился. Слух уловил какой-то звук: что-то журчит или мелодично гудит.

Наруз Ахмед провел лучиком по стене и увидел еще одну дверь. Он открыл ее и понял, что тут буфетная. На стене висел электросчетчик. Он-то и журчал.

Если бы Наруз Ахмед вовремя догадался, что звук издает счетчик, и не заглянул в буфетную, если бы он прикрыл за собой дверь, то вполне возможно, что все последующее сложилось бы иначе. Но Наруз Ахмед забыл об осторожности. Он оставил за собой две открытые двери и быстро прошел в затянутую мраком гостиную. Окна, выходящие на улицу, были завешены шторами. Здесь можно было безбоязненно пользоваться фонарем.

Наруз Ахмед оглядел гостиную, спальню и, не обнаружив ничего похожего на клинок, направился в кабинет. Это была большая, не уступавшая по размерам гостиной комната. На пушистом ковре стояли письменный стол, глубокие мягкие кресла, столик с радиоприемником, низенький столик с бутылками, сигаретами, рюмками и бокалами. Но ничего этого Наруз Ахмед не заметил. Как загипнотизированный, он смотрел на глухую стену, где по огромному темному ковру было развешано оружие. В луче фонарика блестели кинжалы, палаши, сабли, ятаганы, пистолеты, старинные боевые доспехи... У стены стояла широкая ковровая тахта с шелковой горой подушек и подушечек, Наруз Ахмед шагнул к ней, наведя лучик на развешанное оружие. Но... отцовского клинка он не увидел. Его не было здесь. Наруз Ахмед мог бы мгновенно опознать его среди сотен других...

- Проклятие! - чуть слышно прошипел он. - Куда же этот неверный упрятал клинок? И почему упрятал? Неужели все мои труды пропали даром? Нет, к черту... Я не уйду отсюда с пустыми руками. Тут есть чем поживиться. Хотя бы вон тот клинок. Он весь в золоте и камнях. А кинжал? Нет... Я прихватю с собой все, что можно...

Он хотел было ступить на оттоманку, над которой висело оружие, но его остановило грозное рычание.

Наруз Ахмед медленно повернул голову, повел фонарем и замер в неестественной позе: в двух шагах от него стоял, оскалив зубы, огромный, с годовалого теленка, пятнистый дог. Он был недвижим, точно мраморное изваяние. Его круглые разномастные глаза мерцали холодным огнем: один глаз зеленым, другой - желтым...

Ноги Наруза Ахмеда сразу обмякли, стали ватными. Кровь бросилась в голову, спина покрылась потом, а сердце тяжело, громко стучало. Он дышал прерывисто, полуоткрытым ртом, и не мог оторвать взгляда от страшного зверя. А тот не мигая смотрел, будто стараясь парализовать его волю.

Прошли три длинные, бесконечные минуты. Наруз Ахмед стал понемногу приходить в себя. Какие-то проблески рассудка стали брать верх над всеобъемлющим паническим страхом. Нельзя же, в конце концов, оставаться беспомощным и дрожать при виде этого проклятого дога. Как он ни страшен, но это лишь животное, презренная собака! Человек должен что-то придумать, чтобы избавиться от собаки. Но что? Прежде всего следует погасить свет и изменить неудобную позу. Наруз Ахмед так и поступил. Свет погас, погасли и желто-зеленые собачьи глаза. Теперь надо быстро соображать. Вот, правильно. Выход есть. Надо осторожно, неслышно добраться до стены, снять первый же клинок, и тогда дог уже не страшен. Можно ослепить его светом и так полоснуть по черепу, что он и не пикнет. Верно!

Наруз Ахмед воспрянул духом, приподнял ногу, чтобы поставить ее на оттоманку, но тут дог снова так угрожающе заворчал, что нога сама по себе застыла на месте. Трясущаяся рука невольно сжалась, и фонарь вспыхнул. На Наруза Ахмеда медленно надвигался могучий зверь, скаля белые клыки.

Наруз Ахмед сжался в комок, присел на корточки и притих, как притихает пташка при виде коршуна. Он не мог больше смотреть в неподвижные глаза зверя и погасил фонарь. Леденящий сердце страх сковал его. Он уже видел себя в наручниках, бредущим по городу с двумя рослыми полисменами по сторонам. Конец...

И тут пес стал лаять, басовито, громко и яростно. Дом ожил.

Керлинг в это время принимал своих близких друзей в особняке на улице Лалезар.

Это был упитанный, рослый, неопределенных лет блондин с расплывшимися чертами лица, гладко прилизанными редкими волосами и желтовато-серыми глазами, светившимися из-за неоправленных очков. Одет он был по моде, но не по возрасту - в пиджак светло-песочного цвета, ярко-синие брюки и галстук лихорадочной расцветки.

После легкого ужина, орошенного разнообразными коктейлями, хозяин и гости собирались усесться за карточный стол, но в это время зазвонил телефон.

Керлинг снял трубку, выслушал короткое сообщение и так же коротко ответил:

- Сейчас приеду. Откройте ворота.

Потом он нервным жестом поправил галстук и обратился к гостям:

- Прошу прощения, господа! Я должен отлучиться. Начинайте без меня.

Никто из присутствовавших (были только мужчины) не стал протестовать и расспрашивать. Все отлично понимали, какие сложные обязанности возлагает на человека должность корреспондента иностранной влиятельной газеты.

Керлинг быстро прошел в кабинет, вынул из ящика стола массивный пистолет и положил его в карман. Минуту спустя он сидел уже за рулем.

Машина легко прошелестела по гладкому асфальту, запрыгала по булыжной мостовой и запылила по немощеной улице. Достигнув перекрестка, она сбавила ход, повернула вправо и, оставив облачко голубоватого дыма, въехала в узкую улицу.

Керлинг выбрал самую короткую дорогу. Он торопился. Потянулись кривые, пропитанные пылью и зловонием переулки с глухими высокими глиняными заборами. Потом мелькнули развалины старой городской стены.

Машина выбралась на загородное шоссе, обсаженное деревьями, и увеличила скорость. Дорога некоторое время стлалась вдоль широкого арыка, повторяла его изгибы, затем перебежала через мост и подалась влево.

Керлинг вел машину спокойно, свободно откинувшись на спинку сиденья. Руки его, слишком белые для мужчины, с отполированными ногтями, покрытые веснушками, не держали баранку, как обычно держат ее профессионалы-водители, а лежали на ней. Точными, едва приметными и небрежными движениями ладоней Керлинг манипулировал рулем.

Еще издали он заметил, что его загородный дом ярко освещен. Керлинг сбавил ход, сделал плавный поворот и въехал в настежь распахнутые ворота, Они тотчас закрылись за ним.

Едва Керлинг успел выйти из машины, как к нему подбежал Гуссейн и взволнованным голосом доложил:

- Вор пробрался в дом через балкон по веревке, сделать ничего не успел. Его стережет Радж.

- Где?

- В вашем кабинете, господин.

Керлинг вынул пистолет, освободил предохранитель.

- Пошли!

На веранде они застали жену и дочь Гуссейна. Женщины поклонились хозяину и пропустили его в дом.

В холле Гуссейн доложил:

- Я не решился без вас позвонить в полицию. Быть может, позвонить сейчас?

- Подожди...

Войдя в ярко освещенный верхним светом кабинет, Керлинг увидел в углу скрюченного в неестественной позе человека. Возле него царственно сидел неподвижный дог. Он даже не повернул головы, когда вошел хозяин.

- Радж, ко мне! - позвал Керлинг.

Собака нехотя подошла к нему и встала с левой стороны.

- Хенде ап! Руки вверх! - скомандовал Керлинг и наставил пистолет на вора.

Наруз Ахмед с застывшим взглядом и окаменевшим лицом приподнялся, выпрямился и поднял руки кверху.

Керлинг осмотрел его спокойно, насмешливо и приказал Гуссейну:

- Ну-ка, выверни у него карманы!

В карманах, кроме красного носового платка, небольшой суммы денег и засаленных документов, ничего не оказалось. Керлинг приказал деньги и платок вернуть вору, а документы бросил на письменный стол. Гуссейну он сказал:

- Ступай! Я поговорю с ним сам.

Оставшись наедине с ночным гостем, Керлинг сел в кресло и, нацелившись черным пистолетом в переносицу Наруза Ахмеда, спросил:

- Это еще что за фокусы? Кто ты? Зачем сюда пожаловал?

Наруз Ахмед молчал.

- Ну, отвечай! Я буду считать до двенадцати, а потом спущу курок. Раз... два... три... четыре... пять...

Наруз сообразил, что с ним не шутят. Нельзя ждать той секунды, когда из круглого отверстия ствола вырвется злобный огонек. Эту секунду надо перехватить.

- Я скажу... Я на все отвечу... - вырвалось у него. - Разрешите мне сесть... Меня не держат ноги...

Керлинг рассмеялся мелким шипящим смехом, толкнул ногой стоявшее напротив кресло и показал на него пистолетом.

- Садись!

Шатающейся походкой, с поднятыми руками Наруз Ахмед подошел к креслу, упал в него и вздохнул с облегчением.

- Опустит лапы, - разрешил Керлинг и позвал дога: - Ко мне, Радж. Ложись!

Дог расположился между хозяином и Нарузом Ахмедом и снова вперил свой дьявольский взгляд в ночного гостя.

Керлинг положил пистолет на стол, под правую руку, и сказал:

- Говори, я слушаю.

- Я пришел сюда... - начал Наруз срывающимся голосом, - чтобы взять отцовский клинок... Я думал... Мне сказали... Да... Мне сказали, что клинок отца попал сюда, и я хотел, ну... как бы сказать... забрать его...

Он проговорил это торопливо, несвязно, облизывая пересохшие губы. Слова наскокивали одно на другое.

- Маловразумительно, - коротко заметил Керлинг и провел рукой по своим гладко зачесанным волосам.

- Я не вор... Поверьте мне, я не вор, - вновь забормотал Наруз Ахмед. - Единственно, что привело меня сюда, так это клинок...

- Какой клинок, черт тебя побери?! - с раздражением воскликнул Керлинг.

- Отцовский клинок... Да, клинок, который раньше принадлежал моему отцу.

- Ты аферист! Что ты морочишь мне голову? Я не ребенок!

- Господин... поверьте, что я говорю правду, - приходя мало-помалу в себя, убеждал Наруз Ахмед. - Конечно, вам непонятно. Но я объясню вам все, все... Я пришел сюда за тем клинком, который вы три года назад купили на "Эмире" в магазине Исмаили... Да, я хотел украсть у вас этот клинок... В этом моя вина... Но клинка не оказалось среди вашего оружия. Клинка нет. Значит, все напрасно, и я погиб, ничего не достигнув...

Керлинг прищурился, что-то припоминая, и спросил:

- У Исмаили, ты сказал?

- Да, да, у Исмаили... Это совершенно точно. Вы не можете этого не помнить, раз об этом помнит Исмаили. Вы оставили ему свой адрес.

Теперь вы понимаете меня?

- Ничего пока не понимаю.

- Этот клинок я продал Исмаили в сорок шестом году, а он продал его вам. Клинок мне оставил мой покойный отец Ахмедбек, а ему подарил его последний эмир бухарский Саид Алимхан... И поверьте, что я не вор.

Что угодно, только не вор. Это случилось со мной впервые.

Керлинг внимательно всмотрелся в лицо Наруза Ахмеда и сказал:

- Что ты не обычный вор, могу поверить. Воры так глупо не поступают. Но скажи, зачем тебе понадобился клинок, который ты сам же несколько лет назад продал? Зачем?

Наруз Ахмед молчал. Он сидел, ссутулившись, точно пришитый к креслу, и не знал, как ответить. Вот это вопрос! Действительно, зачем? Придется, видимо, сказать правду. Другого выхода нет.

- Ну? - напомнил Керлинг. - Зачем?

- В клинке заключена большая тайна.

Керлинг расхохотался. Этого еще не хватало! Начинаются восточные штучки!

Он вынул из бокового кармана сигару, откусил ее кончик, достал зажигалку и закурил. Дым слоистыми волнами поплыл по комнате.

- Ты, может быть, думаешь, что имеешь дело с местным жителем? - проговорил Керлинг, разглядывая зажигалку с таким видом, будто она впервые попала к нему в руки. - Ошибаешься! Я не настолько наивен...

Мысли Наруза Ахмеда мчались, разбегались на ручейки, и ни на одной он не мог сосредоточиться. Что же делать? Господин Керлинг и этому не верит! Как убедить его?

- Ты понял меня, жалкий аферист? - твердо спросил Керлинг.

- Да, господин.

- Что же ты еще можешь сказать?

- Я говорю правду...

Керлинг усмехнулся, брезгливо взял документы Наруза Ахмеда, просмотрел их и сказал:

- Кто ты? Только говорить правду, иначе я прекращу беседу.

Наруз Ахмед объяснил, что он родом из Бухары, сын видного человека при эмире бухарском, что отец его после революции боролся с советской властью и был курбаши, да и сам он состоял в басмаческом отряде Мавлана. После разгрома отряда он бежал в Афганистан, а затем перебрался в Иран.

Эти подробности биографии Наруза Ахмеда заинтересовали Керлинга, хотя он и не подал виду. Имена басмаческих курбаши Ахмедбека и Мавлана были ему знакомы.

- Вам нельзя позавидовать, - проговорил он, перейдя на "вы". - Вы избрали, судя по сегодняшнему визиту, не ту дорогу, которая ведет к славе...

Наруз Ахмед развел руками.

- А кто может подтвердить, что все, что вы мне сказали, правда? - продолжал Керлинг.

- Есть такой человек! - твердо сказал обрадованный Наруз Ахмед.

- Имя его?

- Ахун Иргашев.

- Это еще кто такой?

- Мой земляк, старый человек, табиб, он живет в Тегеране.

- Адрес? - потребовал Керлинг и вынул из кармана ручку.

Наруз Ахмед сказал адрес, и Керлинг записал его в крошечный блокнотик, спрятал ручку и спросил:

- А что, собственно, он может подтвердить?

- Все, все... Он знает меня с малых лет, он обучал меня грамоте.

Он подтвердит, что я - сын Ахмедбека, что отец мой был приближенным эмира бухарского и еще...

- Еще?

- Что я сказал вам правду о клинке.

Керлинг усмехнулся:

- Уж не повлияла ли эта история с клинком на ваш рассудок?

- Вот вы смеетесь, - промолвил Наруз Ахмед. - Я понимаю вас. Я тоже не придавал особого значения тайне, в нем заключенной. Потому-то и продал клинок.

- А теперь верите в тайну?

- Если бы не верил, то не оказался бы в вашем доме.

- И вам открыл глаза этот таиб Иргашев?

- Да, он. Хотя, как понимать "открыл"? Он - один из двух, знающих тайну. Вторым надо считать умершего отца.

- Хм... занимательно. В чем же состоит тайна?

- В этом-то вся суть. Если бы я знал! Ахун сказал мне, что раскроет тайну лишь в том случае, если я добуду клинок.

- Так... - произнес Керлинг иронически. - Очень занимательно. Все как в сказке... А чем вы развлекались в Иране все это время?

Наруз Ахмед вздохнул и, набравшись смелости, смиренно попросил закурить. Керлинг угостил его сигарой, и после этого Наруз выложил ему все, как на исповеди. Он рассказал обо всех своих скитаниях в поисках Ахуна Иргашева, о надеждах, которые пробудились в нем с началом войны, о том, как попал он в диверсионную группу и чем это окончилось.

Своей угодливой откровенностью Наруз Ахмед пытался расположить к себе Керлинга, от которого теперь зависела его судьба.

- Вы интересный человек, - неожиданно произнес Керлинг, когда Наруз Ахмед окончил свой рассказ. - Весьма интересный...

Наруз Ахмед с недоумением посмотрел на хозяина дома, не зная, как расценить такое признание.

- Да, да... - подтвердил Керлинг. - Я говорю вполне серьезно. Какое у вас образование?

- Образование? Меня обучал Ахун Иргашев, а потом я поступил в русскую среднюю школу и окончил ее. Три года занимался на торговых курсах.

Керлинг кивнул, вынул из кармана бумажник, отсчитал несколько банкнотов крупного достоинства и подал их Нарuzu Ахмеду.

Тот не поверил своим глазам.

- Берите, - сказал Керлинг. - А когда будете нуждаться, обратитесь ко мне.

- Значит, вы... Вы не передадите меня полиции? - с дрожью в голосе произнес Наруз Ахмед и снова облизал потрескавшиеся губы кончиком языка.

Керлинг улыбнулся всепрощающей улыбкой и сказал:

- Документы ваши я оставляю пока у себя. Вы должны понять...

- Да, да... Я все понимаю... Оставляйте... Я не знаю, как и чем отблагодарить вас... - быстро проговорил Наруз Ахмед.

- Надеюсь, что если вы пожелаете отблагодарить, то подыщете приличный случай...

- Всегда готов...

- Постарайтесь поприличнее одеться, - посоветовал Керлинг и встал.

- Хорошо... Обязательно, - безропотно согласился Наруз Ахмед, поднимаясь с кресла. - А как же с клинком? Продолжать его розыски или бросить?

Керлинг ответил не сразу. Он снял очки, протер стекла носовым платком и подумал. Оказывается, этот сын бека не так уж наивен, как он полагал. И вопрос он поставил очень хитро. Ответ, что розыски продолжать не надо, будет означать, что клинок навсегда потерян.

Сказать, чтобы он продолжал... Нет, нет. И на то и на другое отвечать еще рано.

- К этой теме мы еще вернемся когда-нибудь. Поняли?

- Да... - неуверенно ответил Наруз Ахмед.

- Вас я попрошу об одном: никто, ни одна душа на свете не должна знать, что здесь произошло. В том числе и Ахун Иргашев. Это в ваших же интересах. Можете мне обещать

это?

- Конечно.

- Твердо?

- Безусловно!

- А теперь можете отправляться. Когда надо будет, я позову вас.

Наруз Ахмед отвесил почтительный поклон.

Когда он сделал шаг, дог повернул голову.

- Тихо, Радж, - сказал хозяин. - Ты у меня молодчина!

Керлинг проводил Наруза Ахмеда до веранды. Там с трубкой в зубах на ступеньках сидел Гуссейн.

- Выпусти нашего гостя, - приказал Керлинг.

Слуга молча повиновался.

6

Выпроводив Наруза Ахмеда, Керлинг посмотрел на часы. Поздно...

Возвращаться в город не хотелось. Он позвонил в свой особняк и предупредил друзей, что задерживается.

Закурив новую сигару, Керлинг стал прохаживаться по кабинету. Странная, необычная история! Тут тебе и эмир бухарский, и Ахмедбек, и курбаши Мавлан, о которых он знал больше, чем мог предполагать Наруз Ахмед, и старый таиб Ахун Иргашев. И всех их связывает этот загадочный клинок. И ничего нет удивительного в том, что клинок скрывает какую-то тайну. Абсолютно ничего. Азия есть Азия, Восток есть Восток...

Быть может, и в его коллекции какой-нибудь экземпляр хранит тайну, о которой он, Керлинг, и не ведает. Чего не бывает!

Керлинг подошел к оттоманке, над которой красовались клинки, сабли, палаши. Тут была лишь треть того, что он собрал за свою жизнь. Остальное хранилось далеко отсюда, за морями и океанами. Но и то, что было сейчас перед ним, значило много. Это может украсить любое европейское собрание. Керлинг готов биться об заклад на любую сумму, что экземпляров, подобных тем, которыми он располагает, на земном шаре может оказаться не более двух-трех. А некоторые вещи уникальны. Ведь старые знаменитые мастера не повторялись. Каждая вещь имеет свою историю, и о каждой из них можно написать книгу.

Некоторым из этих клинков сотни лет. И в чьих только руках они не побывали, сколько хозяев переменили, прежде чем попасть в руки Керлинга. Вот хотя бы эта среднеазиатская сабля, прямая, как меч, в тяжелых ножнах, украшенных золотыми узорами. Клинок ее изготовлен из булатной дамасской стали. Над ней работали безвестные бухарские мастера восемнадцатого века. Когда-то сабля украшала дворец хивинского хана Искандера, а в восемнадцатом году нашего века попала в руки Керлинга. Как попала? О, это целая история, лучший номер из репертуара Керлинга, любящего угощать гостей необыкновенными рассказами.

А эта албанская сабля, усыпанная кораллами и бирюзой, с расширением на конце, называемым елманью! Ее выковали в Турции и отделали в Албании. В двадцатом году Керлинг случайно купил ее за бесценок у пьяного врангелевского полковника, к которому она бог весть как попала. Впоследствии за этот клинок Керлингу давали там же, в Константинополе, бешеные деньги, но он, конечно, не согласился продать его. Он понимал толк в вещах и знал, что с каждым годом цена будет расти.

А персидская сабля с тонким, как жало, змеевидным клинком и золотой насечкой по нему? О! Этой сабле уже четыреста лет! Шутка сказать! И, пожалуй, ее следует убрать со стены в более укромное место. Сабля хорошо известна в Тегеране знатокам старинного оружия, а вот несколько щекотливую историю приобретения ее Керлингом почти никто не знает. Поэтому лучше припрятать ее, подальше... Так будет спокойнее.

А что можно сказать вот об этой сабле с короткой рукояткой, будто она делалась для узкой женской руки? Это индийская сабля ятаганного типа с обратной заточкой клинка. Ее ножны, покрытые серебряной насечкой и позолоченные, походят на кружевной узор, а поверх узора, будто нечаянно, рассыпаны звезды из неувядаемой голубой эмали. Ей цены нет. За нею Керлинг охотился два года, вложил в эту авантюру немало денег и все-таки добыл! Сабля - произведение рук дамасских мастеров. Она сделана в шестнадцатом веке по заказу индийского раджи для его сына, ставшего воином.

Но разве только сабли в коллекции Керлинга? Рядом с ними висят с одной стороны японская катана, а с другой - турецкий ятаган, напоминающий обычный серп с оттянутыми краями, с такой же, как у серпа, обратной заточкой и с крыльями на рукояти. Вот палаш "кунда", прямой, стремительный, расширяющийся к концу, с узорчатой серебряной накладкой вдоль обеих сторон обуха. И тускло мерцает на темном ковре страшный индийский кутар без ножен с широким и толстым, как ладонь, обоюдоострым лезвием, с двойными упорами для рук, рассчитанный для близкого колющего и уж, конечно, смертельного удара.

По краям стены развешаны доспехи оборонительного боя. Тут булатный персидский шлем с прогибами от сабельных ударов, арабские "зеркала" из нескольких стальных щитков, покрытых кружевным орнаментом из виноградных лоз и порхающих птиц, кольчуги и наручи. Темнеют на стене щиты из твердого, как железо, дерева, обтянутые кожей и покрытые накладками из серебра и бирюзы, круглые пороховницы из дерева и кожи, украшенные ажурной резьбой поверху, тяжелые боевые топоры. Устремились вверх длинные стройные копья с фигурными стальными наконечниками и украшениями из цветных перьев и конского волоса.

А внизу, над самой тахтой, - ножи и кинжалы. К ним больше всего равнодушен Керлинг. Возможно, потому, что в былые времена ему самому не раз доводилось в весьма серьезные минуты жизни пользоваться этим видом оружия. Тут ножи персидские и китайские, монгольские и казахские, киргизские и татарские, турецкие и индийские, кавказские кинжалы кама с прямым лезвием и бебуты с кривым. Среди них мексиканские мачете и испанские стилеты.

А вот среднеазиатский нож - клыч, то, чем Керлинг, пожалуй, дорожит больше всего. Долго искал его Керлинг! Но и в мечтах не представлял себе, что найдет такой редкостный экземпляр! Клычей в Средней Азии много. Десятки их проходили через руки Керлинга и не задерживались. Разнообразные клычи он видел на рисунках, рассматривая специальные книги о старинном восточном оружии. Но такого экземпляра... Нет, такого он не встречал даже в книгах.

Длина этого клыча - тридцать семь сантиметров. В ножнах он походит на скрученную змею с позолоченной и украшенной эмалью головкой. Рукоятка емкая - для широкой кисти. Глаза змеи - два кроваво-красных рубина. Лезвие ножа, выкованное из булатной стали с синеватым отливом, по обеим сторонам имеет до того мелкую ажурную насечку, что, когда всматриваешься, рябит в глазах. Этот клыч, несомненно, многолетний труд какого-то великого мастера-художника, имя которого затерялось в веках.

Раздобыл его Керлинг три года назад. Ради него он и пожертвовал тем самым клинком, из-за которого сегодня его дом "посетил" Наруз Ахмед.

Этот эмирский клинок был действительно куплен на базаре, у Исмаили. Но кто мог знать, что клинок связан с какой-то тайной? Видимо, и Исмаили не подозревал о ней, если, едва купив клинок, тотчас же сбыл его с рук. А он, Керлинг, тоже поторопился обменять клинок на редкий клыч... Чертовщина какая-то.

Керлинг отлично помнит, как попал к нему этот клыч. Дело было в начале сорок шестого года. В отеле "Дербент" какое-то левое издательство устроило прием в честь иностранных корреспондентов. Был приглашен и Керлинг. Его познакомили с советским офицером-переводчиком, молодым еще человеком. Он был не то таджик, не то узбек. Хорошо владел не только фарси, на котором бегло изъяснялся Керлинг, но и

родным языком Керлинга. Но не это привлекло его внимание, а то, что советский офицер с увлечением рассказывал о старинном оружии.

Между ним и Керлингом тотчас же завязался оживленный разговор о древностях Востока, об азиатском оружии. Керлинг - мастер поддерживать такие беседы, К удивлению всех, и Керлинга особенно, молодой советский лейтенант оказался настоящим, тонким знатоком и понимал толк в оружии.

Больше того, он сказал Керлингу, что в машине у него лежит такой клыч, который трудно отыскать в нынешние времена.

Керлинг мгновенно загорелся. Он стал упрашивать лейтенанта показать клыч. Лейтенант показал, и Керлинг утратил душевный покой. Он твердо сказал себе, что клыч должен принадлежать ему. Он прямо сказал лейтенанту, что коллекционирует старинное восточное оружие и долго мечтал о том, чтобы пополнить свою коллекцию именно таким среднеазиатским клычом. Он добавил, что может показать лейтенанту свою коллекцию и предоставить возможность выбрать из нее взамен клыча то, что ему понравится.

Офицер, к удивлению и радости Керлинга, не заставил себя долго уговаривать. Он сказал, что ему понятно чувство и страсть коллекционера, и сразу согласился.

Вечером того же дня Керлинг привез лейтенанта сюда, в свой загородный дом, и показал коллекцию. И только теперь Керлингу становится досадно, что выбор офицера сразу пал на клинок, купленный у Исмаили. Неужели и он знал что-то о клинке? Быть не может. Наруз Ахмед заверил, что в тайну посвящены только двое... Хотя...

Честно говоря, Керлингу жаль было расставаться с клинком. Он был хорош, но коль скоро он без оговорок предоставил лейтенанту полный выбор, бить отбой было поздно.

Но как же фамилия этого переводчика? Вот это Керлинг забыл. А знал, знал и долго помнил.

Вторично с этим офицером Керлинг встретился в помещении редакции одной из тегеранских газет. Это было несколько дней спустя после приема. Лейтенант был очень приветлив, сам заговорил и кстати поинтересовался, где Керлинг достал клинок. Керлинг удовлетворил его любопытство, сказав, что купил клинок у антиквара Исмаили. Потом Керлинг в свою очередь спросил молодого переводчика, откуда он взял клыч. Лейтенант рассмеялся и объяснил, что клыч попал к нему за какие-нибудь полчаса до их знакомства, и он даже не успел хорошенько рассмотреть его. Клыч преподнес ему в качестве подарка старыйтаджик-ошханщик, живущий в Тегеране. Лейтенант назвал фамилию этого таджика, но и она вылетела из головы Керлинга.

Черт побери, как все нелепо получилось!..

И теперь клинок, конечно, в Советском Союзе. Но что же предпринять?

Керлинг подошел вновь к тахте, снял любимый клыч, обнажил его, внимательно осмотрел в который раз и, водворив на место, подумал: прогадал он или выиграл, поменяв клинок на клыч? С точки зрения коллекционера, возможно, и не прогадал, но если действительно... Нет, нет, надо что-то предпринять. Так оставлять дело нельзя.

Керлинг подошел к столу, сел в кресло, погладил дремавшего дога и погрузился в раздумье.

Минуту спустя он быстро поднялся и звонком вызвал Гуссейна.

- Я поеду в город, - сказал он. - Запри все двери. Как бы снова кто не пожаловал к нам в гости.

7

Прошло два дня.

В маленьком, точно чайное блюдце, дворике, окруженном глинобитной стеной, на пороге дома на корточках сидел Ахун Иргашев и жевал горький нас. Сын хозяина носил из арыка

воду и поливал единственную грядку с зеленым луком. Ахун наблюдал за ним, а сам думал о том, что пора уже проведать Наруза Ахмеда и расспросить, что слышно о клинке. Почему Наруз так долго не показывается? Или ничего не вышло? Найти следы клинка, действительно, не так-то просто. Наруз даже не помнит, кому его продал! Ах, какой же он глупый, пустой человек! Нет, надо сходить к нему завтра же утром и обо всем узнать. Обязательно.

Во двор вошел почтенного вида незнакомец.

- Мир дому этому... Салам алейкум... Не вы ли табиб Ахун Иргашев? - спросил он.

- Алейкум салам... Если вы ищете табиба, почтенный человек, так это я. Но если вы ищете Ахуна, так это тоже я, - пошутил старик.

Но незнакомец не поддержал шутки и довольно невежливо сразу приступил к делу.

- Вы понадобились знатному человеку в городе.

- Сейчас нужен? - удивился Ахун.

- Да.

- А что с ним, с господином, что у него болит?

- Об этом он сам вам скажет.

- Но табиб должен знать, уважаемый, чем страдает больной, ибо есть разные травы от разных болезней. Значит... - начал было Ахун.

- Значит, вставайте и поедем! Он ждет вас, - перебил его посланец.

Вызовы к больным не являлись неожиданностью для известного на базаре табиба. Редко проходил день, чтобы за Ахуном не присылали. Но к услугам его обычно прибегала беднота. А тут он вдруг понадобился человеку богатому и, более того, знатному! Странно... А вдруг туда приглашен и доктор? Он не любил встречаться с докторами...

Кряхтя, Ахун встал, распрямил согбенный годами стан, вошел в дом и вскоре вернулся с небольшим узелком в руке. В узелке лежали его чудодейственные травы.

Посланец провел старика до перекрестка, где их ожидала большая отливающая лаком автомашина, усадил на заднее сиденье и сам сел за руль.

Машина плавно тронулась и стала набирать все большую скорость.

Сердце старого Ахуна замерло: впервые за свою восьмидесятилетнюю жизнь он ехал в автомобиле.

У богатого особняка на улице Лалезар машина остановилась, шофер отворил дверцу и пригласил табиба следовать за собой.

По обычаю Ирана, гость, входя в чужой дом, редко снимает головной убор, но обувь обязательно снимет. Ахун замешкался в холле, стаскивая с ног потрепанные порьежвшие башмаки, и в гостиную вступил босой.

Тут его встретил Керлинг. Он знал не хуже самих иранцев, как принимать уважаемых гостей. Стол был уже накрыт: на нем стояли чайник, пиалы, вазочки с халвой, бананами, мандаринами, орехами, кишмишом.

- Простите, ата, что я нарушил ваш покой, - сказал Керлинг, с улыбкой подавая гостю руку. - И не считите меня за больного. Хотя я уже немало прожил на свете, но, хвала создателю, ни на какие недуги не жалуюсь. Прошу садиться, - и он подвел гостя к столу.

Ахун присел на краешек низенькой резной табуретки, растерянно обвел глазами светлую комнату с большими окнами и высоким потолком и остановил взгляд на хозяине. Он хотел спросить, зачем понадобился этому здоровому европейцу, но не решился.

Керлинг не без опаски посматривал на смущенного гостя, казалось, что старик готов вот-вот развалиться, так он был стар и немощен.

- Угощайтесь, отец, - предложил Керлинг и наполнил пиалу гостя горячим и крепким чаем.

Ахун с угрюмым недоверием посмотрел на хозяина, но от чая не отказался. Это было бы нарушением всех правил приличия.

Керлинг не заговорил с гостем о деле до той поры, пока тот не опорожнил три пиалы чая и не отведал халвы и фруктов. Лишь после этого он спросил гостя, придвигая к нему

коробку сигар:

- Курите?

Ахун отрицательно покачал головой.

Угощение и внимание хозяина пришлись ему по душе, но тем не менее беспокоила неизвестность. Он никак не мог найти ответ на вопрос, зачем его пригласили сюда, что нужно этому знатному иностранцу.

Керлинг погрузился в кресло и обратился к гостю:

- Я слышал о вас. Знаю, что вы узбек, что в двадцатом году покинули родину, жили некоторое время в Афганистане, а потом перебрались в Иран. Я не ошибаюсь?

Ахун кивнул и насторожился. Он почувствовал, что затевается какое-то неприятное для него дело. Надо быть начеку...

Как бы разгадав его мысли, Керлинг очень мило, с ласковой улыбкой произнес:

- Вы понадобились мне, как человек с той стороны, - он кивнул головой, - как умный и много знающий человек, могущий дать кое-какие справки. Но вы вправе и не отвечать на вопросы. Невольить вас я не стану. Я - частное лицо, иностранец. Если же мы пойдем друг друга, то будьте уверены, что я вас отблагодарю.

Ахун легким наклоном головы дал понять, что ему все ясно, хотя на самом деле ничего не понимал. Наоборот, его охватили какие-то смутные подозрения. Старик нервно поглаживал свою редкую бороду и с тревогой ожидал, что скажет дальше этот непонятный для него господин.

Керлинг спросил:

- Вы, кажется, знаете своего земляка, уважаемого Ахмедбека?

Ахун кивнул.

- Хорошо знаете?

Ахун вновь кивнул.

- Не можете ли вы сказать мне, ата, куда он девался? Я познакомился с ним еще в Бухаре. Это было очень давно. Я был тогда молод, служил офицером-инструктором и обучал военному делу эмирских сарбазов. - Керлинг лгал, будучи убежден, что старик не сможет уличить его. - Потом мы встречались в Афганистане, а в тридцать первом или тридцать втором году Ахмедбек исчез. И я не могу его отыскать.

Лицо гостя чуть прояснилось. Это еще не страшно...

- С той поры и я не видел Ахмедбека, - проговорил он. - А совсем недавно узнал, что он погиб.

Керлинг встал и с искусно наигранным изумлением воскликнул:

- Ахмедбек погиб?! Вы уверены в этом?

- Эту печальную весть сообщил мне его сын. Воля аллаха...

- Сын? Позвольте... Я ничего не понимаю. Здесь находится его сын?

- Да, здесь, в Тегеране.

- И что он делает?

- Так, ничего. Плохо живет, нуждается... Разгневали мы аллаха. Сын такого знатного и могущественного бека в нищете...

- Ска-а-жите, пожалуйста! Я слышал, что у Ахмедбека есть сын, но мне казалось, что он остался там, в Советской России.

- Он и был там, а после гибели отца бежал сюда. Я его недавно видел.

- Интересно! И он заверил вас, что Ахмедбек погиб?

- Увы, господин...

- Никак не ожидал! Никак, - проговорил Керлинг, усиленно потирая лоб. - И как это случилось, сын рассказал?

Ахун передал подробности, услышанные им от Наруза Ахмеда.

- Так, так... - тянул Керлинг. - Очень прискорбный факт. Жаль Ахмедбека. Весьма жаль. Дстойный был мусульманин и отважный человек. - Он развел руками и продолжал говорить как бы сам с собой: - Что ж... Теперь, видно, никто не сможет ответить на

волнующий меня вопрос. Хотя... быть может, сын в курсе дела? Быть может, он знает? Правильно! Почему не попытаться?

- А что такое? - с тревогой осведомился Ахун.

- Вы спрашиваете, что такое? - Керлинг пристально всмотрелся в лицо гостя, прищурился. - У вас память хорошая?

Ахун пожал плечами. На свою память он не жаловался.

- Скажите, ата, вам не приходилось бывать в бухарском доме Ахмедбека?

Ахун усмехнулся. Не приходилось ли ему бывать! Наивный вопрос! Да кто же чаще его бывал в доме бека? Кто обучал его сына?

- Хорошо, хорошо, - продолжал хозяин дома. - Возможно, что вы поможете пролить свет кое на что. Скажите, вам не довелось видеть клинок, которым пожаловал Ахмедбека в свое время эмир Саид Алимхан?

Старик закрыл глаза, что не укрылось от внимания Керлинга. Поглаживая задрожавшими пальцами бороду, Ахун тихо и не своим голосом ответил:

- Я знаю этот клинок... Я видел его много раз...

- Bravo! - воскликнул Керлинг и хлопнул в ладоши. - Bravo! Значит, знаете и видели много раз?

Ахун кивнул головой.

- Вы смогли бы узнать его среди многих других клинков?

- Думаю, что узнал бы. Клинок был редкий, очень приметный. Ведь делал его такой мастер... такой мастер...

- Минутку. Одну минутку. Я сейчас... - Керлинг быстро вышел из комнаты.

Ахун перевел дыхание. Взяв пиалу, он отхлебнул глоток остывшего чая. Неужели клинок попал в руки иностранца? Неужто именно он купил клинок у дурака Наруза Ахмеда? Что же теперь делать?

Старик был уверен в том, что сейчас увидит таинственный клинок. Но хозяин вернулся с папкой в руках и раскинул на столе перед Ахуном с полдюжины фотоснимков.

- Ну-ка, попробуйте!

Пытаться было нечего. Ахун сразу узнал клинок Ахмедбека.

- Правильно, ата! - подтвердил Керлинг. - Совершенно правильно. Этот клинок. Он самый. Но нам это еще ничего не дает...

Керлинг задумался, вновь потер лоб и прошелся взад и вперед по гостиной. Ахун выжидал, какие неожиданности последуют дальше, и испытующе поглядывал на хозяина. Да, клинок у этого человека. Теперь ясно. И он так дорожит клинком, что боится показать его. Спрятал надежно, а показывает снимок.

- Да, это еще ничего не дает, - повторил хозяин после долгой паузы. - Видите, в чем дело... Я уже говорил вам, что не раз встречался с Ахмедбеком в Афганистане. Клинка у него уже не было, и он частенько заводил разговор об этой потере. Все жаловался, что пропал клинок, а вместе с ним исчезла и какая-то тайна...

Ахун заерзал на стуле. Ему стало душно, снова захотелось пить. Он распахнул халат, вздохнул и погладил рукой грудь, покрытую седой щетиной.

- Я не придавал особого значения этим разговорам, - продолжал Керлинг, - и не пытался расспрашивать Ахмедбека. Но как-то раз он опять стал жаловаться и с досадой сказал, что если бы удалось отыскать клинок, то кончились бы его горести и он мог бы сказочно разбогатеть. Я тогда стал подшучивать, посмеиваться. Ахмедбек обиделся. Теперь я уже не смеюсь. И вот почему: три года назад, прогуливаясь по "Эмиру", я заглянул в антикварный магазин Исмаили. Вы знаете его?

Бледный Ахун отрицательно покачал головой. Нет, Исмаили он не знает.

- И что бы вы думали? Я увидел клинок. Тот самый клинок Ахмедбека.

- И вы купили его?

- Вы угадали, - рассмеялся Керлинг. - Я не мог не купить Это был экземпляр редкой, искусной работы. Но не успел я приобрести клинок, как появились десятки людей,

желающих перекупить его... Я думал, думал... - Керлинг хотел уже сказать, что обменял клинок на клыч, но старый Ахун не выдержал. Испытание было ему не под силу, и он крикнул:

- Нет, нет! Ни за что не продавайте!

- Почему? - спохватился Керлинг и сообразил, что чуть не допустил промаха.

- Нет, нет, господин, ни за какие деньги!..

"Ага, вот как, - мелькнуло в голове Керлинга. - Он думает, что клинок у меня. Тогда придется сделать ложный ход".

Он поставил свой стул против гостя, верхом уселся на него и, пристально посмотрев в глаза старика, начал свой "ход".

- Позвольте, позвольте... Я припоминаю. Покойный Ахмедбек говорил, что тайна клинка известна лишь двум: ему и еще кому-то. Вот имя я забыл... Уж не вам ли?

Ахун отвел глаза. Кажется, этот господин все знает. Ахмедбек оказался несерьезным человеком. Видно, и сын в него... Кто тянул за язык Ахмедбека? Рассказывать какому-то иностранцу историю клинка!.. Ведь они поклялись на коране хранить тайну. Только смерть бека давала право раскрыть ее третьему человеку - наследнику, Нарuzu Ахмеду. Значит, бек нарушил клятву? Что же теперь делать?

- Много ли вам дают за клинок, господин? - спросил Ахун. У него появилась шальная мысль приобрести клинок.

Керлинг назвал сумму и едва сдержал улыбку.

Старик ахнул Аллах акбар! Шутка сказать! Таких денег не скопить и за двадцать лет!

- А не подкажет ли сын Ахмедбека имя того второго, кто знает тайну клинка? - задал Керлинг коварный вопрос.

- Нет, нет! - испугался Ахун. - К Нарuzu не надо обращаться. Он глупый человек. Очень глупый. Как можно было, обладая клинком, продать его? Ведь клинок вывез с той стороны Наруз Ахмед. Вывез, держал столько лет и продал. Ну, разве он не глупец?

- Вот как? Я этого не знал. Хм...

- Нарuzu ничего не надо говорить, он только испортит дело. То, что знают двое, не обязательно знать троим. Хорошо, когда знает один, хуже - двое, совсем плохо - трое. Мы двое знали и, видите, что получилось...

- О! - радостно воскликнул Керлинг. - Теперь все стало понятным. Значит, вы, достоуважаемый ата, и являетесь одним из двоих, знающих тайну?

- Я... - тихо уронил Ахун и рукой стер со лба проступивший пот.

- Так в чем же дело? Что вас смущает? Вы что, собираетесь унести тайну с собой в могилу, как сделал Ахмедбек? Не глупо ли? При вашем положении я не скромничал бы. Надо рассуждать по-деловому. От молчания, могу вас заверить, вы ничего не выиграете. Послушайте, ата: один знает тайну, но у него нет клинка, у второго есть клинок, но он не посвящен в тайну. Какой толк в этом? Но если оба вступят в союз, то будут и деньги, и богатство. Подумайте, Ахун-ата!

- Плохо все получилось, - смущенно забормотал Ахун. - Очень плохо. Но если сам бек разболтал, то нужно ли мне соблюдать клятву? Хорошо, я расскажу. Но при одном условии: обещаете не обмануть меня? Я очень стар, господин, мне восемьдесят лет. Мне уже трудно собирать травы, ходить по домам. Глаза стали плохо видеть, ноги отказываются носить... Но у меня есть молодая жена, совсем молодая. Ей шестнадцать лет. Она никого не имеет, кроме меня. И она собирается подарить мне наследника. Вы понимаете? Нам много на троих не надо. Если вы...

- Довольно, все понятно, - нетерпеливо перебил его Керлинг. - Я твердо обещаю и даю в этом слово.

- Спасибо. Я знал, что вы не обидите старика. Вы - человек образованный, иностранец, хорошо знали Ахмедбека...

- Да, да... я все понимаю.

- Тогда слушайте...

И Ахун рассказал все.

Освободившись от тайны, он почувствовал облегчение, будто сбросил с плеч долголетний, изрядно надоевший груз, и потянулся к чайнику.

Керлинг, все время молча слушавший, с досадой хлопнул по столу так, что подскочили вазочки, и воскликнул:

- Господи! Какой же я идиот! Я ничем не лучше этого Наруза Ахмеда.

Ладонь Ахуна, протянутая к чайнику, застыла в воздухе.

- Что вы сказали? - переспросил он.

- Что я идиот! - повторил Керлинг, не на шутку взволнованный. - Ведь я обменял этот клинок на клыч. По своей собственной воле. Я ведь ничего не знал! Ничего! Вы теперь понимаете?

Нет, старый Ахун не понимал. Лицо его сразу обрело глупое выражение. Он весь обмяк и готов был расплакаться. Он понял лишь то, что с ним разыграли злую шутку. Его обдурили. Его, восьмидесятилетнего уважаемого табиба, повидавшего на своем веку так много разных людей, обманули, как болтливую женщину. Этому иностранцу просто надо было выведать тайну клинка, и он добился своего. Теперь ему Ахун не нужен. Ай-яй-яй... Что же он натворил?..

- Вы, я вижу, не верите мне? - обратился к нему Керлинг. - Напрасно. К сожалению, эмирского клинка у меня уже нет. Это правда. Я его обменял, и клинок находится сейчас там, - он неопределенно показал рукой, - в Советской России...

Ахун молчал. Он поднялся, взял свой узелок, лежавший на полу возле ног, и, не простившись с хозяином, шаткой походкой направился к двери. Сердце его нехорошо, тупо болело от обиды, бессилия и злобы. Он долго не мог попасть ногами в башмаки.

Когда Ахун наконец обулся и за ним закрылась дверь, Керлинг усмехнулся:

- Старая обезьяна! Не поверил! И еще обиделся. Ну и черт с тобой! Для меня теперь ясно одно: дело это стоит крупной ставки. Надо вспомнить имя советского офицера во что бы то ни стало!

8

Стояла темная безлунная ночь. Из комнатки Наруза Ахмеда тускло светился рыжий огонек. Ахун подкрался к оконцу и прислушался. НарузАхмед был не один. Слышались два голоса. Старик попытался заглянуть в окно, но ничего не увидел: стекло было мутное, затянутое густым слоем пыли.

"Кто там у него? - подумал Ахун. - С кем он водит дружбу, этот ишак?"

Прижавшись к стене, будто сонная птица, Ахун стоял, обдумывая происшедшее. Медленно ворочались мысли. Как ни глуп был сын Ахмедбека в глазах старого табиба, но сам себе старик казался еще глупее этого щенка. Если Наруз Ахмед, не зная сути тайны, продал клинок, то Ахун сделал худшее - он выболтал все сокровенное. Снедаемый стыдом и раскаянием, он пришел сюда, чтобы поделиться с Нарузом Ахмедом, обсудить положение, найти выход.

Старик ждал, когда гость уйдет от Наруза Ахмеда, но тот, видимо, не торопился. Стоять под окном было и трудно и неловко. Мало ли что могут подумать соседи. И Ахун решил войти в дом. Наруз Ахмед догадается, зачем явился табиб, и постарается выпроводить гостя.

Ахун пробрался во двор, вошел в открытую дверь и оказался в совершенно темных сенцах. Лишь по звуку голосов он на ощупь взял нужное направление и отыскал вход.

В комнате было двое: Наруз Ахмед и незнакомый человек, по-видимому иранец. Это был приятель Наруза Ахмеда полотер Масуд.

- Салям! - коротко бросил старик, приложив руку к груди.

- А! Достопочтенный Ахун-ата! Салям алейкум! - весело отозвался Наруз, вышел из-за

стола и, подойдя к старику, пожал его дряблую руку своими сильными руками. - Вы очень плохо выглядите, - заметил он. - Что случилось? Больны, устали или неприятность какая-нибудь?

- Всего понемногу! - неопределенно ответил Ахун и опустил на низенькую скамеечку.

- Это заметно, - сказал Наруз Ахмед и вернулся к столу. - Я сразу увидел. В тот раз вы были значительно лучше.

Старик глубоко вздохнул и обвел взглядом комнату. Удивительно! За короткое время она преобразилась. Над кроватью висит цветистый коврик, сама кровать покрыта синим шелковым покрывалом. На полу - дорожка. Ничего этого раньше не было. Не было и квадратного стола на низеньких ножках, и полдюжины скамеек. В углу пытит медный самовар – тоже обновка! Появилась лампа... Глаз Ахуна умеет замечать. Все это новенькое появилось только что. А на столе? А на столе голубые чайники с красными узорами, такие же пиалы, белые лепешки, сахар, сушеные фрукты, мед и бутылка. Если судить по тому, как разговорчив и приветлив хозяин, тогда ясно, с чем она. На Нарузе свежий чесучовый костюм. И всем своим видом он выражает воплощенное благополучие. Вот что значат деньги! И все это позволил себе Наруз Ахмед, конечно, благодаря великодушию старого фокусника Али Мансура, не иначе!

От чая Ахун не отказался и принял из рук хозяина пиалу.

Разговор начался было о погоде, но скоро прервался.

Ахун отхлебывал чай маленькими глотками, посапывал и исподлобья разглядывал Масуда.

Когда старик покончил с пиалой, Масуд почувствовал, что он здесь лишний, распрощался и вышел.

После того как стихли его шаги, Ахун поинтересовался:

- Кто это?

- Местный житель, хороший человек и мой давний знакомый. Мы когда-то работали вместе в отеле "Дербент" полотерами. А что?

- Ничего. Я к тебе по делу.

- Я так и подумал.

- Беда случилась, - проговорил Ахун упавшим голосом.

Наруз Ахмед насторожился:

- Какая беда, с кем?

- С тобой и со мной, - ответил Ахун. Он достал из-за пояса кубышку с насом, повертел ее в руках и сунул обратно.

- Ну, ну... Говорите... Что же вы? - подтолкнул его обеспокоенный Наруз.

- Сейчас. Сейчас, сын мой. Если бы ты знал только, как мне тяжело говорить об этом, как больно моему старому сердцу, как тягостно на душе. Все случилось какой-нибудь час назад, а я, кажется, постарел на добрый десяток лет. - Ахун сделал глубокий вздох, часто заморгал глазами и начал щипать свою бороду.

- Пока ничего не понимаю...

- А я ничего еще и не сказал, - строго заметил Ахун, - И ты не торопи меня! - Он нахмурился, выждал немного и продолжал: - Сегодня вечером ко мне пришел незнакомый иранец. Он сказал, что меня зовет какой-то знатный господин, и велел торопиться. Мы сели в машину и поехали. Остановились возле особняка на улице Лалезар. - Старик закашлялся и потянулся к пиале.

Название улицы привело в смятение Наруза Ахмеда. Он хотел было задать вопрос, но сдержался и промолчал.

- Слушай дальше, - продолжал Ахун. - Иранец повел меня в богатый дом, и там встретил нас хозяин, такой же больной, как ты сейчас.

- Кто же он? - перебил его Наруз Ахмед.

- Богатый иностранец.

- Каков из себя?

- Хм... Разве это важно? Ну, как сказать... Пожилой, лет под шестьдесят. Светлый. Волосы гладкие, прилизанные. Ростом, пожалуй, с тебя. Хорошо одет. Свободно говорит по-нашему.

"Он... он..." - мелькнуло в голове Наруза Ахмеда и он поторопил рассказчика:

- Ну, ну... Говорите дальше.

Ахун продолжал:

- Этот иностранец знает кое-что обо мне и о твоём отце. Он познакомился с Ахмедбеком ещё в Бухаре. Встречался с ним в Афганистане. Ахмедбек показывал ему свой клинок и рассказал тайну клинка.

- Быть не может! Что за ерунда! - воскликнул Наруз Ахмед, изменившись в лице.

Ахун покачал головой:

- Я сам вначале не поверил, но это так.

- Чушь! Отец ничего не говорил мне об этом иностранце. Он говорил о вас.

- Не знаю, не знаю, - пробормотал Ахун. - Я передаю тебе то, что я слышал. Оказывается, на этом свете нет ничего невозможного.

- Не могу верить, чтобы отец... А зачем вас позвал иностранец?

- Я долго не мог догадаться, а потом он объяснил. Он рассказал мне все и спросил, могу ли я подтвердить, что в клинке таится важный секрет.

- И что же сказали вы?

- Я сказал, что Ахмедбека знал, что видел в его доме клинок, но ни о какой тайне никогда ничего не слышал. Он рассмеялся и говорит: "Я не верю вам. Но если вы забыли тайну, то я могу напомнить вам о ней".

Иностранец вышел из комнаты и вернулся с клинком в руках. В глазах у меня помутилось. Это был клинок твоего отца, подаренный ему эмиром. Ошибиться я не мог... Иностранец спросил, подавая мне клинок: "Это он?" Я преодолел волнение, охватившее меня, и твердо сказал, что это не тот клинок. "Не тот?" - удивленно спросил он. Я повторил, что не тот. Он обнажил клинок, положил его на стол, склонился над ним и произнес: "А может быть, вы ошибаетесь? Смотрите сюда!" - А у меня дрожали руки и ноги. - "Видите вот эти узоры, черепа и цифры? Ведь суть-то в них. Неужели я спутал? Не может быть на свете второго такого же клинка!" Я сделал вид, будто не понимаю, и повторил, что ни разу не видел этого клинка.

- Вы не спросили, откуда у иностранца клинок?

- Спросил. Он ответил, что ему подарил его Ахмедбек перед уходом на советскую землю.

- Но это же ложь! Почему вы не разоблачили его?

Ахун пожал плечами.

У Наруза Ахмеда все перемешалось в голове. Рассказ старика он принял за чистую монету, а потому и не мог разобраться в создавшемся положении. Зачем только понадобилось Керлингу выдумывать, будто клинок подарил ему отец, когда он купил его у Исмаили? Как мог Керлинг знать Ахмедбека? При чем здесь Бухара, Афганистан? Почему отец при жизни не обмолвился об этом ни словом? Да и мог ли отец посвятить в тайну клинка чужеземца? Нет, нет, это не похоже на отца. О клинке Керлинг узнал от него же, от Наруза, в ту злосчастную ночь... Но Наруз ни словом не обмолвился о каких-то узорах, черепах... Он сам ничего не знал, кроме того, что клинок может принести богатство. Только это он и сказал Керлингу. Выходит, что клинок все же у Керлинга. А откуда он мог узнать об Ахуне? О черт! Да Наруз сам назвал имя старика...

Ахун и Наруз Ахмед сидели у стола друг против друга, взволнованные, в глубоком молчании, думая каждый о своем.

- Что же теперь делать? - проговорил наконец Наруз Ахмед.

- Выкрасть клинок у иностранца, - твердо сказал Ахун.

- Что? - переспросил Наруз Ахмед, будто не расслышал.

Ахун повторил.

Наруз усмехнулся: хорошенькое дело - выкрасть! Если бы знал старик, чем

закончилась попытка выкрасть клинок, он не предложил бы такой глупости.

- Что же ты молчишь, сын мой? - спросил Ахун.

- Думаю

- Да, верно, думать надо. Выкрасть клинок - нелегкое дело.

- Я тоже так полагаю. Очень нелегкое. Мне кажется, что не стоит и браться за такое дело.

В глазах старика блеснули злые огоньки.

- Если ты намерен и дальше жить нищим и отказываешься от богатства, идущего тебе в руки, тогда не стоит браться. Ты однажды уже оказался глупцом, хочешь стать им вторично?

Наруз Ахмед вскочил. Ярость сузила его глаза. Он подошел вплотную к старику и дрожащим от гнева голосом не произнес, а прошипел:

- Вот что я скажу вам, уважаемый Ахун-ата... Этот клинок со своей проклятой тайной сидит у меня в печенках. Я не мальчик. Я не верю, что смогу когда-нибудь стать богатым. Это лишь слова... Мне надоело их слушать... Я продал клинок, потому что не знал тайны, и считаю, что правильно поступил. На кой черт мне тайна, которой я не знаю. А теперь запомните: до той поры, пока вы не откроете, в чем заключается секрет, я не ударю пальцем о палец!

Ошеломленный Ахун смотрел на него, выпучив глаза, и беззвучно шевелил губами.

- Нашли ишака! - кричал Наруз Ахмед. - Ведь вы не полезете за клинком в дом этого господина? Значит, лезть придется мне? А знаете, чем это пахнет, если я попадусь? Так вот, досточтимый Ахун-ата, я должен знать, во имя чего я пойду на такой риск, ради чего стану жертвовать шкурой. Поэтому выкладывайте все начистоту! Тогда и будем вместе ломать голову. Не хотите? Ваше дело. Но в таком случае я вам больше не слуга... Возитесь сами с клинком... Подумайте: тайну знали отец, вы и иностранец. Но почему я один, вслепую, ничего не зная, должен красть клинок? Да быть может, эта тайна гроша ломаного не стоит! Или я хуже всех? Или мне нельзя доверить серьезное дело? Или вы хотите только использовать меня, а потом оставить в дураках?..

- Хватит! Успокойся! - наконец перебил его Ахун. - Садись и слушай!

Наруз Ахмед сел за стол и закурил.

Старик начал рассказ.

9

Немалых трудов стоило Керлингу узнать имя советского офицера-переводчика, у которого он выменял клыч. Керлинг побывал в издательстве, которое устроило тогда прием корреспондентов, в редакции газеты, где он встречался с лейтенантом. Но тщетно, почти никто офицера не помнил, а те немногие, что смутно вспоминали, не могли назвать его фамилию.

И тут он вспомнил о таджике, владельце ошханы, который, по словам лейтенанта, подарил ему клыч. Правда, прошло три года с лишним, ошханщик мог умереть, уехать из Тегерана или бросить дело. Но все равно необходимо было попытаться отыскать его. Быть может, он назовет имя и фамилию лейтенанта.

Керлинг обрядился в восточный костюм, надел на пояс клыч и отправился на поиски. Он обходил по очереди все ошханы и чайханы. Клыч обращал на себя внимание, его разглядывали, щупали, вынимали из ножен, но не нашелся ни один ошханщик, который признал бы в клыче вещь, когда-то ему принадлежавшую.

Керлинг напрасно исколесил и исходил все трущобы и закоулки города. Надежды его угасали.

Гуссейн принимал близко к сердцу неудачи хозяина. Он не переставал расспрашивать базарный люд и однажды пришел с известием, что где-то на южных окраинах города есть ошхана таджика Турдыева. Был ли там господин?

Приунывший было Керлинг воспрянул духом и снова двинулся на поиски. Он нашел ошхану на кривой зловонной улочке. Правда, вид ее не слишком обнадеживал: не верилось, что советский офицер мог посещать такую лачугу. Но едва Керлинг, переступив порог, уселся за низенький столик, как хозяин заведения, маленький старичок с колючими глазками, выскочил из-за стойки и подбежал к нему.

- Господин! Где вы купили эту вещь? - спросил он, не соблюдая никаких церемоний и даже не приветствуя гостя.

- Она знакома вам? - хитро улыбнулся Керлинг, поправляя ремешок, на котором висел клыч.

- Гм... Кажется, была знакома...

- Вот потому-то я и пришел сюда. У вас найдется тут подходящее местечко? - спросил Керлинг и обвел взглядом комнату с низким небеленым потолком. В воздухе стоял чад, пахло шашлыком и луком. На земляном полу восседала группа оборванных посетителей.

Хозяин, приложив руку к сердцу, поклонился и пригласил Керлинга следовать за ним.

Он вывел его во двор и усадил на пустой ящик, предварительно сбросив с него сырую овечью шкуру.

- Ваша фамилия Турдыев? - спросил Керлинг.

- Ганифа Турдыев, уважаемый господин, Ганифа Турдыев... - несколько испуганно подтвердил хозяин.

- Скажите, этот клыч не принадлежал вам когда-нибудь?

Хозяин, не понимая, к чему ведет речь этот иностранец, на всякий случай затягивал время и долго вертел клыч в руках.

Керлинг потерял терпение и напомнил:

- Мне сказали, что в сорок шестом году вы подарили этот клыч своему земляку...

Сообразив, что, собственно говоря, опасаться ему нечего, хозяин затараторил:

- Да, да, да... Вы напомнили... Это давно было... Подарил сыну старого друга, Джуме Садыкову. А как попал клыч к вам?

"Я старюсь, - думал в это время Керлинг. - Джума Садыков! Конечно, Джума Садыков, Как я мог забыть?"

Турдыеву он сказал:

- Садыков мой хороший знакомый... Умный, образованный человек. Он был моим гостем и перед отъездом на юг Ирана оставил клыч. На обратном пути он не попал в Тегеран. Клыч остался у меня. Вещь ценная, я давно хотел вернуть ее Садыкову, но не знаю адреса. Где его искать?

- Ну, это беда небольшая, - улыбнулся Турдыев. - Садыкова надо искать в Бухаре. Он и родился в ней, и живет там.

- В Бухаре?

- В Бухаре, - почему-то вздохнул хозяин.

- А вы давно оттуда?

- О! Очень давно, с шестнадцатого года, еще до русской революции уехал. Вместе с отцом Джумы мы бежали в Иран, когда началась мобилизация на царскую службу. Война тогда была, много народу уходило из Бухары. Отец Джумы умер десять лет назад, не дождался встречи с сыном, а я все живу и только собираюсь умирать...

- Вам еще рановато, - вежливо возразил Керлинг. - Вы молодо выглядите.

Старик усмехнулся:

- Сладкие слова... Слушать их приятно, но помолодеть от них нельзя.

Керлинг встал.

- Что ж... Попытаюсь отыскать Садыкова. Большое вам спасибо...

Этой же ночью Керлинг выехал на машине далеко за город и остановил машину в пустынном месте. Он вынул из небольшого чемоданчика портативную коротковолновую радиостанцию, установил ее на заднем сиденье и поднял над кузовом автомобиля длинный и гибкий стержень антенны. Подключив питание, он надел наушники и стал

настраиваться.

Через минуту рука его привычно запрыгала на малюсенькой пуговке ключа, выстукивая шифр. В эфир полетели точки и тире. Они означали: "Отыщите в Бухаре Джуму Садыкова, бывшего в сорок шестом году лейтенантом, переводчиком в Иране, сделайте все возможное, чтобы клинок с головкой дракона, вывезенный им из Тегерана, попал к вам. Слушаю вас через десять суток".

Закончив передачу, Керлинг свернул радиостанцию и помчался обратно в город.

Ровно через десять суток был получен ответ:

"Джума Садыков подарил свой клинок единственному восемнадцатилетнему сыну офицера Саттара Халилова. Халилов жил в Бухаре и год назад выехал. Куда - выясняю. Слушайте меня через семь суток".

Прошло семь суток, еще семь, шесть раз по семи... Прошло три месяца, телеграммы не поступило. Эфир молчал.

Керлинг встревожился. Что случилось? Радиоточка была на централизованном учете, и за нее следовало два раза в год отчитываться. После долгих раздумий Керлинг решил принять срочные меры...

10

Когда тайна клинка стала известна Нарузу Ахмеду, он лишился покоя, день и ночь думал о ней, решился на все, вплоть до убийства, лишь бы вернуть клинок. Он так горячился, что старый Ахун в ужасе хватался за сердце.

- Ждать нельзя, - мрачно твердил Наруз, - этот несчастный иностранец может опередить нас.

- Но ты же боишься выкрасть клинок? - ехидно напоминал Ахун. - Как же мы его добудем?

- Теперь я согласен на все! Только бы скорее!

Оба они пришли к выводу, что клинок хранится в городском доме Керлинга. Однако взять его оттуда было трудно. В доме постоянно находились хозяин, его жена, штат прислуги.

За город Керлинг выезжал редко, обычно с субботы на воскресенье.

Наконец, измученный думами и уже отчаявшийся, Наруз Ахмед заявил старику, что вдвоем они ничего не добьются и что надо привлечь третьего - полотера Масуда. Он приятель Наруза Ахмеда, он должен помочь, а если откажется, то уж во всяком случае не выдаст. Поэтому стоит рискнуть.

Ахун задумался. Как и большинство людей, много проживших на свете, он был очень осторожен и недоверчив. Кто его знает, этого Масуда...

Однако после долгих уговоров и доказательств старик сдался. Но поставил условие: прежде чем раскрыть Масуду дело, надо хорошенько его проверить, узнать поближе. Ведь Ахун видел полотера только раз, а Наруз может ошибиться: молод, горяч.

Масуд стал частым гостем Наруза Ахмеда. Разговоры велись на разные посторонние темы, но Ахун неизменно направлял их так, чтобы выведать главное в характере полотера: жаден ли Масуд к деньгам, как он поступит, если ему подвернется, например, случай заработать без особого труда за несколько часов сумму, превышающую его годичный заработок. Оказалось, что Масуд не прочь рискнуть и, пожалуй, согласится на любое выгодное дельце. Деньги не пахнут.

Наконец старик успокоился и поручил Нарузу Ахмеду поговорить с Масудом с глазу на глаз и прямо пригласить его к участию в деле.

Наруз Ахмед оказался добрым пророком: Масуд не только согласился, но и очень обрадовался предложению.

Разговор состоялся три дня назад, а сегодня предстояло все уточнить и наметить

окончательный план.

Масуд явился точно в назначенное время, а вслед за ним приплелся и Ахун.

Теперь уж нечего было играть в прятки, можно брать быка за рога. И как только все трое расселись за столом, Ахун откашлялся, разгладил бороду и обратился к Масуду:

- Наруз Ахмед сказал мне, добрый человек, что ты согласен помочь нам выйти из беды... Кхе-кхе... Так вот, надо браться за дело, если ты не раздумал.

- Почему не помочь хорошим людям, уважаемый Ахун-ата, - солидно ответил Масуд. - Помочь можно. Только Наруз обещал рассказать мне, зачем вам понадобился этот клинок.

- А разве он не объяснил? - с наигранным удивлением спросил старик.

Масуд покачал головой.

- Что ж... Придется, видно, посвятить тебя в нашу тайну, - строго и значительно произнес Ахун, подозрительно поглядев на дверь и окно. - Только ты поклянешься памятью отца, деда и прадеда твоего, что ни одна душа не узнает от тебя, почему нам нужен клинок...

Масуд, то прижимая руки к сердцу, то поднимая их к потолку, поклялся, что будет нем как рыба.

Старик вплотную придвинулся к нему и с таинственным видом начал:

- Я не знаю, каким образом украденный у нас клинок попал к твоему хозяину. Тут дело нечистое... Но меня это теперь не интересует. Я просил господина Керлинга продать мне клинок, давал за него много денег, втрое больше, чем он стоит. Но Керлинг посмеялся надо мной. Я просил одолжить клинок под денежный залог на короткое время, он отказал и в этом.

- Значит, вы беседовали с хозяином? - удивился Масуд.

- Да, сын мой. Но его не уговорить... Злой человек и не хочет понять меня. А ты мусульманин, такой же, как и мы, и все поймешь. Ты знаешь, что такое шариат и что он означает для нас. Так вот, слушай! Отец Наруза, Ахмедбек, был моим верным и преданным другом. Ему отрубили голову клинком, который прячет у себя твой хозяин. Я дал клятву аллаху, что от этого клинка умрет и тот, кто погубил Ахмедбека. От клятвы никто меня не освободит. Клинок нужен скорее мне, чем Нарузу Ахмеду. Но я уже стар, и у меня нет сил, я не смогу расправиться с убийцей. За меня сделает это Наруз, сын Ахмедбека.

- А где живет убийца? - поинтересовался Масуд.

- Недалеко, в Исфагани. Клинок нужен нам не более как на две недели. За это время свершится то, о чем будут знать лишь аллах да мы трое...

- Всего на две недели?

- Не больше.

- Это облегчает дело, - будто про себя заметил Масуд.

- Возможно, и за неделю управимся, - подхватил Ахун. - Как только свершится праведная месть, мы водворим клинок через тебя на прежнее место.

- Понимаю... Но вы твердо уверены, что клинок у Керлинга?

- Я держал его в руках! - воскликнул Ахун. - Видел его так, как вот тебя сейчас!

- Где же он прячет его? Может быть, увез на дачу?

- Там его нет, - мрачно отрезал Наруз Ахмед.

- Непонятно, - пожал плечами полотер. - Все старое оружие развешано, я его знаю наперечет. А вашего клинка не видел...

- Придется осмотреть все, - решительно заявил Наруз.

- Понимаю, придется обыскать шкафы, - согласился Масуд.

Договорились так: в субботу, через три дня, Масуд будет натирать полы в доме Керлинга и задержится дольше обычного. Когда стемнеет, Наруз Ахмед подойдет к дому и у окна, которое Масуд специально откроет, свистнет. Масуд подаст ему клинок и оставит окно открытым. Надо сделать так, чтобы подумали, будто в дом проникли воры через окно.

Когда обо всем договорились, Ахун предложил полотеру немного денег вперед. Тот

решительно отказался:

- Не надо, Ахун-ата. Вы поверили мне, я должен верить вам. Рассчитаемся потом.

...В пятницу днем почтальон принес Нарузу Ахмеду письмо, первое за много лет. Наруз не мог даже сообразить, от кого оно. Быстро надорвав край конверта, он вынул листок, развернул его и прочел:

"Уважаемый! Придите за своими документами в то место, где вы их оставили. Жду вас в субботу, ровно в восемь вечера".

- Проклятие! Керлинг! - воскликнул Наруз Ахмед. - И главное – в субботу! Вспомнил же! Не пойти? Неудобно. Черт знает что! А может быть, это и к лучшему? Значит, в субботу Керлинг останется на ночь на даче, и Масуд может действовать смелее. Но мне надо до темноты вернуться в город. Можно успеть... Скажу - тороплюсь. Что-нибудь придумаю. Придется только взять арахкечи туда и обратно, чтобы не опоздать. Ради такого дела можно и поизрасходоваться!

11

В субботу в начале восьмого Керлинг сел в автомобиль и покинул Тегеран.

План действий Керлинг наметил раньше, но сейчас, сидя за рулем, он в который раз уже мысленно отшлифовывал его начисто и уточнял кое-какие изменения на случай непредвиденных происшествий.

На полпути к загородному дому он обогнал извозчика и увидел сидящего в экипаже Наруза Ахмеда.

Керлинг съехал на обочину и затормозил. Когда экипаж подъехал, Керлинг поднял руку и спросил Наруза Ахмеда:

- Вы куда, любезный?

- К вам.

- Прошу в автомобиль.

Наруз Ахмед смешался. Как быть? Отказаться - неудобно, а отпустить арахкечи - значит опоздать в город к наступлению темноты.

Наверно, придется попросить арахкечи следовать за ними. Да, да... Только так.

- Я очень тороплюсь, - пробормотал он виноватым голосом.

- Тем более!

- Я хотел и обратно на арахкечи...

- А чем хуже моя машина? - улыбнулся Керлинг. - Я могу вас подвезти в город.

Наруз Ахмед пожал плечами, расплатился с арахкечи и отпустил его.

До дачи оба они молчали, Керлинг набрасывал в уме план предстоящего разговора, а Наруз Ахмед думал о том, как бы ему не опоздать к условленному времени в город...

В кабинете хозяин усадил гостя на знакомую ему тахту и проговорил, глядя на Наруза Ахмеда в упор своими желтовато-серыми глазами:

- Вы оказались человеком слишком настойчивым.

- Что? - непонимающе переспросил гость.

Керлинг повторил:

- Да, да... очень настойчивым. Ну что ж... Это неплохо. Твердый характер.

В комнате появился Гуссейн.

- Ужин накрывать, господин?

- Накрывай. На двоих.

Гуссейн вышел.

- Я получил ваше письмо... - робко заметил Наруз Ахмед. - Вы пишете, что я могу взять свои документы...

- Совершенно верно. Вот они! - Керлинг вынул из кармана документы и подал их гостю.

Тот поспешно встал, спрятал их и сказал:

- Большое спасибо, господин. Мне можно идти?

- Как хотите. А впрочем, куда вы торопитесь? Это не секрет?

- Нет, почему же... - изобразив на лице смущенную улыбку, ответил Наруз Ахмед. - Ну, как вам сказать... Тут скрывать нечего. Меня в городе ждет женщина. Я ведь холостяк... Для души...

- Вполне понимаю вас, - серьезно ответил Керлинг и встал. Пройдя к стенному шкафчику, он открыл его, вынул оттуда бутылку вина и два бокала. - Но как сказал великий Омар Хайям:

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
Не обходись и дня без женщин и вина;
На землю выливай из полной чаши каплю,
А после этого - все осушай до дна!..

Наруз Ахмед был далек от поэзии и пробормотал в ответ что-то нечленораздельное.

Подав бокал гостю, Керлинг наполнил его вином, затем налил в свой и сказал:

- Выпьем за женщину, которая вас ждет.

Ошарашенный, ничего не понимающий Наруз Ахмед покорно выпил вино.

Керлинг сощурил глаза и спросил:

- Как? Хорошо?

- М-м-м...

- Вы правы, чудесный напиток... Присядьте на минутку. Стоять неудобно. Я вас долго не задержу, - и Керлинг отнес вино и бокалы обратно в шкафчик.

"Значит, он останется здесь ночевать, - подумал Наруз Ахмед. - Иначе бы он не заказал ужина. Это мне на руку".

- Вы, как мне кажется, - начал Керлинг, покачиваясь на каблуках, - назначили свидание избраннице своего сердца на улице Лалезар?

Наруз Ахмед смотрел на него не мигая.

- Вы, по-моему, - продолжал в том же духе Керлинг, - должны, как только стемнеет, подойти к одному дому на улице Лалезар и посвистать у открытого окна. Так?

Наруз Ахмед молчал. Он смотрел на Керлинга, как мышь на удава. Из головы улетучились все мысли, будто она начисто лишилась возможности рассуждать и понимать.

Керлинг расхохотался.

- Довольно ломать комедию! Ваше упрямство можно использовать умнее. Вы ведете дурацкую игру: бросаете крупную ставку – собственную голову, а в банке медного гроша нет. Поняли? Я все знаю. Масуд продал мне ваш разговор. Но предупреждаю: если с Масудом что-нибудь случится, а впрочем... Не стоит. Вы сами поймете, что вся ваша затея не стоит бараньего хвоста. Вы поверили на слово этому выжившему из ума старику Иргашеву? Напрасно. Он солгал вам. Я не показывал ему клинка... По той простой причине, что его у меня нет. Давно нет. Я показывал Иргашеву фотоснимок, сделанный мною три года назад. А клинок, если уж вы хотите знать, находится на вашей родине.

Наруз Ахмед, потупясь, слушал. Он не верил ни одному слову этого человека, и бешенство отчаяния все больше овладевало им.

- Вы говорили мне в прошлый раз, - продолжал Керлинг, - что в сорок первом году какой-то немецкий майор обучал вас всяким премудростям. Правильно?

Наруз Ахмед машинально кивнул. Он все еще не пришел в себя и упрямо думал: "Надо этому белесому человеку вцепиться в горло..."

- И топографии?

Наруз Ахмед вновь кивнул.

- И прыжкам с парашютом?

- Да, - впервые разомкнул уста Наруз Ахмед и взглянул на хозяина. - Я совершил шесть прыжков. Из них один затяжной.

- Отлично! Все это пойдет на пользу и облегчит дело. Вам очень нужен клинок?

- Он должен быть найден!

- Я вам помогу в этом. Я тоже немного заинтересован... Вам, надеюсь, известна тайна клинка?

- В подробностях неизвестна, - покривил душой Наруз Ахмед.

- Неужели Ахун Иргашев не рассказал?

- Нет. И не скажет, пока клинок не будет найден.

- Упрямый человек. Ну, до тайны мы и сами доберемся.

- Трудно... Я видел чеканные знаки на клинке. Ничего не понять... - смелая с каждой минутой, заявил Наруз Ахмед.

- Пойдем. Ко всем тайнам, имея голову, можно подобрать ключи. Курите, - предложил Керлинг, подавая сигару. - И слушайте!

Он подробно рассказал, как купил клинок и как обменял его на клыч. Наруз Ахмед слушал внимательно, не перебивая, но когда в заключение услышал, что клинок сейчас находится в руках единственного сына советского офицера Саттара Халилова, он побледнел, подскочил к Керлингу и с силой схватил его за плечи.

- Что с вами? - отступая, спросил испуганный Керлинг.

- Вы сказали - Саттар Халилов?

- Да...

- И у него сын?

- Да, это совершенно точно.

Наруз Ахмед застонал и, сжав руки в кулак, постучал им по своему колену.

- Эта фамилия что-нибудь вам говорит?

- О да, - скривив губы в злой улыбке, простонал Наруз Ахмед. - О многом говорит! Саттар Халилов - бывший батрак моего отца.

- Интересно...

- О-о-о! Он мой кровный враг. Его тесть убил моего отца. Если у него есть сын, да еще единственный, то это мой сын!

Керлинг приподнял брови. Пришла очередь и ему удивляться.

- Саттар Халилов украл у меня жену, силой вырвал из рук моих слуг, и увез ее ночью из дому. Я не мог отомстить, не успел... О-о-о...

- Позвольте, - прервал его Керлинг. - А как отнеслась к этому ваша жена?

- Что?

- Ее устраивал подобный вариант?

Наруз Ахмед вздохнул и опустил голову. События восемнадцатилетней давности ожили и промелькнули перед ним так зримо, что казалось, будто в ноздри пахнуло запахом пыльных садов кишлака Обисарым...

- Это очень длинная и очень старая история, - неохотно произнес он, очнувшись. - Я уже стал забывать.

- Придется вспомнить, дорогой. Я обязательно хочу услышать ее. И не из пустого любопытства. Будьте мужчиной, успокойтесь и рассказывайте. Впрочем, погодите...

Керлинг приоткрыл дверь кабинета и громко хлопнул два раза в ладоши. Появился Гуссейн, толкая впереди себя низкий столик на колесиках, сервированный для ужина на двоих. Подкатив столик к тахте, Гуссейн неслышно исчез.

Не присаживаясь, Наруз Ахмед опрокинул в глотку две большие рюмки коньяка и, крупно шагая взад и вперед по ковру, начал рассказ.

Керлинг был вторым после Ахуна человеком, перед которым он без утайки выложил все: и ненависть свою к новой и чужой ему жизни там, на бывшей родине, и презрение к людям, которые были рабами отца и должны были стать его рабами, но почему-то учатся в вузах, ездят на курорты, командуют и хозяйничают. Слушая его, можно было подумать, что дехкане в Советском Узбекистане и Таджикистане уже много лет едят и пьют его, Наруза Ахмеда, добро. Он подробно рассказал о смерти отца, о встречах с Халиловым, о том, как насильно сделал Анзират своей женой, чтобы мстить, мстить, мстить... И за смерть отца, и за потерю земли и стад, за все, все... Он не скрыл даже того, что намерен был выместить

свою злобу не только на Анзират, но и на ее потомстве.

Окончив исповедь, Наруз Ахмед уселся на тахту и яростно накинулся на еду и питье.

Взволнованный необычным рассказом, Керлинг долго молчал и наконец, оставив крошечную рюмку, изрек:

- Поразительно! Восток! Азия! Какое роковое сцепление обстоятельств! Додуматься трудно! Конечно, ваш сын теперь уже взрослый молодой человек, живет, не ведает, кто его настоящий отец...

Поразительно! Скажите мне, и пусть мои вопросы вас не смущают: кто знает, что Халилов... м-м-м... украл вашу жену?

- Найдутся такие. Все происходило в кишлаке.

- А интересно, остались ли в живых такие, которые смогут подтвердить, что юноша, которого Халилов считает, возможно, своим сыном, в действительности ваш сын?

- Должны остаться...

- Это очень важно. Вы еще сами не знаете, как важно... А теперь скажите откровенно: чувство мести уже покинуло ваше сердце?

- Нет! - крикнул Наруз Ахмед. - Тысячу раз - нет. И теперь особенно. Они еще должны ответить за восемнадцать лет нищеты и позора. Клинок у Халилова. Отцовский клинок - мое богатство - у них. И сын - исчадие ада ненавистного чрева. Он должен умереть. И она, мать его, тоже должна умереть. И проклятый Саттар Халилов! Я не стерплю. Я пойду на все. Я змеей вползу к ним...

- Спокойно, спокойно...

Наруз Ахмед запустил руку в волосы и взъерошил их.

- Я бек, - задыхаясь, сказал он. - Понимаете? В моих жилах течет кровь повелителей! От нашего взгляда дрожала Бухара! Не думайте, что в нищете и ничтожестве я потерял и гордость, и чувство ненависти...

- Я так не думаю, - успокоил его Керлинг, про себя подумав: "Этот взбесившийся шакал, кажется, станет моей ручной собачкой..." - Я так не думаю, я понимаю... Очень похвально, что после всего пережитого в вашем сердце остался огонь. Такие люди в наше время - редкость!

Наруз Ахмед думал о своем и жадно курил.

- И поскольку так, - продолжал Керлинг, - я осмелюсь сделать вам предложение. Как посмотрите вы на возможность без особых хлопот и расходов оказаться на той земле, в Узбекистане?

До сознания Наруза Ахмеда не сразу дошел смысл сказанного. Он поднял голову, посмотрел в глаза Керлинга и, помедлив, глухо сказал:

- Терять мне нечего. Я уже говорил, что готовился к такой экскурсии. Она не состоялась не по моей вине.

- Отлично! - заключил Керлинг, потирая руки. - Честно говоря, я и не ожидал от вас другого ответа. Я понял это еще при первой встрече. Вспомните мои слова, что к разговору о клинке мы еще вернемся...

- Помню. И не раз раздумывал над этими словами.

- Рад слышать. Значит, я неплохой пророк! - рассмеялся Керлинг. - Решим так: ваша экскурсия на родину будет преследовать две цели: во-первых, добыть клинок и расправиться со всеми, кого вы относите к числу своих кровных врагов. Второе... - Керлинг задумался, посмотрел на своего гостя и уже тихо, растягивая слова, добавил: - Второе и третье несколько проще, но ответственнее... Впрочем, об этом позже...

Сейчас установим главное - способ переброски на ту сторону.

Наруз Ахмед кивнул головой.

- Прыжку с парашютом вас обучали. Поэтому наметим переброску по воздуху. Место приземления изберите сами. Хотя я и бывал в Туркестане, вы знаете его лучше меня, вам и карты в руки. Там найдете моего человека. Он даст вам надежное пристанище и будет верным помощником.

Кстати, этому человеку вы вручите небольшую посылочку... О ней я скажу в свое время. Документы получите солидные. Короче, обеспечу всем, чтобы успешно выполнить и наше общее дело, и ваши личные планы.

- А как быть с клинком?

- Что как?

- Тащить его сюда? Что мне делать с ним?

Хотя Керлинг и предвидел этот щекотливый вопрос, он застал его врасплох, ибо ответ на него еще не был им окончательно найден. В самом деле, что ответить? Если Наруз Ахмед знает не только о таинственных знаках на клинке, но и способ их расшифровки, то, овладев клинком, он может плюнуть на Керлинга и из покорного исполнителя превратиться в опасного соперника.

Керлинг замаялся. Чтобы оттянуть время, он занялся приготовлением сложного коктейля из многих напитков, кусочков льда и фруктов. Усердно взбалтывая блестящий никелированный сосуд, он лихорадочно думал:

"Решить надо немедленно, сейчас. Но что, собственно, решать? Тайна клинка связана с Узбекистаном. Здесь, на иранской, да и на любой другой земле она ничего не стоит - пустой восточный анекдот. Тайна может "сработать" только на территории Бухары. Следовательно, если не доверить дело Нарuzu Ахмеду, придется рано или поздно посвящать в тайну кого-либо другого. А где гарантия, что этот другой, очутившись за кордоном, окажется надежнее?"

- Вот что, дружище, - сказал Керлинг, наливая в бокалы свою адскую смесь. - Прекратим игру в прятки. Вы, конечно, отлично знаете, что делать с клинком. Я не верю, что старый Ахун вам ничего не рассказал. Иначе какого черта вы полезли за клинком в мой дом, рискуя собственной башкой? Предупреждаю: если вы вздумаете оставить меня в дураках...

- Что вы, господин Керлинг! Как можно! Я не знаю, как благодарить вас за то, что вы сделали для меня...

Керлинг усмехнулся:

- Вы должны благодарить меня не за то, что я сделал для вас, а именно за то, что я не сделал, но мог сделать. Вы надеюсь, понимаете? Так вот, продолжу свою мысль: любая попытка повести нечестную игру кончится плохо для вас.

- Не надо об этом, - запротестовал Наруз Ахмед. - Вы еще не знаете меня.

- Поэтому-то и говорю, что не очень знаю вас. Вы вправе не доверять мне, я - вам. Но мы заключаем сделку: я перебрасываю вас в Узбекистан, навожу на след клинка, обеспечивая помощь и возвращение. Вы делаете дело. Результаты - пополам. Ясно? Предупреждаю еще раз: мои люди будут знать о каждом вашем шаге в Узбекистане. На всей нашей планете не найдется места, где мог бы укрыться человек, попытавшийся оставить меня в дураках. Вы можете спросить: "Неужели никто и не пытался обмануть?" Не скрою, пытались. Нашлись такие смельчаки, но все они расплатились жизнью. Не советую следовать их примеру.

Наруз Ахмед протестующе замахал руками:

- Не хочу даже слушать! За кого вы меня принимаете?

- Молчу... Больше об этом ни слова. Надеюсь, мы поняли друг друга. Теперь о вашей задаче. Продолжаю. Дело обстоит именно так, что клинок сам по себе не нужен ни вам, ни мне. Вся суть не в клинке, а в таблице, которая вычеканена на нем. Мы должны иметь эту таблицу. Для того чтобы ее списать с клинка, грамотному человеку понадобится пять минут, не более. Следовательно, и клинок нужен нам не более чем на пять минут...

- На пять минут... - повторил Наруз Ахмед, странно улыбаясь.

Керлинг подозрительно взглянул на него.

- Вы не улыбайтесь, - предупредил он. - Да, да... Таблица - еще не все. Ее надо расшифровать, надо знать ключ к ней. Шифровальное дело - почти моя вторая профессия. Получив от вас начертание знаков - цифры и буквы можно передать по радио, - я попытаюсь

найти ключ и результаты сообщу. Вам останется только действовать.

И тут Наруз Ахмед решил вдруг предпринять ложный ход, который поднял бы его цену в глазах Керлинга.

- Не надо искать ключ, - небрежно сказал он. - Вам его не найти. Этот ключ кроется в изречении из корана, которое надо отыскать над входом в одну из старых мечетей Бухары. Теперь-то я понимаю, почему отец при нашем последнем свидании приказал мне его списать. Мне ясна эта связь... - будто в глубокой задумчивости произнес Наруз Ахмед. - Я намерен был скрыть это от вас. Но теперь хочу на ваше доверие ответить откровенностью... - убежденно закончил он.

Керлинг подошел вплотную к гостю, посмотрел на него по-новому и промолвил:

- Тронут. Не ожидал. Дайте вашу руку.

Пожав руку Наруза Ахмеда, он сел рядом с ним, достал из кармана зажигалку и начал играть ею. Признание Наруза Ахмеда выбило его из колеи.

Немного погодя, Керлинг предложил:

- Вы останетесь ночевать у меня.

- Если это удобно...

- Нам никто не помешает, и мы сейчас договоримся о всех подробностях вашей экспедиции.

- Как вам будет угодно, - покорно согласился Наруз Ахмед, снова превращаясь в смиренного бедняка.

- Подготовка отнимет у нас не больше полумесяца. Многие вам уже знакомо по школе майора...

- А как я буду выбираться оттуда? - осторожно поинтересовался Наруз Ахмед.

- Очень просто, - Керлинг подошел к столу и взял карандаш с листком бумаги. - Сажать самолет не будем. Это рискованно на чужой территории. Мы подхватим вас с земли на воздух.

Наруз Ахмед, не понимая, сморщил лоб.

- Сейчас я изображу все, - продолжал Керлинг. - Представьте себе турник. Гимнастический турник. Но это не обычный турник. Высота его метров этак девять, а ширина - пять-шесть. Он сделан из легчайшего, почти невесомого металла, очень прочен, и в сложенном виде его может свободно унести один человек. На углах смонтированы две батарейки с сильными лампочками. К перекладине турника подвешено специальное приспособление, вроде подвижной люльки. Вы садитесь в эту люльку, включаете свет и ждете. Пилот, увидев мигающие лампочки, снизится на бреющий полет и выпустит трос со специальным захватом. Пролетая над турником, захват зацепляет за перекладину, и вы поднимаетесь со всем приспособлением в воздух. Трос внизу раздвоен. На одном конце его закреплен захват, а на другом - снаряжение, вроде портупеи для вас. Уже в воздухе вы надеваете на себя портупею, а турник отцепляете, и он летит вниз. Сделать это нетрудно. Замок прочен, но при легком нажиме на карабин он легко раскрывается. Избавившись от турника, вы висите на тросе, и он лебедкой, через нижний люк в днище самолета, втягивает вас внутрь. И конец делу.

Наруз Ахмед покрутил головой.

- Я понимаю, - улыбнулся Керлинг. - Эти ощущения не для людей со слабыми нервами, но вас я к ним не отношу. Кроме того, приспособление работает безотказно. Оно еще не давало осечек. Мы все это продемонстрируем на практике, и вы убедитесь, что такой способ абсолютно надежен и совершенно безопасен.

Наруз Ахмед всмотрелся в примитивный чертеж на бумаге, представил себя сидящим в люльке, а затем болтающимся в воздухе на тросе, и по спине его поползли мурашки. Но он успокаивал себя тем, что прыжок с парашютом не менее рискован. А лететь вверх или вниз - какая разница?

Один черт. Дело в привычке.

После некоторого раздумья он поинтересовался:

- А где я возьму турник?
- Мы выбросим вам его заранее на парашюте. Все ясно? А теперь пошли отдыхать. Уж скоро начнет светать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *

1

Над пустыней стояла ночь. Дул тугой "афганец". Он волочил по пескам сухие кусты янтака и "перекати-поле", жестко шуршал в песчаных барханах. Тоскливо, на разные голоса завывали голодные шакалы.

Высоко-высоко в бездонной глубине неба среди россыпи мерцающих звезд обозначился глуховатый и монотонный, с каким-то тяжким, надрывным придыханием рокот авиационного мотора. Рокот постепенно нарастал, ширился. Самолет шел на большой высоте. Вскоре он пересек границу и углубился на север. Когда по расчетам штурмана под ним распростерлись песчаные волны пустыни, от самолета оторвалась невидимая с земли точка. Это вывалился из нижнего люка Наруз Ахмед. Плотно сжав веки, держась одной рукой за вытяжное кольцо и отсчитывая про себя секунды, он с нарастающей скоростью устремился к земле. И когда, по его подсчетам, до земли оставалось не более километра, он выдернул кольцо.

Освободившись от живого груза, самолет плавно развернулся, лег на обратный курс, и в это время внизу, в шести местах одновременно, вспыхнули мощные лучи поисковых прожекторов. Они точно по команде пронзили мрак, вздрогнули и заколыхались из стороны в сторону, щупая звездное небо, и скрестились в одной точке. В перекрестии лучей самолет стал отчетливо видимой светящейся птичкой с застывшими, будто раскаленными крыльями.

К его глуховатому рокоту присоединился звенящий стремительный звук. Они слились воедино. С неба упали одна за другой и рассыпались на мельчайшие светящиеся пылинки три желтые ракеты. Когда они погасли, высотную темень прорезала, будто медленная молния, длинная очередь трассирующих пуль, а затем вторая - короткая.

И тут же в темной высоте вспыхнуло маленькое, но ослепительно яркое облачко огня. Оно неслось по небу и с каждым мгновением вытягивалось, удлинялось.

Лучи прожекторов погасли.

Пылающий самолет, роняя на ходу огненные лохмотья, со страшной скоростью круто ринулся вниз.

В пустыне стало светло, как при полной луне.

Все исчислялось секундами.

Когда самолет достиг земли и врезался в нее, ухнул тяжелый взрыв, от которого зашевелились мертвые пески. Эхо подхватило его и унесло в далекие горы. Вверх взметнулся султан яркого пламени. Но он быстро сник, пожелтел и погас. Опять стало темно и тихо. Покой пустыни нарушал лишь посвист "афганца" в жесткой, утратившей жизненные соки траве да все тот же стремительно-неудержимый звон второго мотора. Но и он уже стихал, удаляясь на север.

Опасливо и нерешительно пролаял перепуганный шакал. Никто из его собратьев не отозвался.

Наруз Ахмед вышел из оцепенения, встряхнулся, лежа на песке, и начал освобождаться от парашютных лямок. Короткая трагедия разыгралась на его глазах. Сейчас на ум Нарuzu Ахмеду пришли слова Керлинга. Он уверял, что за успех операции не опасается: боевые достоинства самолета и большая высота гарантируют полный успех. Советская служба

воздушного наблюдения не успеет ничего предпринять. Наруз Ахмед горько усмехнулся. Не дожидаясь Керлинг самолета и не узнает, что с ним случилось, если только пилот не успел отстукать радиограмму. Перед мысленным взором Наруза Ахмеда предстало лицо пилота: рыжие, очень прямые и жесткие волосы, светлые, как бы прозрачные глаза. Перед самой посадкой в самолет он заверил Наруза Ахмеда, что прилетит, когда понадобится, за ним обратно и выбросит трапецию. Потом отпил несколько глотков из своей фляги и передал ее Нарузу Ахмеду. Во фляге оказалось что-то немилосердно крепкое, обжигающее рот и горло, - скорее всего спирт, на чем-то настоящий. Наруз Ахмед от одного глотка едва не задохнулся. Нет, этот пилот не прилетит за ним и больше летать уже не будет. Налетался... А вот в том, что опускаться следовало затычным прыжком, Керлинг оказался прав. Тут Наруз Ахмед выиграл во времени. При обычном прыжке он, пожалуй, попал бы в лапы прожекторов и был обнаружен.

Наруз Ахмед огляделся: кругом тьма, пески, тишина. Звуки советского истребителя исчезли. Теплый ветер, не приносящий прохлады, дул в лицо.

Наруз расстелил парашют, уложил стропы и скатал его. Затем развязал вещевой мешок и вытряхнул содержимое на землю. Тут оказались: маленькая складная лопатка, потертая полевая офицерская сумка, небольшой термос, две вместительные, наполненные жидкостью фляги и тюбетейка. Он вооружился лопаткой и вырыл в песке яму. Надо было надежно упрятать кислородную маску, парашют, вещевой мешок и комбинезон. Даже самая пустячная вещь, брошенная на земле, способна стать уликой! Подкрепившись кофе, Наруз бросил в яму и термос. Потом все это засыпал песком и утрамбовал.

Пора было двигаться. Он перекинул через плечо ремень сумки, надел на голову тюбетейку, прицепил к брючному ремню флягу, положил пистолет в задний карман брюк и зашагал на юг.

2

Через два часа после событий, разыгравшихся в воздухе, заспанный подполковник Шубников держал в руках телеграмму. В ней говорилось:

"В двадцать три сорок боевой самолет типа дальний разведчик, неизвестной принадлежности и без опознавательных знаков, нарушил государственную границу в районе шестнадцатого и семнадцатого пограничных знаков и углубился на нашу территорию. При попытке выйти обратно был перехвачен истребителем. На приказ следовать на посадку ответил огнем, после чего был сбит и упал в квадрате 318/Б. Произведите тщательное обследование территории названного квадрата и граничащих с ним районов".

Шубников быстро сформировал две оперативные группы, отвел им районы действия, усадил в машины и отправил.

А еще через час газик-вездеход подполковника бороздил волнистые гряды песков. Он сам торопился в квадрат 318/Б и вез с собой инструктора Юлдашева со служебной собакой овчаркой под кличкой Пантера.

На западе небо хранило еще плотную темноту, а на востоке горизонт уже розовел. Постепенно, едва заметно для глаза, розовый свет переходил в красноватый и уже подкрашивал нижние края облаков.

Песчаная ширь все яснее вырисовывалась впереди.

Когда на небо поднялся солнечный диск, Шубников увидел впереди, справа по ходу машины, недалеко от высокого бархана, знакомые очертания юркого самолетика По-2.

- Держи к нему, - приказал Шубников водителю.

Тот свернул вправо, и теперь встречный ветер ударил в лица сидящих в открытом газике.

Поодаль от По-2 стояли два человека в легких комбинезонах и прицеливались

фотокамерами к чему-то на земле.

Машина подъехала вплотную. Шубников вышел из нее, окинул коротким взглядом груды бесформенного, обгорелого металла и представился. Один из летчиков оказался капитаном, другой - старшим лейтенантом из недалеко расположенного авиационного соединения.

Шубников обошел останки самолета, ковырнул концом сапога изуродованный пулеметный ствол и, покачав головой, заметил:

- Здорово!

- Уж куда лучше, - усмехнулся капитан. - В лепешку.

- Попробуй скажи, какой он принадлежности, - добавил Шубников.

- Да... - протянул капитан. - Врезаться с такой высоты – не шутка. А потом - взрыв и огонь. И нигде ни кровинки. Все высушило. А ведь было в нем трое. Мотор в землю ушел, откапывать придется.

Шубников кивнул, повернулся, посмотрел на хрупкий По-2 и, улыбнувшись, спросил капитана:

- Эта птичка, конечно, ни при чем?

- Я полагаю, - ответил тот. - Это моя птичка. На такие подвиги она уже не способна. Не то время.

- А вы не скажете, каким курсом шел этот покойник? - опросил Шубников, показывая на остатки самолета.

- На это вам ответит старший лейтенант. Виновник события он. Я притащил его сюда полюбоваться на труды его рук.

- Прошу прощения, - проговорил Шубников и повернулся к старшему лейтенанту. - Так это вы его?

Старший лейтенант коротко кивнул, будто его спросили, успел ли он позавтракать.

- Шел он вот так... Я перехватил его на обратном курсе после разворота. На мои требования идти на посадку он угостил меня длинной очередью. Пришлось ему ответить.

- Понятно, - заметил Шубников, всматриваясь в карту. - И кой черт понес его сюда, да еще ночью?

- Мы думали об этом, - сказал капитан. - Делать ему в песках нечего, объектов для съемки нет, да и темень - хоть глаз выколи. Скорее всего он приходил, чтобы кого-то выбросить.

- Точно, - коротко подтвердил старший лейтенант.

Шубников достал свою карту, нанес да нее красным карандашом курс самолета, место его гибели и обратился к старшему лейтенанту:

- Интересно, как далеко от этой точки проник он в глубь нашей территории. Это важно в том случае, если он действительно приходил на выброску.

- Как вам сказать... - почесал в затылке старший лейтенант, беря из рук подполковника красный карандаш. Он поставил им на карте Шубникова крестик и сказал: - Вот наша база. Она лежит как раз на его курсе, но до нас он не дотянул. Я поднял свой истребитель в воздух, когда он только что перевалил через границу. Мы шли на сближение встречными курсами. Судя по времени, он развернулся где-то здесь, - и старший лейтенант поставил на карте второй крестик. - Но это, конечно, приблизительно.

- Ясно, понимаю... Спасибо!

- Часика через три сюда пожелают специалисты, - сказал капитан. - Сейчас я полечу за ними. Они здесь каждый кусочек ощупают и пронюхают. Возможно, и разберутся поточнее.

Солнце поднималось все выше, разливая над песками расплавленное золото. Лучи его припекали уже основательно.

Летчики пожали руку подполковнику, уселись в По-2 и улетели на свою базу.

Шубников задумался. В том, что самолет приходил на выброску, он не сомневался. Но сколько человек сброшено? Один, два или три? Чем больше, тем легче искать. Предстояло обследовать большую площадь, не считая той, которой занялись две оперативные группы. Они, конечно, уже приступили к работе, связались с районными центрами и, по всей

вероятности, приняли все меры к блокированию участка.

Шубников решил поначалу обследовать путь от места катастрофы до пункта, который пометил на его карте крестиком старший лейтенант. Может быть, на этом отрезке обнаружатся следы.

Подполковник потратил на это три часа с лишним, но ничего не добился. Тогда он задался мыслью начать круговые поиски - описать на машине большое кольцо, охватывающее всю площадь, на которой вероятнее всего возможно было приземление диверсантов. Шубников прикинул на карте: получалось, что круг в диаметре составит примерно сорок километров и, описывая его, можно рассчитывать на обнаружение выходящих следов парашютистов. Но этот способ гарантировал успех лишь в том случае, если диверсанты, опустившись на землю, тотчас же покинули зону приземления. Так они поступали примерно в девяносто девяти случаях из ста. Но Шубникову довелось встречаться и с такими фактами, когда диверсанты отсиживались на месте приземления по двое и трое суток. Это случалось обычно в лесистой, резко пересеченной местности, но не в песках, где видимость ничем не ограничена. Шубников все больше склонялся к мысли, что диверсанты пытаются выйти из зоны приземления и, следовательно, оставят видимые следы на песке. Пески хранят след очень долго, если не вмешается сильный ветер или дождь.

Машина стала вычерчивать огромный круг, оставляя после себя глубокую двухколейную борозду. Песок упруго скрипел под колесами. Водитель смотрел вперед, Шубников - направо, а Юлдашев - налево. Попадались следы шакалов, джейранов, но следов людей не было видно.

Исходя из того что правильная окружность равна по длине трем диаметрам, Шубников рассчитал, что машине надо преодолеть не меньше ста двадцати километров.

Когда шестьдесят километров остались позади, решили сделать остановку. Водитель осмотрел машину, долил бензина в баки из захваченных с собой канистр.

- Вы полагаете, товарищ подполковник, - обратился Юлдашев к Шубникову, - что если парашютисты выброшены, то они обязательно этой же ночью ушли с места приземления?

- Не полагаю, а предполагаю. Мне думается, что они не рискнут отсиживаться. Для этого надо иметь не только крепкие нервы, но и запасы провизии и главным образом воды. Пески есть пески. И наконец имелся бы резон отсиживаться, если бы их самолет незаметно ушел обратно. Но они, несомненно, видели прожектора слышали стрельбу. В таком случае надо убираться места высадки поскорее.

Через полчаса машина вновь тронулась в путь.

В самый солнцепек, когда на горизонте уже колыхался накаленный воздух и тень от машины сошла на нет, водитель вдруг выключил рычаг скоростей и сильно нажал на тормозную педаль. Газик вздрогнул и встал. Шубников по инерции подался вперед. Все увидели на песке ясные отпечатки человеческих ног и выскочили из машины. Следы были перпендикулярны движению машины и уходили цепочкой на юго-восток. Оставил их один человек. Можно было последовать по тому направлению, которое избрал неизвестный, но Шубников предпочел поступить иначе. Он прежде всего решил выяснить, откуда, а не куда вел след. Необходимо было точно установить, прежде чем идти по следу, кто его оставил: местный житель или же парашютист. Поэтому подполковник приказал двинуться по следам неизвестного, но в обратном его пути направлении.

Машина тяжело шла по пескам. Шубников и Юлдашев зорко вглядывались в отпечатки ног, бегущие справа. Три раза останавливались, чтобы подобрать папиросные окурки с фабричной маркой "Беломорканал. Ташкент".

Когда спидометр отмерил восемь километров, на песке запестрела истоптанная следами площадка. Все стало ясно: здесь произошло приземление. Видна была глубокая дорожка, метров семи-восьми длиной, оставленная на песке телом человека, которого волочил еще не опавший купол парашюта.

- Обойдите кругом, - приказал Шубников инструктору Юлдашеву. - Нет ли других следов, уходящих с этого места.

Юлдашев вместе с рвавшейся вперед Пантерой отправился в обход.

Шубников достал рулетку и измерил отпечатки ног. Они были одинаковы и, очевидно, принадлежали одному человеку. По длине следа Шубников определил, что рост диверсанта колеблется между 170-172 сантиметрами.

Вернувшийся Юлдашев доложил, что других следов, кроме уже обнаруженного, не замечено.

"Но тут мог приземлиться один, а в другом месте - остальные", - мелькнуло в голове Шубникова.

- Давайте тщательно обследуем весь участок, - предложил он.

Юлдашев спустил Пантеру с поводка. Собака засиделась в машине – и радостно унеслась вперед.

- Ко мне! - негромко приказал Юлдашев. Пес с виноватым видом вернулся и стал у левой ноги хозяина.

Инструктор направился по одному из следов, ведущих к противоположному краю истоптанной площадки и отдал команду: "След!" Низко пригнув голову к песку и чуть пофыркивая, Пантера двинулась вперед. Через несколько шагов она остановилась и начала яростно разгребать песок передними лапами.

- Лежать! - крикнул заторопившийся Юлдашев.

Пантера легла, вытянув лапы и насторожив уши. Она крутила головой, повизгивала и явно нервничала.

Подбежал Шубников. Вместе с Юлдашевым они стали разгребать сухой, не успевший слежаться песок и вскоре натолкнулись на вещи, зарытые Нарузом Ахмедом. Из ямы были осторожно извлечены парашют, комбинезон, кислородная маска, пустой термос и пустой мешок.

Ни на одном из предметов, исключая термос, не оказалось никаких меток, могущих выдать их происхождение. На термосе же стояла марка ташкентской фабрики.

Юлдашев поднес горлышко термоса к носу и сказал:

- Кофе!

- Значит, гость из трезвенников, - усмехнулся Шубников. – Идти ему, видно, далеко - перед дорогой целый термос выдул... Что ж, поехали за ним!

Машина тронулась.

- Вы заметили - он или очень медленно идет, или сильно нервничает, - обратился Шубников к Юлдашеву. - На отрезке в восемь километров он выкурил четыре папиросы.

- Скорее всего нервничает - шаг у него широк и ровен.

- Поживем - увидим, - неопределенно буркнул Шубников.

3

Во второй половине следующего дня разморенный знойными лучами солнца Наруз Ахмед выбрался на наезженную дорогу. Телеграфные провода напевали свою бесконечную унылую песню. Ни единой души не встретил Наруз Ахмед за свой долгий путь, и это его радовало. Пока что все шло хорошо. Только вот усталость и жажда донимали. Две опорожненные фляги, как и ненужную теперь лопатку, он бросил в пути. Во флягах был специальный напиток соломенно-желтого цвета, которым снабдил его Керлинг: один-два глотка утоляли жажду, хотя во рту оставался солоноватый привкус. Наруз Ахмед и раньше слышал от кого-то, что чуть подсоленная вода утоляет жажду лучше, чем пресная, но не придавал этому значения. В напитке Керлинга угадывалась примесь мяты и были какие-то другие запахи.

Наруз Ахмед присел на бугорок и огляделся. Позади, на юге, над темно-бурой грядой

гор возвышались белые шапки снежных вершин. Впереди, на севере, узкой полоской уходила однообразная и скучная дорога, обозначенная телеграфными столбами. Справа и слева простирались пески. Ни кустика, ни деревца, ни холма, ни строения. Гладко, пусто, безлюдно. Пески и пески...

Наруз Ахмед приблизился к телеграфному столбу и прочел пометки на нем. Тут же у столба он вытащил карту из сумки и развернул ее на земле. Выяснилось, что километра через два будет перекресток, на главную магистраль выйдут две дороги: одна - из колхоза имени Буденного, другая - из горного кишлака Обисарым. Надо поскорее добраться до перекрестка и там ждать попутной оказии. Здесь оставаться рискованно. У первого встречного может возникнуть вопрос - откуда идет пешеход. И ответ будет довольно ясный - сзади граница. И как бы ни объяснял путник свои цели, каждый, даже самый нелюбопытный, запомнит человека, попавшегося на этой дороге, и наверняка скажет кому следует. Поэтому надо спешить к перекрестку. Там естественнее любая встреча и убедительнее любой маршрут. Но, может быть, добираться к перекрестку не дорогой, а окольным путем? Нет, нельзя. И питья не осталось, и видимость кругом большая...

Наруз Ахмед спрятал карту, встал, облизал пересохшие губы и, придерживаясь обочины, зашагал вдоль дороги.

На нем был просторный парусиновый пиджак с большими карманами, летние армейские брюки, легкие брезентовые сапоги и бухарская тюбетейка, расшитая золотыми нитками. На груди был прикреплен орден Красной Звезды с отколотой на одном лучике эмалью. С левого плеча свисала на тоненьком ремешке изрядно потрепанная офицерская сумка, которую он придерживал рукой. Во внутреннем кармане пиджака лежал комплект документов: паспорт с постоянной и временной прописками и с отметкой загса о браке, воинский билет, орденская книжка, удостоверение о том, что владелец его является сотрудником бюро по сбору рекламаций Чкаловского механического завода, выпускающего приборы для опыления фруктовых деревьев, и командировочное удостоверение.

За документы и свой внешний вид Наруз Ахмед был спокоен, а вот за сумку... Сумка - иное дело. Поэтому он и нес ее так, чтобы в любую минуту можно было от нее избавиться. В сумке кроме большой суммы денег пятидесяти и сторублевого достоинства, уложенных плотными пачками, была коробка из-под табака "Золотое руно" фабрики "Ява". От табака в ней остался лишь запах. Под картонной оболочкой хранилась та самая "посылка", которая могла стать неопровержимой уликой против Наруза Ахмеда...

Вот и перекресток. Вот знакомая дорога в колхоз, а вот - в кишлак... Дороги сходятся здесь под острым углом, а на самом перекрестке стоит старый пыльный карагач. Так было и раньше, много лет назад, когда он скакал здесь на горячем карабаире...

Наруз Ахмед хотел было уже усесться под карагачом, как заметил впереди, в перспективе дороги, быстро движущуюся точку. Это мчалась сюда грузовая машина, окруженная облаком пыли. На такую встречу Наруз Ахмед почему-то не рассчитывал. Надо было быстро менять выработанный план. Не раздумывая долго, он зашагал навстречу машине, держась той стороны дороги, откуда дул ветер. Он предполагал, что машина пройдет мимо, и тогда он вновь вернется на перекресток и будет ждать.

Но случилось не так, как предполагал Наруз Ахмед. Поравнявшись с ним, водитель остановил машину, выпрыгнул из кабины и окликнул его:

- Салям, уртак!

"Сейчас спросит, откуда я иду", - сообразил Наруз Ахмед и, желая предупредить развертывание событий, опередил водителя своим вопросом:

- Алейкум салям! Куда держишь путь?
- Недалеко. В кишлак Обисарым. А ты?
- В Токанд.
- Ого! А откуда идешь?
- Из колхоза Буденного.

- Спички есть? Давай закурим.

Они сели на подножку машины, в тень, и закурили.

Водитель, молодой парень узбек, видимо, совсем недавно демобилизовался из армии. На нем была фуражка артиллериста с выгоревшим околышем, гимнастерка с отдувающимися карманами и просоленная на спине, широкие выцветшие шаровары, испачканные маслом, и стоптанные полуботинки.

В кузове старой довоенной полуторки лежали ящики, мешки, бумажные кули.

- До Токанда тебе шагать и шагать, - проговорил водитель, раздувая огонь папиросы, хотя она чуть не пылала и без того. – Верных шестьдесят.

- Ничего не поделаешь, - вздохнул Наруз Ахмед.

- Ночевать в пути придется. А почему пешком?

- Так пришлось. В колхоз добрался на попутной, а оттуда попутной нет. Я и решил выйти на дорогу.

- Тут машины ходят редко. Безлюдье, - сказал водитель.

- Что везешь? - поинтересовался Наруз Ахмед.

- Всякое: табак, соль, сахар, муку. А вот из кишлака заберу другой товар. Живой, можно сказать. Персики. Их надо поскорее доставить.

- Сегодня же и обратно?

- Непременно. Часа через два-три...

- Вот что, дружище, - решил Наруз Ахмед и достал из полевой сумки полусотенную бумажку. - На, держи. А на обратном пути прихвати меня.

Водитель ухмыльнулся, повертел бумажку, аккуратно сложил ее вчетверо, положил в карман и спросил:

- Будешь ждать меня здесь?

- Нет, зачем же, я помаленьку пойду, а ты нагонишь...

- Тоже придумал. Зачем же зря ноги бить?! Садись в кабину и поедем вместе. До кишлака управимся за час, на разгрузку и погрузку тоже час уьем, не больше, а потом обратно. Так по холодку и доберемся до Токанда. И нам будет хорошо, и персикам...

Наруз Ахмед понял, что отвергать разумное предложение неудобно.

- Не возражаю, - не особенно твердо сказал он.

- Хоп. Садись!

Водитель откинул капот, проверил уровень масла в картере, и через минуту машина затарахтела по пыльной дороге, держа путь на перевал к кишлаку Обисарым. Слева осталась дорога в колхоз имени Буденного.

Наруз Ахмед, подпрыгивая на клеенчатом пружинистом сиденье, молча смотрел вперед. Ему было немного не по себе. Он смотрел и думал, не допустил ли ошибки, согласившись ехать в кишлак. Очевидно, не надо было... Хотя, собственно, о чем беспокоиться? Прошло чуть не двадцать лет с того дня - проклятый день! - когда он был в последний раз в кишлаке. А это немало. Если он согласился на экскурсию в Бухару, то почему не заглянуть в Обисарым? Какая разница! Трудно сказать, где подстерегает его больше опасностей: в городе или в кишлаке. В городе можно повстречать старых знакомых по школе, по службе. А в кишлаке? Кто его хорошо знал в Обисарыме? Можно перечесть по пальцам: мулла, председатель кишлачного совета и подставной хозяин усадьбы. И все. Наверное, всех троих уже в живых нет. Они и тогда, в тридцать первом, стояли одной ногой в могиле. Да и сколько раз довелось ему бывать в кишлаке? Сущие пустяки. Приезжал он обычно в свою усадьбу поздно вечером или ночью и покинуть ее старался в такое же время. Нет, нет. Опасения напрасны, а взглянуть на кишлак и на усадьбу не вредно. Не надо только выходить из машины.

Перевал остался позади, и внизу показался кишлак. Водитель стал осторожно, на первой скорости, спускать машину с крутой тропы.

Наруз Ахмед впился взглядом в раскрывшуюся перед ним картину. Это был, конечно, кишлак Обисарым и в то же время как будто не он. От прежнего кишлака сохранилась

лишь главная и когда-то единственная улица, а все остальное преобразилось. Долина как бы раздалась в стороны и удлинилась, уступая место новым улицам и переулкам. Появилось много домов, красивых, с большими окнами. А сады! Сколько садов! Их видимо-невидимо. Кишлак тонет в них. Да и главная улица вся обсажена деревьями. И какими деревьями! Но где же его бывшая усадьба? Почему он не видит ее? Она стояла по левой стороне улицы при въезде с перевала. Ее окружали высокие пирамидальные, похожие на кипарисы, тополя. Но теперь такие тополя растут перед каждым домом. Черт знает что! Неужели он не узнает свой дом и высокий дувал, окружающий усадьбу?

- Не приходилось бывать здесь? - спросил водитель, переключая мотор с первой скорости на третью.

- Нет, - коротко ответил Наруз Ахмед и облизал губы. Жажда начала мучить его с новой силой.

- Хорошее местечко. Со временем курорт устроят.

- Курорт? - удивился Наруз Ахмед.

- Источник какой-то целебный нашли. Говорят, здорово от желудка помогает.

Наруз Ахмед промолчал.

Машина катилась по пыльной дороге кишлака, а следом за ней, захлебываясь от ярости, мчалось с полдюжины лохматых и крупных, как овцы, собак. Около небольшого дома с настежь распахнутой широкой дверью и такими же широкими по обеим сторонам окнами водитель со скрипом затормозил и остановил машину. Собаки постояли в нерешительности, поворчали друг на друга и устало побрели по своим дворам.

"Магазин. Сельпо", - решил Наруз Ахмед, оглядывая дом.

У входа на утоптанной площадке стояло несколько дехкан, о чем-то беседуя между собой. Один сидел на корточках, опираясь спиной о стену магазина, и курил чилим.

Водитель выскочил, с треском хлопнул дверцей и крикнул в окно:

- Абдуразак-ака! Принимай! Тороплюсь!

Наруз Ахмед, полуприкрыв глаза и приняв позу дремлющего человека, настороженно посматривал по сторонам. Ему чудилось, что вот-вот кто-нибудь подойдет, увидит его и скажет: "Ба! Наруз Ахмед! А ты как сюда попал?" Он сидел, все более съеживаясь. Его охватывал страх.

Но никто не обращал внимания на незнакомого человека, все были заняты своими делами.

Из дверей магазина показался, очевидно, тот, кого водитель назвал Абдуразакком. За ухом его торчал карандаш, в кармане не совсем чистого фартука - авторучка.

Водитель откинул левый борт машины, достал из кармана пачку накладных и, подав ее Абдуразаку, бросил:

- Считай!

Абдуразак сказал что-то дехканам, и те дружно начали разгружать машину. На земле укладывались ящики, мешки, кули, листы фанеры и жести. Абдуразак осматривал упаковку, считал, сверял с накладными и делал в них пометки карандашом.

Когда все было выгружено, он поставил на бумажках свою подпись и часть их возвратил водителю. Тот забрался на свое место и запустил мотор. Когда он начал осаживать машину назад и развертываться, на подножку, с той стороны, где сидел Наруз Ахмед, вскочил пожилой человек в халате, без шапки, с голой, как колено, головой.

- Теперь к нам? - обратился он к Нарузу Ахмеду.

Тот нерешительно кивнул и взглянул на водителя.

- К вам, к вам, - ответил водитель, вырвав на середину улицы. - У вас как?

- Хорошо! Совсем хорошо! Товар первый сорт. Ждали тебя.

Машина пробежала метров двести, плавно повернула и остановилась у закрытых ворот.

Человек спрыгнул с подножки и на бегу крикнул:

- Не глуши мотор! Сейчас открою.

"Здесь будем брать персики", - решил Наруз Ахмед...

Когда машина въехала во двор, он сжал рукой колено водителя и почти крикнул:

- Стой!

- Что? - удивился тот, нажав на тормоз.

- Пока будут грузить, я немного разомнусь, - уже спокойнее объяснил Наруз Ахмед. - Подожду тебя на улице.

- Хоп! - оказал водитель и повел машину к высокому штабелю из ящиков, около которых хлопотали с добрый десяток мужчин и женщин.

Но не они испугали Наруза Ахмеда и заставили его выйти из кабины. Только оказавшись во дворе, он понял, что попал на свою бывшую усадьбу. Старый столетний каштан и приземистый большой дом... Наруз Ахмед не мог не узнать их. Такое испытание оказалось ему не по силам. Он почувствовал себя сидящим на раскаленных угольях и быстро принял решение. Скорее прочь отсюда, на улицу, куда угодно!

Стоял душный предвечерний час. На улице было тихо и безлюдно. Солнце уже скатилось за горы, и его копьевидные лучи покалывали багровое небо.

Наруз Ахмед шагнул к арыку и, набирая воду пригоршнями, стал долго и жадно пить. Напившись, он вымыл руки, лицо и, достав носовой платок, вытерся.

Поодаль от ворот, в нише дувала, который выглядел теперь значительно ниже, чем раньше, была врезана широкая доска, служившая скамьей. Отяжелевший Наруз Ахмед сел на нее и закурил. Что делать? Может быть, лучше не сидеть здесь, а потихоньку зашагать к выходу из кишлака и там подождать машину? Нет. Поступи так любой другой, никто не обратил бы на это внимания, но на него, чужого человека, взглянет каждый.

Наруз Ахмед жадно затягивался и пытался хотя бы мысленно представить себе, что сейчас в его бывшем доме. Кто там живет? Где садовник, на имя которого был записан дом? Что стало со старухой матерью и второй женой, что жила здесь постоянно?

Размышления Наруза Ахмеда прервал старик, вышедший из калитки. В его руках был тяжелый кетмень. Он не обратил никакого внимания на человека, сидевшего на скамье, и, подойдя к арыку, стал ловко взмахивать кетменем. Соорудив искусственную перемычку из илистой земли, он заставил воду повернуть и побежать по узкой канавке во двор. Потом старик принялся расчищать эту канавку. Он был широк в плечах, но очень стар. На нем была длинная белая рубаха, перехваченная повыше бедер платком, белые засученные до колен шаровары. На волосатых ногах выпирали набухшие, перевитые узлами вены.

Закончив свое дело, старик медленно подошел к скамье и со вздохом грузно опустился на нее рядом с Нарузом Ахмедом.

- Пошла водичка, - сказал он будто самому себе.

От старика сильно пахло потом. Наруз Ахмед немного отодвинулся, взглянул на него и обмер: у старика не было левого уха. Это же Бахрам! Тот самый проклятый богом Бахрам, который покинул его, Наруза Ахмеда, в тридцать первом году у переправы! И как он уцелел? Как только терпит земля эту старую развалину! Ведь он по годам не так далеко ушел от отца. Ему, наверное, сейчас под семьдесят. И почему он здесь, в кишлаке Обисарым? Что он делает? Ведь его дом в Бухаре, рядом с отцовским. Видно, укрылся здесь. Не иначе. О, за спиной Бахрама немало грехов. На него большой счет у советской власти. Довольно одного того, что он был телохранителем отца и его адъютантом в отряде! За одно это можно поплатиться головой. А он, видно, еще хочет жить, старый шакал! Вцепился в жизнь, как клещ. В кишлаке, конечно, его никто не знает, здесь тишина и покой. Наверное, и фамилию сменил. Что ж... это вполне правильно. А его, Наруза Ахмеда, он, понятно, не узнал, да и не узнает.

Противоречивые чувства раздирали Наруза Ахмеда. Ему очень хотелось напугать старика и назвать его по имени. Напомнить прошлое, потребовать ответа за то, что он изменил их общему делу, за то, что сбежал, бросил его, сына Ахмедбека! Но рассудок подсказывал, что прямо говорить опасно. Однако Наруз не удержался от искушения и

решил осторожно, не выдавая себя, прощупать старика.

- Здесь живете, ата? - спросил он.

- Здесь, - кивнул старик.

- Хороший у вас дом. И усадьба. Богатый вы человек.

- Дом не мой, а колхозный. Живу в нем не я один, а три семьи.

- Но раньше он был ваш? - сдерживая волнение, продолжал Наруз Ахмед.

Старик усмехнулся:

- Никогда он моим не был. Здесь хозяйствовал байский сынок, Нарузом Ахмедом его звали. Он потом сбежал на ту сторону, и усадьба перешла в колхоз. А я здесь садовником работаю. Хорошие персики растут.

"Вот оно что, - думал Наруз Ахмед, чувствуя, что в нем закипает глухая злоба. - Садовник, значит... Хорошие персики... А чьи это персики, старая собака?!"

- И давно? - спокойно спросил он.

- С тридцать четвертого года.

- А до этого где жили?

- В тюрьме, - проговорил старик и посмотрел на собеседника. - Три года жил в тюрьме.

- За что же?

- Было за что...

Воцарилось неловкое молчание. Потом Наруз Ахмед снова начал:

- А кто же это потрудился над вашим ухом? Басмачи?

- Нет. Красный аскер. Я сам басмачом был. Всякое было... А вы-то сами откуда?

- Я? - смутился Наруз Ахмед, застигнутый врасплох. - Я из Ташкента.

- И родом оттуда?

- И родом.

- А по каким делам в наш кишлак?

- Случайно. Попутной машиной воспользовался. Был в соседнем колхозе.

Старик кивнул, взглянул еще раз на Наруза Ахмеда и начал разглаживать рукой свою бороду.

Со двора выкатила машина.

- Садись, уртак! - пригласил водитель.

- Прощайте, ата, - бросил Наруз Ахмед, встав со скамьи. - Может, еще встретимся.

- В жизни все бывает. Счастливого пути! - прощамкал Бахрам.

Наруз Ахмед занял свое место, и машина помчалась по улице в тучах пыли под остервенелый лай собак.

4

Быстро редела ночная тьма. Огненная полоска прорезала восточный край неба. Разгоралась теплая и ясная утренняя заря. Сутки отошли в прошлое.

Полумертвые от усталости Шубников, Юлдашев и водитель лежали на плащ-палатке у подножия невысокой горы, беспорядочно загроможденной каменными глыбами, валунами и галькой. Пантера пристроилась тут же, возле машины.

Парашютист, оказывается, отлично знал местность и легко ориентировался. Приземлившись и освободив себя от лишних, уже ненужных вещей, он пошел не на запад, не на север и не на восток, где жилые места, а на юго-восток, скорее даже на юг. Можно было подумать, что его влекла к себе граница. Но он туда и не собирался. Ему надо было поскорее выбраться из полосы песков, на которых оставался след. Он предательски тянулся за ним, этот след, и избавиться от него было невозможно. И парашютист двинул на юг - обратно к границе. Он знал, видно, к чему стремился. Пройдя за полдня почти сорок километров, ноги его ступили на такыр - твердую глинистую почву, напоминающую бетон. Здесь уже следы не оставались. Ветер сносил с такыра все, даже пыль пролетала мимо, не

имея за что зацепиться. Голо, подметено, безмолвно... Но тонкий нюх овчарки и на окаменевшем такыре чуял запах человека. Пантера уверенно шла по следу.

Шубников и Юлдашев исколесили на машине много километров, покрытых такыром. Со всех сторон подступали пески, но диверсант не сходил с твердого грунта. Он держался такыра и шагал на юг, где такырная почва сливалась с предгорьем.

На пути диверсанта Пантера обнаружила пустую флягу, спрятанную под камень. Больше никаких видимых следов не было.

В полдень следующего дня разведчики достигли телеграфного столба, к которому вышел парашютист. И тут Пантера потеряла след. Шубников развернул карту. Ближайшими населенными пунктами значились колхоз имени Буденного и кишлак Обисарым. Надеяться на то, что парашютист отправится в эти населенные пункты, было трудно. Но не побывать в том и другом Шубников считал неправильным. И он решил так: Юлдашева завезет в колхоз и оставит там, а сам поедет в кишлак Обисарым.

Посадив измученную Пантеру в машину, Шубников и Юлдашев направились в колхоз имени Буденного.

5

Водитель понравился Нарuzu Ахмеду. Он оказался простодушным парнем, не проявлял любопытства к своему пассажиру, говорил больше сам и выкладывал все, что было у него на уме. Наруз Ахмед узнал его нехитрую биографию, и его семейные дела, и даже какие кинофильмы привозили в прошлый месяц.

По пути в Токанд они дважды останавливались: первый раз у колодца, чтобы напиться и долить воды в радиатор, а второй – при встрече с грузовой машиной, которую вел приятель шофера.

В Токанд они въехали поздним вечером, когда на небе уже высыпали звезды.

Город был незнаком Нарuzu Ахмеду. Он много слышал о нем, но представлял его себе очень смутно, так как бывал здесь только ребенком. Он попросил водителя подвезти его к вокзалу.

- А вы что, на поезд? - удивленно спросил тот.

- Ну да... Я спешу в Ташкент.

- Вот оно что, - с сожалением заметил водитель. - А я считал, что вы сюда, и хотел пригласить к себе. Закусили бы... Правда, домишко у меня не ахти какой, но для хорошего человека местечко всегда найдется. Может быть, отъезд на завтра отложите? Нет, правда! Посмотрели бы моих сыновей. Настоящие джигиты. Старшему уже пять.

- Не могу, дружище! Срок командировки у меня и так кончился. Я уже перехватил одни сутки, а начальство, сам знаешь, не любит неаккуратности. Сегодня я должен был быть уже в Ташкенте.

- Жаль, жаль... - покачал головой водитель.

На привокзальной площади машина остановилась. Наруз Ахмед сунул водителю еще пятидесятирублевку, пожал ему руку и вышел из кабины. Водитель поблагодарил, помахал рукой и уехал.

По площади торопливо сновали пешеходы с чемоданами и узлами в руках. Длинная очередь стояла у автобусной остановки. Наруз Ахмед смешался с толпой, купил в киоске газету и прошел в здание вокзала. Взглянув на расписание поездов, он отыскал кассу, купил билет до Бухары и отправился в ресторан. Тут былолюдно и оживленно. У буфетной стойки толпились мужчины, вооруженные огромными пивными кружками.

Наруз Ахмед сел за свободный столик, оглянулся и развернул газету.

Как-то непривычно для него выглядела обстановка этого ресторана: женщины-официантки, люди, громкими голосами, шумно, не стесняясь соседей, обсуждавшие свои дела... Отвык Наруз Ахмед от этого. Вспомнились ему тегеранские ресторанички

и чайханы, где каждый сам себе, особнячком, где люди с заговорщическим видом перешептываются между собой... А здесь - что-то отдаленно знакомое и в то же время чужое, настораживающее и пугающее.

Наруз Ахмед, уткнувшись в газету, прислушивался к разговору за соседним столиком. За ним сидели трое узбеков и один русский. Речь шла о какой-то новой кинокартине. Собеседники спорили: правда показана в ней или выдумка, могло ли так быть в жизни или нет.

Нарузу Ахмеду пришел на ум водитель, с которым он только что распрощался. Он дал ему в общей сложности сотню. И дал не потому, что был очень щедр. И не потому, что располагал большой суммой денег, позволявшей не задумываться над расходами. Отнюдь нет. Поступил он так, следуя советам Керлинга. Керлинг же поучал - в расходах не стесняться. Он говорил: "Запомните, что в Узбекистане - деньги все. За них можно купить и продать что и кого угодно. Все, от мала до велика, без разбору дают и берут взятки. А те, кто дают взятки и берут их, умеют молчать. Это главное. Те и другие знают, что суд привлекает к ответственности и наказывает в равной мере как дающих, так и берущих".

Но Керлинг одновременно предупреждал, что взятка - одно дело, а жизнь не по средствам - другое. Взятка не вызывает подозрения: она дается и берется "один на один", а излишества на людях неизбежно привлекут к себе внимание и могут привести к провалу. Все надо делать с умом.

Водитель был первым советским человеком, которого встретил Наруз Ахмед. Он вырчил его и оставил о себе неплохое впечатление. И уж едва ли он будет болтать о том, что сорвал такой приличный куш. За это его по головке не погладят. Значит, Керлинг прав.

Основательно проголодавшийся Наруз Ахмед заказал себе полный обед, сытно поел, запил его бутылкой пива, оставил официантке на чай и покинул ресторан.

Поезд стоял уже у перрона. До отхода оставалось минут десять. Наруз Ахмед выкурил папиросу и направился к своему вагону. Настроение у него было бодрое. Его появление в Токанде, да еще в таком людном месте, как вокзал, как будто прошло благополучно. Он ничем не выделялся из общей массы. Никто не обращал на него внимания. Его одежда мало чем отличалась от одежды других. Обычный человек, обычный советский гражданин...

6

Шубников подошел к несгораемому шкафу, открыл его массивную дверцу и начал перебирать толстые, плотно сброшюрованные дела с надписями на обложках. Одно дело - "Обзорные материалы за 1930 – 1932 гг." - он извлек и сел с ним за стол.

Зашуршали перелистываемые страницы. На Шубникова пахло историей; авантюра Ибрагимбека; разгром банды Ширмата; налет басмачей на строительство канала; расправа с активом колхоза "Заря Востока"... Далее излагались краткие итоги работы Токандского отдела ОГПУ по ликвидации последних басмаческих формирований. Наконец открылась страница с тем, что искал подполковник Шубников. Сугубо справочным, лаконичным языком было сказано:

"Ахмедбек (Ахмед Каланов, сын крупного бая Калана Ниязова), рождения 1884 года. Владел поместьями в Самарканде, Бухаре, Коканде. Имел около 25000 голов каракульских овец, более 700 верблюдов, до 300 породистых лошадей. Держал от 75 до 100 батраков. Гонял в Иран собственные караваны с каракулем.

Содержал свой сераль, количество женщин в котором колебалось от семи до пятнадцати. С 1916 по 1920гг. состоял в должности кушбеги (канцлера) при дворе бухарского эмира Саида Алимхана. В 1920 г. После падения эмирата бежал со свитой эмира в Афганистан.

В 1931 г. прорвался из-за кордона на территорию Узбекистана во главе басмаческой банды. Несколько дней оперировал, совершал налеты на колхозы, расправлялся с местным активом. Затем банда его шестого сентября 1931 г. была полностью разгромлена в районе

солончаков, а сам Ахмедбек убит в этом же бою".

Еще через несколько страниц стояло:

"Наруз Ахмед (Наруз Ахмед - единственный сын Ахмедбека), рождения 1906 г.

До 1931 г. жил в Узбекистане. Окончил советскую десятилетнюю школу и специальные курсы торговых работников. Работал в системе кооперации разъездным инспектором. Имел трех жен и скрытое имение в кишлаке Обисарым. Поддерживал все время нелегальную связь с пособниками басмачества. В 1931 г. убил особоотрядца Умара Максумова, от руки которого в бою с бандой пал курбаши Ахмедбек. Затем сколотил небольшую басмаческую группу и примкнул с нею к банде курбаши Мавлана, прорвавшегося из-за кордона после гибели Ахмедбека.

Когда банда Мавлана была разгромлена, а сам он убит, Наруз Ахмед бежал за рубеж, прихватив с собой клинок, который когда-то принадлежал его отцу.

Вначале жил в Афганистане, а затем перебрался в Иран, пробиваясь случайными заработками.

Летом 1941 г. в Тегеране был завербован гитлеровским разведчиком Фришем и активно готовился к переброске в Советский Союз в составе крупной диверсионной группы".

- Так... - проговорил Шубников, закрывая папку.

Он встал, спрятал дело, запер шкаф и прошелся по кабинету. Ему казалось, что уже можно и нужно кое-что предпринять. Утвердившись в этом решении, подполковник попросил телефонистку соединить его с начальником областного управления МГБ. Ему он коротко объяснил, что возникла надобность в присылке офицера, который не бывал еще в Токанде. Начальник управления заверил, что направит офицера, и тут же назвал его фамилию.

Шубников попросил, чтобы командиремый имел при себе не только военную форму, но и штатский костюм и явился бы прямо к нему на квартиру.

Потом он вынул записную книжку и на листочке под буквой "С" записал: "Старший лейтенант Сивко".

7

Наруз Ахмед не застал в Бухаре того, кого искал. Он не смог встретиться с Икрам-ходжой Ашералиевым, к которому имел явку от Керлинга, но зато он повидался с его молодой женой, очень разбитной женщиной. От нее он узнал, что Икрам-ходжа уже около четырех месяцев гостит у своей родной сестры в Токанде. Наруз Ахмед получил адрес этой сестры и подробные словесные объяснения, как найти ее дом.

Он был очень рад, что так быстро расстался с Бухарой. Он чувствовал себя в ней не очень спокойно. Правда, на глаза ему не попался никто из прежних знакомых, но ежесекундно он опасался этого.

То обстоятельство, что Икрам-ходжа жив, здравствует и вполне благополучен, ободрило Наруза Ахмеда. Худшие опасения его оказались пустыми. А они приходили в голову не только Нарузу Ахмеду, но и Керлингу. Да и как было не опасаться: ведь радиосвязь с Икрам-ходжой, неожиданно оборвавшаяся, так и не восстановилась до самого вылета Наруза Ахмеда. Мало ли что могло случиться!

Теперь все ясно. У разговорчивой супруги Икрам-ходжи Наруз осторожно выведал, что на их житейском небосводе темных туч не появлялось, все идет обычно.

Наруз Ахмед вернулся в Токанд. Он шагал по городу, ничему не удивляясь, ни на что не заглядываясь. Здесь ему не надо было, как в Бухаре, расспрашивать многих прохожих, чтобы отыскать улицу, на которой жил Икрам-ходжа и стоял его дом. Он знал все, что следовало знать, и поэтому спокойно и уверенно шагал на улицу Трех тополей.

Токанд - старинный город. Он спрятался в буйной зелени фруктовых садов и

виноградников, весь изрезан полноводными арыками, по которым с неумолчным журчанием течет из канала желтоватая вода. В Токанде большой парк - гордость города, - засаженный липами, каштанами, карагачами, тополями, чинарами, акацией, сиренью и жасмином. Центральные, замощенные крупным булыжником улицы города обставлены множеством небольших особнячков самой разнообразной и неожиданной архитектуры. Особняки эти выглядывают из-под сени густых деревьев. В былые времена в них обитала городская знать и видные купцы, а теперь размещались больницы, ясли, клубы, библиотеки, клиники. За годы советской власти население Токанда увеличилось почти вдвое, и он широко разросся по окраинам. В городе появились нефтеперерабатывающие предприятия, хлебозавод, мебельная фабрика, пивной и хлопкоочистительный заводы. Веселый перестук и перезвон слышался из помещений, занятых многочисленными артельными мастерскими. Широкими окнами смотрели на улицы здания новых школ. У входов в кино пестрели яркие плакаты и толпилась молодежь с потрепанными тетрадами в руках - в городе было два техникума. То и дело попадались новые жилые дома.

Но Наруз Ахмед не замечал всего этого, а если уж нельзя было не заметить, скептически кривил губы. Ему все не нравилось, все казалось личным оскорблением, обидой. Единственно, что утешало - это удача, которая ему сопутствовала с первого дня на чужой земле.

Жарища стояла немилосердная. Зноем дышали раскаленный воздух, потрескавшаяся и твердая как камень земля, стены домов, дувалы. В полном изнеможении клонили свои ветви деревья. Листва их, покрытая густым слоем мельчайшей липкой пыли, казалась припудренной.

Все живое требовало влаги, прохлады, а солнце почти недвижимо стояло в зените и поливало землю белым огнем.

Пройдя большую часть пути, Наруз Ахмед увидел на углу размороженного жарой дремлющего чистильщика обуви. Наруз посмотрел на свои брезентовые сапоги, покрытые пылью до самого верха. Он подошел к чистильщику и поставил ногу на ящичек. Старый иранец сразу ожил, встряхнулся и замахал двумя щетками с непостижимой быстротой.

Расплатившись с чистильщиком, Наруз Ахмед тронулся своим путем. Пройдя квартал, он свернул направо и оказался на улице Трех тополей. Посмотрел на номер дома: еще далеко, но по этой же стороне.

Улица находилась почти в центре, и почему ей дали название Трех тополей, можно было лишь догадываться. Когда-то, лет двадцать - двадцать пять назад, здесь, очевидно, росли лишь три тополя. Но сейчас вдоль тротуара тянулись зеленой цепочкой тополя, липы, каштаны, чинары, карагачи.

Дом сестры Икрама-ходжи под номером "69" стоял в глубине двора и был закрыт с улицы высоким дувалом.

Наруз Ахмед уже знал, что сестра Икрама-ходжи - старая женщина, живет в доме с мужем, прикованным к постели уже шесть лет. Других жильцов нет. Казалось, можно было идти прямо в дом - и делу конец. Но Наруз Ахмед не отважился на такой шаг. С того времени, как Икрам-ходжа выехал из Бухары, прошло три с лишним месяца. За этот срок бог знает что могло произойти... Да если и ничего не произошло, все равно рискованно совать нос в дом, где ни разу не был. Мало ли что! Быть может, там, кроме хозяев и Икрама-ходжи, окажутся посторонние люди, да еще такие, которым и на глаза не следует показываться. Быть может, сам Икрам-ходжа посмотрит на такой визит неодобрительно. Все надо учитывать - не раз напоминал Керлинг. Надо постоянно помнить, что малейшая оплошность или излишняя торопливость, необдуманный риск или неосторожный шаг могут сорвать все дело. Город невелик. Это не Тегеран, не Бухара. Да притом надо думать не только о себе и своем благополучии, но и об Икраме-ходже. На этот счет Керлинг предупреждал особо.

Наруз Ахмед прошел до конца улицы, вышел на параллельную ей, зашел в ошхану. Подкрепившись двумя порциями шашлыка и чайником чаю, он направился к вокзалу, купил

свежую газету и повернул обратно.

Против дома номер "69" располагалась аптека, рядом с ней - мастерская индивидуального пошива, за ней - продовольственный магазин и парикмахерская. Место было оживленное, все время толпился народ.

Между продмагом и парикмахерской стояла длинная скамья с удобной спинкой, но она была занята.

Наруз Ахмед стал прогуливаться взад и вперед до той поры, пока старуха с двумя мальчиками не вздумала наконец подняться со скамьи. Наруз Ахмед сейчас же воспользовался местом, развернул газету и уткнулся в нее. Позиция была удобной: скамья стояла под липой с раскидистой кроной, и здесь было относительно прохладно. На скамье кроме Наруза Ахмеда сидели еще четверо. И это было на руку.

8

Разморенный жарой и ленью, Икрам-ходжа потянулся, перевалился на бок и посмотрел на стенные часы. Ого, начало третьего! Кряхтя, он поднялся с красных подушек, уложенных поверх ковра на полу, снял с гвоздя цветной халат, надел его и запахнул. Затем не торопясь укутал голову белой чалмой и вышел на улицу. Взглянув в бездонно-голубое, без единого облачка небо, Икрам-ходжа испустил глубокий вздох.

Он был уже стар; прожитые годы застилали его взор мутноватой пленкой. Но никто не давал ему его шестидесяти семи лет. Полнота как бы сглаживала следы времени. Раскормленный, толстобрюхий, он выглядел весьма почтенно, но во всяком случае не старше пятидесяти. На круглом, как таз, лоснящемся жирным блеском лице его красовался большой грушевидный нос, который с обеих сторон подпирали пухлые, с синими прожилками щеки.

Икрам-ходжа любил посиживать и не терпел лишних движений. Всякая спешка и торопливость претили ему. Желудок его, попирая благие поучения корана, никогда не пустовал. Когда он появлялся на улицах Бухары, горожане, подталкивая друг друга и посмеиваясь, шутили: "Насмотришься на ходжу, и плов варить не надо!"

Икрам-ходжа повидал свет. Говорили разное. Болтали, будто он был не только в Мекке, но и в Афганистане, Иране, Индии, Турции; будто он плавал на океанских пароходах. Люди утверждали, что ходжа кроме родного языка владел фарси и без переводчика объяснялся с турками. Был он когда-то муллой, но потом бросил сан священнослужителя и занялся контрабандной торговлей. Да мало ли еще, о чем болтали!.. Дыма без огня не бывает.

Но сам Икрам-ходжа держал язык за зубами и, в отличие от других стариков, не любил распространяться о своих странствиях. Когда кто-либо заводил речь, например, о Стамбуле, он скромно молчал, хотя что-то, а уж Константинополь ему довелось хорошо узнать. Именно в Константинополе он свел приятное знакомство с еще молодым тогда господином Керлинггом. С ним он встречался и после - в Кабуле, Тегеране, а в годы второй мировой войны - в Ташкенте.

Когда близкие, хорошо знавшие Икрама-ходжу люди пытались вызвать его на откровенность, он неизменно отвечал, закатывая глаза:

- В ту пору, когда я был служителем всевышнего, аллах на многое открыл мне глаза, но предупредил, что уста мои должны молчать.

С аллахом у него были довольно странные отношения. На людях Икрам-ходжа, как хороший мусульманин, обращался к нему с молитвами, но в одиночку, как утверждали злые языки, он не соблюдал ни утреннего, ни вечернего намаза и не утруждал себя запретами корана.

И тем не менее в хорошем настроении Икрам-ходжа любил живописно расписывать все прелести загробной жизни, ожидающей праведников, хотя сам отдавал явное предпочтение

жизни земной...

Икрам-ходжа шел по улице величаво-медленной походкой, заложив руки за спину, выставив вперед живот и седую бороду. Он держал курс на городской рынок.

Ходжа сейчас не имел определенного рода занятий, хотя жил в достатке и ни в чем себе не отказывал. У него хватало средств на содержание себя, молодой жены, ее матери - еще не старой женщины - и на то, чтобы разъезжать по всей Средней Азии - куда душа тянула.

У него была странная, неуловимая профессия, позволявшая, не пропуская ничего через свои руки, мастерски загребать деньги. Он слыл искусным посредником. Если кому-нибудь вдруг понадобилось приобрести две-три сотни первосортных каракулевых шкурок, или несколько мешков отборного кишмиша, или десяток ящиков миндаля, или хорошо выделанное шевро для пошивки кожаного пальто, Икрам-ходжа давал надежный и верный адрес. И в случае удачной сделки он, конечно, не оставался в накладе.

В годы войны посреднические операции Икрама-ходжи приняли настолько грандиозные масштабы, что деньги потекли в его карманы рекой. Тогда люди, кровно заинтересованные в его благополучии, посоветовали ему устроиться на нетрудную работу. Икрам-ходжа внял их советам и устроился на должность завскладом в госпиталь. Там он и продержался до конца войны.

Собственно, сейчас ему можно было уже устраниваться от посреднических операций: накопленных денег с избытком хватило бы до самой смерти. Но не такова натура Икрама-ходжи. Как страстный игрок, он уже не мог выйти из игры.

Икрам-ходжа достиг рынка и прошел под его высокие арочные ворота.

Рынок радовал глаз веселыми яркими красками. По одну сторону, на столах, в ящиках и просто навалом, тянулись бесконечным рядом обильные дары щедрого узбекистанского лета: персики, виноград, груши, яблоки, вишни, сливы. По другую сторону горами возвышались огурцы, помидоры, кабачки и другие овощи.

В воздухе жужжали осы и пчелы.

Икрам-ходжа продвигался сквозь гудевшую толпу, как ледокол сквозь неокрепший лед. Он никому не уступал дороги. Кто нечаянно наталкивался на него, тот отскакивал, точно мяч от стены.

- Пошт! Берегись! - раздался предупреждающий окрик сзади.

Икрам-ходжа даже не оглянулся. Но когда крик послышался вторично и Икрам-ходжа почувствовал над затылком чье-то жаркое дыхание, он нехотя посторонился.

Мимо проплыл, так же важно, как и Икрам-ходжа, гривастый и бородатый верблюд. Он волочил за собой здоровенную арбу, заваленную доверху дынями-скороспелками. От дынь исходил сладостный запах.

Икрам-ходжа потянул носом и пошел дальше.

В конце рынка под сенью столетней вербы уютилась чайхана. Она стояла на прочном деревянном настиле, под которым неумолкающе журчали воды головного арыка.

На супе - возвышении из глины, опоясывающем толстенный и корявый ствол вербы, - сидел парень лет двадцати пяти и, обливаясь потом, пил чай. Он поминутно утирал раскрасневшееся лицо белым полотенцем. Черная щеточка его усов смешно топорщилась, когда он, вытянув губы, дул на горячую пиалу.

Икрам-ходжа оглядел все вокруг пытливый взглядом своих маленьких глаз и сел возле парня почти спиной к нему. Он вынул большой цветной платок, вытер лицо, шею, грудь и тихо, будто самого себя, спросил:

- Подыскал?

- Да, - так же тихо ответил парень.

- Согласился?

- Ага...

- Подходящий?

- Немного смысленнее того.

- Смотри!
- Я ему показал все.
- Когда решили?
- Завтра, часов в девять-десять.
- Хорошо. В двенадцать жди меня в сквере против почты.
- Угу... - сказал парень.

Икрам-ходжа громко вздохнул, спрятал платок, встал и отправился домой.

Когда он прошел через ворота и зашагал по затененному тротуару, его стал нагонять Наруз Ахмед. Он следовал по стопам старика с той поры, как тот вышел со двора на улицу Трех тополей, и не упустил его из виду ни на минуту,

Наруз Ахмед был твердо уверен, что это и есть Икрам-ходжа. Фотоснимок, показанный Керлингом, полностью совпадал с оригиналом.

Выбрав подходящий момент, когда вблизи не оказалось пешеходов, Наруз Ахмед поравнялся со стариком и, протянув ему четки, проговорил:

- Достопочтенный Икрам-ата, это вы обронили?

Старик впился в незнакомого человека глазами, точно сверлами, взял четки, посмотрел на них и ответил:

- Да, я. Но их должно быть пятнадцать.
- Три остались у вашего далекого друга.
- Не теряй меня из глаз. Иди за мной. Дом, в котором я...

- Принадлежит вашей сестре, - прервал его Наруз Ахмед. - Знаю. Скажите, в какое время зайти?

- Как только стемнеет. Калитка будет открыта. Я встречу тебя.

- Хоп! - заключил Наруз Ахмед и быстро пошел вперед.

9

Телефон на столе зазвонил. Офицер Токандского горвоенкомата укоризненно взглянул на него, снял трубку и, продолжая просматривать раскрытую папку, рассеянно сказал:

- Подполковник Халилов слушает.
- Здравствуй, Саттар. Это я, Шубников.

Папка с шумом захлопнулась, и смуглая рука машинально придвинула аппарат поближе.

- Леонид Архипович! Где же ты пропадал? А я звоню, звоню... Ты мне нужен позарез...

- И ты мне тоже...

- Правда?

- Ну да... Заходи сейчас же, если не очень занят...

- Сейчас буду... Как штык!

Халилов быстро собрал со стола бумаги, папку, запер ящики, застегнул ворот гимнастерки и вышел...

Он шел по городу и думал: зачем он понадобился Шубникову. Халилов любил этого человека еще с тех старых времен. И не только потому, что Шубников спас ему жизнь, когда он, Саттар, волочился, привязанный к конскому хвосту, по пыльной кишлачной улице. Уж если вспоминать, то надо начать с того, что именно Шубников помог ему спасти Анзират.

Но нет, не только из простой благодарности полюбился Халилову этот низкорослый, смуглый малоразговорчивый человек с теплыми карими, в паутинке морщинок глазами. Саттар по-сыновьяму любил его и за то, что Архипыч был прост, любил слушать людей, всегда твердо держал слово, и за меткий быстрый ум, и за душевность, несколько не ослабляющую твердость характера.

Шубников встретил своего приятеля у входа в здание городского отдела.

- Говоришь, позарез? - напомнил он с добродушной улыбкой и, взяв гостя под руку,

повел мимо вахтера в кабинет.

- Да, Леонид Архипович, вот так... - и Халилов провел ребром ладони по горлу. - Я звонил позавчера, вчера, сегодня...

На письменном столе были разложены толстые, аккуратно переплетенные папки с закладками между страницами. На допотопном, внушительном несгораемом шкафу стоял синий кувшин с водой, обернутый мокрым полотенцем. Дюжина жестких стульев чинно выстроилась вдоль двух стен. Над столом висел портрет Дзержинского, а под ним – карта области.

Шубников усадил гостя за шаткий столик, приткнувшийся к большому письменному, как лодочка к пароходу, и уселся напротив.

Халилов развернул носовой платок, вытер влажное лицо.

- Жарко...

- Тебе-то стыдно роптать, - пожурил его подполковник. – Пора привыкнуть. На что я, уралец, и то терплю.

Халилов усмехнулся.

- Во-первых, ты почти такой же уралец, как и я, а во-вторых, тебе известно, у человека уж такой характер: холодно - недоволен, жарко - тоже недоволен.

- Это верно, - согласился Шубников, закурил и протянул папиросы гостю. - А зачем я тебе так срочно понадобился?

Халилов жадно затянулся, заерзал на стуле и сказал:

- Ты помнишь тот проклятый эмирский клинок?..

- Из-за которого погиб твой тесть Максумов? - перебил его Шубников.

- Вот, вот... Он самый... Ведь он попал ко мне.

Брови Шубникова приподнялись. Он привалился грудью на столик и удивленно спросил, глядя в глаза приятеля:

- К тебе? Первый раз слышу!

- Как-то не пришлось рассказать...

- Погоди, погоди... Если мне не изменяет память, этим клинком завладел Наруз Ахмед и увез его на ту сторону.

- Точно. А три года назад клинок пожаловал из Ирана в Узбекистан и попал в мой дом. Тесен мир!

Шубников, покрутив седеющей головой и помолчав немного, потребовал:

- А ну, выкладывай все, да поподробнее!

Халилов охотно рассказал. Клинок подарил ему его дружок, офицер запаса Садыков. И подарил, вернее, не ему, а сыну после успешных вступительных экзаменов в университет. Клинок этот Садыков притащил из Ирана, где ему довелось быть в качестве переводчика. Он выменял его на клыч, тоже неплохой, у иностранца, представителя большого телеграфного агентства.

- Как только сын явился с клинком домой, я сразу узнал его, - закончил Халилов. - Такую штуку трудно забыть.

- Погоди... Этого мало. Мне помнится, что ты видел этот клинок до того, как он попал к старику Максумову и к Нарузу Ахмеду. Ты, кажется, говорил мне что-то...

- Точно, говорил. У тебя хорошая память, Леонид Архипович.

Шубников усмехнулся:

- Была бы хорошая, так не расспрашивал бы. Напомни-ка, дружище, всю эту историю. Ты видел клинок раньше?

- Видел и не раз. Тут любопытная история. Как ты знаешь, я рано осиротел. К десяти годам остался один на белом свете: отец кузнечил на бухарском базаре, повредил себе руку и, как я теперь понимаю, умер от заражения крови. Через год погибла мать с сестренкой при какой-то эпидемии. Знал я, что есть у меня дядя по матери, но где он живет – не мог вспомнить. И вот десяти лет я пошел батрачить. Хлебнул... Года через два я попал в дом Ахмедбека. Не скажу, что жилось мне у него хуже, чем у других. Это было бы неправдой.

Жилось даже получше. Но это не по причине ангельской доброты Ахмедбека. В его бухарском доме всем хозяйством заправлял некий Бахрам. Проворный человек. Он ухитрялся совмещать обязанности и управляющего, и казначея, и телохранителя бека. Со мной был строг, но, как говорится в книгах, справедлив.

- Тот Бахрам, которому ты в суматохе отхватил одно ухо? – прервал рассказчика Шубников.

- Он самый, - подтвердил Халилов и продолжал. - Теперь о клинке. Увидел я это чудо впервые через несколько лет после того, как нанялся к Ахмедбеку. В лучшей комнате дома, называемой по-нашему михманханой, то есть комнатой для гостей, сплошь завешанной и застланной коврами, висел клинок. Я не мог не обратить на него внимания. Во-первых, он поразил меня, нищего мальчишку, своей роскошью. Во-вторых, как все мальчишки, я поклонялся оружию и однажды, не выдержав, залез на тахту и попытался вытащить клинок из ножен, чтобы подробнее рассмотреть. На этом деле меня с поличным поймал Бахрам и так надрал уши, что я до конца дней своих запомнил все украшения на ножнах и рукояти клинка. В заключение Бахрам сказал, что я должен благодарить аллаха, что бек в отъезде, иначе очень просто мне отрубили бы голову этим клинком. Так вот, накануне падения Бухары я увидел клинок в руках моего покойного тестя Умара Максумова. Это был большой мастер, резчик и чеканщик. Слава о нем гремела по всему тогдашнему Туркестану. Клинок принес ему сам Ахмедбек. Его сопровождал Бахрам. Ты спросишь: зачем бек принес клинок Умару? На этот вопрос я не могу ответить твердо. Я выскажу лишь предположение. Ты же знаешь, что такое детская память. Она мгновенно запечатлевает все и хранит вечно. Помню, Умар сидел у своего маленького верстачка и на коленях у него лежал клинок. По одну сторону Умара стоял я, а по другую - крохотная Анзират. Мы, развесив уши, слушали рассказ Умара Максумова о том, какие мастера трудились над изготовлением клинка, как эмир Саид Алимхан подарил его Ахмедбеку. Я слушал, жадно рассматривая клинок, а потом перевел взгляд на верстачок. На краю его я увидел лоскут грубой бумаги с непонятными знаками, цифрами, человеческими черепами. Поэтому я предполагаю, что, возможно, бек заказал Максумову дополнить рисунок на клинке еще какими-то финтифлюшками. Ахмедбек не явился за клинком. Не до этого было. Он сбежал в Афганистан вместе с Саидом Алимханом. В ту ночь эмират пал и в Бухару пришла советская власть. Клинок остался у Максумова, а остальное тебе известно.

- Пожалуй, да, - согласился Шубников, думая о чем-то своем. - Остальное мне известно. То, что ты рассказал, очень и очень интересно.

- Это что, - сказал Халилов. - Я звонил тебе не за тем, чтобы выложить эту старую историю. Главное не в этом...

- Как не в этом? - спросил посерьезневший Шубников. - А в чем?

- А вот послушай... Клинок, с той поры как попал в мой дом, висел на стене в моей комнате. Правда, теперь я припрятал его. Надежно припрятал.

- Припрятал? - недоуменно переспросил Шубников. - Это зачем же?

- Не без причин. Отсюда, Леонид Архипович, начинается новая история. Месяца полтора назад в мое отсутствие в дом пожаловал какой-то тип. Его встретила жена. Он назвался монтером телефонной станции, проверил аппарат, позвонил куда-то, а перед уходом, как бы невзначай, спросил, глядя на клинок: "Не продается?" Анзират даже рассердилась. Тогда он сказал: "Может быть, думаете, я много дать не могу? Так вы не беспокойтесь. За ценой я не постою". Жена еще раз сказала, что клинок не продается. Монтер покачал головой и ушел.

А совсем на днях произошел другой эпизод. Я был на службе, тетушка, как всегда, в поликлинике, а жена дома. Она полоскала белье во дворе, а потом спохватилась, что тетушки слишком долго нет. Обеспокоенная, она решила позвонить в поликлинику и узнать, в чем дело. Когда она поднялась по ступенькам на веранду, из дома выскочил какой-то оборванец, налетел на нее и чуть не сбил с ног. В руке у него был клинок. Анзират не растерялась, бросилась за воров в калитку и стала кричать. Прохожие схватили вора,

отвели в милицию, а клинок вернули нам.

- Забавно! Ты был в милиции? Видел его?

- Был и видел. Парень лет семнадцати, без документов. Сразу распустил нюни. Родом якобы из-под Тамбова. Рассказывает, что на вокзале утром этого же дня его подцепил какой-то прилично одетый молодой человек и уговорил за вознаграждение в две тысячи целковых стащить клинок. Парень согласился. Украденный клинок он должен был передать своему заказчику на привокзальной площади, возле будки с газированной водой, как только стемнеет. Милиция водила якобы вора на место свидания, делала там засаду, но "заказчик" не явился.

- Я думаю... - заметил Шубников, закуривая новую папиросу. - Почему же ты раньше не сказал мне ни слова?

- Почему? Визиту монтера я не придавал особого значения, а когда провалился этот ворог, я сейчас же позвонил тебе. Позвонил, а мне сказали, что ты в Бухару укатил. Так?

- Верно.

- Потом звонил еще, ты уже вернулся из области, но опять укатил куда-то.

- Тоже верно, - согласился Шубников. - Да... Получается занятно... Я никак не предполагал, что клинок вернулся в Узбекистан, а в этом, кажется, и заключается вся суть.

- Какая суть? - недоумевающе осведомился Халилов.

Шубников немного смешался, пожал плечами и, побрякав, сказал:

- Суть?.. Ну, как тебе сказать? Возможно, я не так выразился. Собственно, меня удивило это. Понимаешь?

Халилов ничего не понимал. Он смотрел на подполковника широко открытыми глазами.

- Меня удивило, - попытался Шубников придать ясность словам, - что клинок продолжает путешествовать. Так, видно, ему судьбой предначертано. Подумать только, сколько сменил он хозяев: эмир Саид Алимхан, Ахмедбек, Умар Максумов, Наруз Ахмед, какой-то иностранный корреспондент, потом Садыков и наконец ты. Семь человек. Шутка сказать...

- А почему ты тоже заинтересовался клинком? - спросил Халилов.

Шубников ответил не сразу. Он закурил, подумал, пристально посмотрел на Халилова и проговорил:

- Сейчас объясню. Я тебя вызвал, уж если говорить начистоту, не по поводу клинка. Не в нем дело. Я хотел спросить тебя: помнишь ли ты, каков был собой Наруз Ахмед? Я его плохо себе представляю. Сможешь ли ты описать мне его внешний облик?

- А что?

- Ну вот видишь. Сразу "а что?" - рассмеялся Шубников. - А если без вопросов?

Халилов смущенно улыбнулся:

- Можно и без вопросов.

- Вот так лучше.

- Но я его, мерзавца, помню таким, каким он был в те годы.

- Ничего, валяй!

Халилов постарался обрисовать внешность Наруза Ахмеда и, когда сделал это, все же спросил:

- Интересно, Леонид Архипович, а почему ты вдруг вспомнил об этом проходимце? Ведь когда я подумаю о нем, у меня на сердце нехорошо делается. Ты же знаешь...

- Почему вспомнил? - Шубников пригладил волосы. - Видишь, какая история... Этот Наруз Ахмед натворил в Иране каких-то пакостей, а когда его взяли за холку, он заявил, что является гражданином Советского Союза и его нельзя, дескать, арестовывать. Понял?

- При чем же здесь приметы? - спросил Халилов.

- А как же? Надо проверить, действительно ли это Наруз Ахмед или другое лицо, подставное.

- Хм... Интересно... - заметил Халилов. - Между прочим, когда мне Садыков рассказал, как к нему попал клинок, мне знаешь что пришло на ум? Не является ли эта история психологически тонко и умно задуманной комбинацией.

- Какая история?

- С обменом клинка на клыч.

- Не понимаю, объясни.

- Я имею в виду вот что. Допусти на секунду, что этому корреспонденту позарез нужно было переправить клинок в Советский Союз. Вот он и придумал этот обмен и всучил Садыкову клинок.

- Не могу допустить такой мысли.

- А почему?

- Это равносильно тому, что бросить клинок на дно океана и успокоить себя, что тот, кому он нужен, извлечет его оттуда. Неужели этот корреспондент, если он в самом деле был заинтересован в переброске клинка к нам, не мог придумать ничего более умного? Неужели он не мог отыскать гарантированной оказии? Откуда он мог знать Садыкова? Как он мог быть уверен, что Садыков довезет клинок до Советского Союза? А если бы Садыков поехал из Ирана в Афганистан или в Турцию? А если бы он вздумал продать клинок, как свою собственность? Тогда что бы делал корреспондент?

- А почему ты думаешь, что он не был уверен в том, что из Ирана Садыков поедет в Узбекистан, а не в другое место?

- Шатко и маловероятно. Если бы корреспондент не менял клинок на клыч, а попросил бы Садыкова быть любезным и передать клинок в Узбекистане кому-либо - дело иное. Такие случаи бывали. А в твоей трактовке поступок корреспондента равнозначен поведению человека, который дал в долг крупную сумму денег первому встречному и забыл спросить у него имя и место жительства.

Халилов пожал плечами и промолчал.

- Ну... - Шубников встал. - А припрятав клинок, ты поступил правильно. Спасибо, что зашел. Привет Анзират. Что-то давненько не видел я ее.

- А ты заходи, - сказал Халилов, вставая и подавая руку приятелю.

- Как-нибудь загляну. Джалил дома?

- Нет. По горам лазает.

- Пишет?

- Не часто. Из Памира-то почта нерегулярно ходит.

- Это верно...

Шубников проводил Халилова до выхода и вернулся к себе.

Приободренный, Халилов зашагал в военкомат.

Он остался верен своему давнему решению. Как и мечталось в молодые годы, он посвятил себя военной службе: окончил кавалерийское училище, служил в кадровых частях округа, окончил курсы усовершенствования в Новочеркасске, а всю войну провоявал в кавкорпусе генерала Плиева. Всего пришлось повидать: и радости, и горя. Бывало так, что уж терял надежду увидеть вновь родной Узбекистан. Три тяжелых ранения что-нибудь да значат. Но эти ранения, собственно, и помогли ему вернуться на Родину. В строю оставаться было тяжело, демобилизоваться раненько, и Халилов, согласившись работать в военкомате, получил назначение в Среднюю Азию. Некоторое время служил в родной Бухаре, а потом был переведен в Токанд.

Анзират в то же памятное лето тридцать первого года стала его женой. Вместе с ней к Халилову перебралась и тетушка Саодат, заменившая им обоим мать.

Анзират, увлеченная грандиозными планами и новостройками первых пятилеток, поступила было в текстильный институт, но с техникой почему-то у нее явно не ладилось. После многих сомнений в собственных силах, слез и раздумий она пошла в педагогический институт, жадно набросилась на учебу и окончила институт с отличием. Теперь она преподавала географию в десятилетке и нефтяном техникуме и считала, что

учительство - это высшая и самая благородная профессия в мире.

Халиловы растили сына Джалила - студента Самаркандского университета. Уже второй год он жил вдали от родителей. Вот и сейчас, хотя наступило время летних каникул, Джалил кочевал с группой студентов-практикантов по Памиру. Побыл с недельку дома - и в горы...

Саттар был сейчас в золотом расцвете сил. Время, горькое детство, трудная юность, война не согнули его стан. Выглядел он, как и полагалось старому служаке, стройным, подтянутым. Но глаза с затаенной усталостью, полуприкрытые слегка припухшими веками, черные волосы, чуть тронутые сединой, и две резкие морщины на бронзовом лбу говорили о том, что добрая половина человеческого века уже прожита...

Придя на службу, Халилов позвонил домой. Там было все в порядке. Он вынул бумаги из стола, разложил перед собой и приступил к работе.

10

Икрам-ходжа встретил Наруза Ахмеда во дворе. Впустив гостя, он запер калитку, и они направились к дому, который стоял в глубине двора.

На небе уже выступили звезды.

С огромным нетерпением ожидал Икрам-ходжа прихода Наруза Ахмеда. Пароль - четки - говорил сам за себя: гость от господина Керлинга. В этом не может быть никаких сомнений. Остается пока неясным, кто он: просто посыльный или же лицо доверенное. И главное, откуда гость? С той ли он стороны или здешний? Как он нашел Икрам-ходжу в Токанде? Кто дал ему адрес сестры? Керлинг его не знал. Очень интересно.

От страшного любопытства Икрам-ходжа ощущал зуд во всем теле. Ему хотелось сейчас же забросать гостя вопросами, но он понимал, что это неприлично. Нельзя нарушать устоявшиеся в веках восточные обычаи. Нельзя пороть горячку. Нельзя говорить сразу о деле.

Дворик, где очутился Наруз Ахмед, был полон цветов. Они подступали к самым стенам дома, росли на клумбочках и куртинах, приветливо выстроились вдоль узенькой дорожки.

- Да, у вас здесь шахская оранжерея! - восхищенно воскликнул он.

- Цветы - украшение добрых душ, - скромно отвечив Икрам-ходжа, подводя гостя к супе под яблоней. - Посиди здесь, сын мой! Я пойду распоряджусь.

- Если насчет угощения, то воздержитесь, - предупредил Наруз Ахмед. - Я не так давно обедал.

Старик недовольно отмахнулся и внушительно произнес:

- Не будем отступать от обычаев отцов. Ты - мой гость!

Приложив округлым движением ладони к сердцу, он заторопился к дому и скрылся в темном дверном проеме.

Наруз Ахмед присел на супу, застланную войлоком, положил возле себя сумку, расстегнул пыльный, потный пиджак. Только сейчас он почувствовал усталость и неодолимое желание прилечь. Прилечь, закрыть глаза и забыться. Весь день проведен на ногах - в нервном напряжении, в томительном ожидании. Слава аллаху, что наконец он добрался, нашел...

Дом осветился изнутри. За прозрачной марлей в окнах - защитой от мух и мошкары - задвигались силуэты Икрама-ходжи и его сестры.

Наруз Ахмед лег на спину, уставился глазами в крупнозвездное небо и облегченно вздохнул.

Дневной зной нежно вытесняла ночная прохлада. Где-то в соседнем дворе ворковала горлинка. Воздух был напоен благоуханием цветов и слегка кружил голову.

Наруз Ахмед на секунду прикрыл глаза, и ему сразу почудилось, что он сидит-плывет в

железном самолете. Он быстро поднялся, встряхнулся.

Возле него стоял Икрам-ходжа.

- Назови свое имя, сын мой, - попросил он.

- Наруз Ахмед...

- Наруз Ахмед... - повторил старик и провел по лицу рукой, что-то припоминая. - Кто дал тебе четки?

- Джарчи, - назвал Наруз кличку Керлинга.

- Так я и думал. Давно?

Наруз Ахмед сказал когда.

Икрам-ходжа кивнул. Все ясно. Подробности можно выяснить потом.

- Пойдем в дом, - пригласил он гостя.

Наруз Ахмед взял сумку и разбитой походкой потащился за Икрамом-ходжой.

В комнате, обставленной по-восточному, у низенького квадратного стола, застланного цветной скатертью, хлопотала старая женщина. Она даже не взглянула на чужого человека, будто его и не было здесь. Ловкими движениями она вынимала из медного таза с водой тяжелые кисти винограда и, стряхивая их, укладывала на большое серебряное блюдо.

Выложив виноград, она молча удалилась.

Наруз Ахмед проводил ее взглядом.

- Моя сестра, - пояснил Икрам-ходжа. - Ты можешь чувствовать себя здесь, как в родном доме.

Едва заметная усмешка искривила губы Наруза Ахмеда. Родной дом! Он забыл уже, что такое родной дом. Забыл, что когда-то имел его и не ценил. А теперь само слово "родной" звучит как-то раздражающе.

Стол был уставлен едой, да такой, о которой за все эти годы Наруз Ахмед мог разве только мечтать. Здесь были холодная баранина, отварной цыпленок, колбаса "казы", свежий овечий сыр, густые сладкие сливки, пышные белые лепешки, бархатистые персики, яблоки-скороспелки с красной щечкой, куски ароматной дыни, виноград с черными до синевы ягодами, хорошо вызревшие, точно налитые воском груши.

Сели за стол, подобрав под себя ноги.

Икрам-ходжа поставил перед собой и гостем по пиале и налил в них что-то из фарфорового чайника.

Наруз Ахмед взял свою пиалу с голубой каемочкой по краю, поднес ко рту, понюхал и с усмешкой заметил:

- В прежние времена кок-чай имел другой запах и цвет...

Глаза хозяина превратились в узенькие щелочки, пухлые щеки затряслись.

- Такие встречи бывают редко, - благодушно проворковал он. - Аллах не разгневается, если мы разрешим себе выпить этот кок-чай.

Оба выпили. Наруз Ахмед крикнул. Икрам-ходжа забился в мелком кашле и замахал руками.

Оросив трапезу доброй дюжиной глотков крепкого "кок-чая", они запили ее настоящим зеленым чаем и, отяжелевшие, отвалились от стола.

Для Икрама-ходжи еда являлась услугой жизни. Он знал толк в этом деле. Тот час, когда он насыщался, был самым блаженным для него. Поев, он поудобнее и помягче усаживался, полузакрыв глаза, и думал о чем-нибудь приятном, не волнующем сердце. Не отступил он от своих правил и сейчас. Хозяин и гость расположились у стены на разостланных на полу стеганых одеялах. Старик предупредительно подложил за спину гостя несколько подушек, обложился ими сам, сладко потянулся, зевнул и полуприкрыл глаза. Неплохо бы и вздремнуть, но сегодня не до этого. Надо поговорить о деле. Пока Икрам-ходжа соображал, с чего бы начать разговор, Наруз Ахмед предупредил его. Он достал из сумки несколько тугих пачек сторублевок, бросил их на колени старика и коротко сказал:

- Вам. От Джарчи.

Икрам-ходжа сгреб деньги и, не пересчитывая, сунул их под одеяло.

- Почему прервалась связь? - тихо спросил Наруз Ахмед.

Старик вздохнул и развел руками. Он в этом не виноват. Да и никто не виноват. Просто не повезло. Его человек хранил радиостанцию в дупле старой вербы, в нескольких километрах от Бухары. А весной во время грозы в вербу ударила молния. Рация сгорела.

Наруз Ахмед покачал головой: надо же такому случиться!

- А Джарчи бог знает что передумал, - сказал он.

Старик сокрушенно развел руками.

Гость опять наклонился над сумкой и извлек коробку из-под табака "Золотое руно". Подняв крышку, он подал ее Икраму-ходже.

Брови Икрама-ходжи удивленно поднялись. Он взял в руки коробку и с недоумением посмотрел на гостя.

- Радиопередатчик. Новейшей конструкции. Шедевр, - пояснил Наруз Ахмед. - Джарчи сказал, что радист у вас - смысленный парень, разберется в этой механике...

"Значит, о Гасанове он тоже осведомлен, - мелькнуло в голове старика. - Кажется, он не просто посыльный. Керлинг, вероятно, и обо мне рассказал ему все".

Бережно держа рацию обеими руками, тяжело отдуваясь, Икрам-ходжа встал, вышел из комнаты и вернулся через несколько минут.

- Я был в Бухаре, - сообщил Наруз Ахмед. - Познакомился с вашей женой. Она мне объяснила, как вас найти.

"Здорово! - подумал Икрам-ходжа. - Человек расторопный, что и говорить".

- А как с клинком? - как бы между прочим поинтересовался гость.

- Из-за этого клинка я и торчу здесь с самой весны. И радиста притащил с собой.

Наруз Ахмед одобрительно кивнул и спросил:

- Кстати, что это за парень, с которым вы обменялись сегодня несколькими словами на рынке?

- Это радист Гасанов. А ты видел? - спохватился старик.

Наруз Ахмед улыбнулся.

- Если бы не видел, то не спрашивал бы.

- И заметно было, что мы разговаривали? - забеспокоился Икрам-ходжа.

- Для меня - да. Я шел за вами от самого дома и наблюдал за каждым вашим движением. Но для других - не думаю.

Икрам-ходжа сыто рыгнул и вздохнул. Расторопный человек, слов нет. Керлинг знал, кого посылать.

- Вы не сказали мне о клинке, - напомнил Наруз Ахмед.

- Плохо... Пока плохо. Я сообщил, что вещь находится у подполковника Халилова, но добраться до нее никак не удастся.

- Пытались?

- Сейчас я все расскажу...

Наруз Ахмед, скрывая волнение, выслушал Икрама-ходжу. Рассказчиком тот был, по правде говоря, неважным: говорил нудно, длинно, повторялся. И притом как-то странно: губы его при этом почти не шевелились. Наруз Ахмед едва сдерживал раздражение.

- С монтером неплохо придумано, - заметил он, когда Икрам-ходжа наконец кончил рассказ. - А вот последний ход был слишком рискованным.

- Без риска не обойтись... Разве ты не рисковал, пробираясь сюда?

- Это другое дело.

- Наша жизнь, сын мой, в руках аллаха...

- Вор мог потащить за собой и вас.

- Меня? Ну уж нет. За каждого дурака я отвечать не намерен. Ни я его, ни он меня в глаза не видели.

- А Гасанов?

- Что Гасанов? Ему тоже бояться нечего. Он видел вора один раз, себя не называл,

назначил ему встречу, а когда все провалилось, - не явился.

- А как вы узнали, что все провалилось?

Икрам-ходжа объяснил: Гасанов наблюдал за домом Халилова, и задержание вора произошло на его глазах.

Наруз Ахмед задумался. Все это не так, грубо, похищать клинок нельзя: не надо привлекать к клинку ненужного внимания. Пусть им владеет Халилов. В конце концов важен не клинок, а надпись на нем. Ведь в ней все дело. А надпись тот же Гасанов мог бы уже списать. Напрасно Керлинг умолчал об этом, давая задание старику. Он опасался, видимо, что старик сам воспользуется тайной. Но это совершенно исключалось. Надпись сама по себе еще не открывает тайны. Надо знать, как ее расшифровать... Теперь надо как-то сказать Икраму-ходже о знаках на клинке, но так, чтобы не возбудить в нем излишней заинтересованности... О такой возможности было заранее договорено с Керлингом.

Помолчав, Наруз Ахмед сказал старику, что охота ведется не за самим клинком, а за некоей надписью на нем.

Икрам-ходжа давно уже искал ответа на вопрос, почему вдруг Керлингу понадобился какой-то клинок, а потому прежде всего спросил:

- Какая же тайна кроется в надписи?

Подобный вопрос и Керлинг и Наруз Ахмед предвидели. Ответ на него был придуман заранее. Наруз Ахмед с готовностью сообщил, что клинок одно время принадлежал видному иностранному разведчику, который во время последней войны часто бывал в Средней Азии и вел здесь работу. Важные материалы, чертежи, зашифрованные списки людей, адреса, явки и прочее он по вполне понятным причинам не мог хранить при себе и спрятал в надежном, безлюдном месте. Местонахождение этого тайника он зашифровал на всякий случай в виде художественной резьбы на клинке. Внезапно покидая Среднюю Азию, разведчик не смог добраться до тайника, но вывез с собой клинок. Теперь возникла острая нужда в оставленных материалах. Их надо отыскать и обязательно вывезти. Разведчик, о котором идет речь, занимает сейчас видный пост, и Джарчи зависит от него. Джарчи он и поручил организовать всю операцию.

Икрам-ходжа доверчиво принял эту легенду, но кое-что было ему не совсем ясно.

- Почему только теперь этот видный господин хватился материалов? - спросил он. - Я понял, что он покинул Узбекистан в годы войны.

Наруз Ахмед не полез в карман за объяснениями.

- Тут целая история, - стал сочинять он. - Будучи в Иране, разведчик остановился в каком-то кишлаке. Он заболел - тяжелый приступ лихорадки - и вынужден был несколько дней проваляться в постели. И в эти дни у него украли клинок. Вскоре же вор был задержан. Он оказался курдом, жителем кишлака. Но клинка при нем уже не было. Он признался в краже и назвал имя человека, которому продал украденную вещь. Это был владелец антикварного магазина в Тегеране. Быстро отыскали и хозяина магазина. Прижатый полицией, он сознался, что да, клинок он купил, но сейчас же перепродал его одному европейцу. Стали искать европейца. И этого нашли! Но клинка и у него не было. Клинок он выменял на клыч уже известному Икраму-ходже Садыкову. А вот Садыкова пришлось разыскивать очень долго. Помог в этом тегеранский ошханщик, который знал отца Садыкова, его самого и который сказал, что Садыков живет в Бухаре.

- Вот как было дело, уважаемый Икрам-ата! - закончил Наруз.

Старик поверил и в эту историю. Помолчав немного, он высказал то, о чем уже думал Наруз Ахмед:

- Господин Джарчи допустил ошибку. Надо было сразу сообщить мне, что нужна надпись, а не клинок. Надпись давно была бы у меня. Мы напрасно потеряли много времени...

- Вы правы, уважаемый, - согласился Наруз Ахмед. - Ошибку надо исправить и поскорее скопировать надпись. Этот путь более легкий и менее опасный. Сколько человек

живет в доме Халилова?

- Трое: он, жена и тетка жены.

- А сын? Вы говорили, что у него есть сын?

- Я правильно говорил. Сын есть, но он сейчас в Памирских горах.

- Квартира отдельная?

- Отдельный дом. Вход с улицы и через двор.

Наруз Ахмед потер лоб.

- Что ж, давайте думать...

- Завтра будем думать!

- Почему? Что мешает сегодня?

- Во-первых, ты устал, тебе надо отдохнуть, а во-вторых, дело может обернуться так, что клинок завтра окажется в наших руках.

- Это каким же образом? - оживился Наруз Ахмед.

Старик сообщил, что завтра утром будет предпринята третья попытка овладеть клинком, Гасанов подыскал нового человека, более надежного, чем первый, и тот согласился проникнуть в дом и вынести клинок.

Наруз Ахмед нахмурился:

- Стоило ли прибегать к уже использованному и не оправдавшему себя приему? Ведь Халилов и без того уже насторожен. Он может сразу сообразить, что в клинке что-то кроется... Опасно. Очень опасно!

Икрам-ходжа пожал плечами. Другого выхода он не видел. Виноват не он, а Джарчи.

- Я и не виню вас, уважаемый Икрам-ата, - примирительно сказал Наруз Ахмед. - Вы поступили так, как должны были поступить. Но план надо изменить...

- Поздно, - сердито ответил Икрам-ходжа. - Я до двенадцати часов завтрашнего дня не смогу уже увидеть Гасанова, а он не сможет предупредить вора.

- Жаль... Очень жаль...

Наруз Ахмед понял, что дальнейшие разговоры излишни и остается одно - ждать.

Икрам-ходжа вздохнул и поднялся с подушек.

- Ты останешься здесь. Сестра моя как глухонемая. Она умеет молчать и ничего не замечать. У нее есть муж, но он уже не человек и скоро покинет грешную землю. Пойдем-ка, я покажу тебе свою комнату.

Наруз Ахмед встал. Они прошли коридором и через низенькую дверь вступили в полный мрак. Но вот щелкнул выключатель. Наруз Ахмед огляделся. Они стояли в просторной квадратной комнате с одним окном, выходящим в сад. Здесь как бы уживались две эпохи: феодальная и современная. Вдоль стены разместились две односпальные никелированные кровати, застланные шелковыми покрывалами, мягкий диван и белоснежный холодильник. Посредине стоял круглый стол под бархатной скатертью, с хрустальным графином на нем. В углу виднелась тумбочка с радиоприемником "Нева" и два кресла. С потолка, закрывая стены, спускались старинные, ручной работы ковры. Толстый ковер был разостлан на полу.

- Ну и ну! - pokrutil головой удивленный Наруз Ахмед.

- Это и будет нашим убежищем, - самодовольно объявил Икрам-ходжа. - Здесь уж не так плохо.

- Хоп! - выразил свое удовлетворение Наруз Ахмед, сбросил с себя пиджак и начал стягивать сапоги. - Когда у вашего парня сеанс по расписанию?

- Вот уж этого я не знаю. А что?

- Надо уведомить Джарчи. Он, пожалуй, занес меня в список покойников.

- Почему?

- Самолет, из которого я выпрыгнул, подбили. Он упал и сгорел.

- Ай-яй-яй!.. - ужаснулся старик. - Хорошенькое дело!

- Задержись я минуты на три-четыре, и мы бы не сидели сейчас здесь.

- Значит, ты родился под счастливой звездой. Срок твой еще не подошел.

- Выходит, что так. А с радистом вы встретитесь завтра?

- Да, в двенадцать.

- Отлично. Передайте ему рацию и телеграмму, Дайте мне листок бумаги. Карандаш есть.

Икрам-ходжа достал из тумбочки под радиоприемником стопку почтовой бумаги и подал гостю.

Наруз Ахмед, разутый и раздетый, сел за стол, набросал текст радиограммы и подал листок Икраму-ходже.

- Теперь дело за вами, - сказал он. - Джарчи предупредил меня, что шифром владеет ваш радист, а кодом - вы. Я пишу от вашего имени. Так велел Джарчи.

Старик пробежал текст глазами и вышел из комнаты. Вернулся он с книгой в руке. Сев за стол, он положил перед собой радиограмму и раскрытую книгу, надел очки и стал писать.

Закодированная им радиограмма выглядела так:

"Ваш младший брат жив и здоров. Четки и патефон получил. Голубя, подаренного вами, заклевал коршун. То, что вы просили, еще не купил, но уже подыскал. Пугает высокая цена. Надеюсь уговорить владельца. Привет от меня и моего блудного сына вам и Москве".

Икрам-ходжа прочитал несколько раз написанное, свернул листок и спрятал под стельку своего башмака. Потом подошел к розетке и выключил свет.

11

Без нескольких минут двенадцать Ирмат Гасанов появился в сквере, разбитом против городского почтамта. В этот знойный и душный полуденный час сквер пустовал. Гасанов выбрал скамью, защищенную густой травой, сел на нее, раскрыл книгу и стал читать.

С небольшим опозданием в сквер пришел Икрам-ходжа. Он прошелся по одной аллее, перебирая четки, затем по другой и наконец опустил свое многопудовое тело на скамью, рядом с Гасановым.

Тот посмотрел искоса на своего духовного наставника и продолжал читать.

- Рассказывай! - предложил ему Икрам-ходжа.

- Ничего не получилось, - проговорил Гасанов, не отрывая глаз от книги. - Клинка он не нашел. Облазил два шкафа - книжный и платяной, обыскал письменный стол, посмотрел под матрацами дивана и кроватей - нигде. Быть может, Халилов спрятал клинок во дворе?

- Не знаю, - бросил старик. - А как все прошло?

- Удачно.

- Этого мало. Скажи, как это удалось ему?

- Парень он ловкий. Перед рассветом, еще затемно, пробрался в сад, засел в малиннике, дождался утра и стал наблюдать. Когда в доме осталась одна старуха, он начал действовать. И очень хитро. Он заранее подкупил трех мальчишек, и те дежурили за стеной сада. Как только старуха показалась во дворе, он подал сигнал мальчишкам, и те с трех сторон полезли через забор к яблокам. Старуха начала гоняться за ними, а он в это время занялся домом. Я сидел в засаде на улице и видел сам, как он вышел со двора через калитку.

- Ничего в доме не взял?

- Нет, я его предупредил.

- Следов не оставил?

- Говорит, что все в порядке, комар носа не подточит.

- Ты с ним расплатился?

- Расплатился. Он уже уехал.

Икрам-ходжа положил на скамью, поближе к Гасанову, сверток, который держал в руке, и сказал:

- Прихватишь с собой. Это новый патефон. Внутри письмо. Заделай его и при первой же возможности передай. Каждое утро подходи к трансформаторной будке, что около рынка. Как увидишь крест, поставленный мелом, знай, что в полдень этого дня я приду к мосту через головной арык. А теперь иди!

Гасанов захлопнул книгу, взял сверток и удалился.

Он привык слушаться старика и беспрекословно выполнять все его указания. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что Икрам-ходжа не терпел пререканий, а с другой, тем, что Гасанов, хотя и не любил старика, но боялся и слушался. Повиновался потому, что Икрам-ходжа проявлял о нем отеческую заботу, потворствовал во всем, не жалел для него денег, никогда не выругал бранным словом. Старик был строг, сух, но не груб. Но, пожалуй, больше всего Гасанов уважал старика за деловитость и осторожность. К его действиям нельзя было придираться. Он никогда - ни здесь, ни в Бухаре - не встречался с Гасановым дважды на одном и том же месте, а каждый раз избирал новое. Он никогда не тратил на беседу, о чем бы в ней ни шла речь, более трех-пяти минут. Он умел высказать все в нескольких коротких фразах. В том случае, если обусловленные встречи по каким-либо причинам срывались, что бывало нечасто, Гасанов не предпринимал никаких шагов к налаживанию связи. Об этом заботился сам Икрам-ходжа. Гасанов получал открытое письмо, написанное женским почерком, в котором какая-то "девушка" назначала свидание. Случалось, что он наталкивался на старика в таком месте, где и не думал с ним встретиться.

Люди, мало знавшие Гасанова, затруднялись определить его национальность. Это и в самом деле было не так просто. В жилах Гасанова смешалась кровь татарина, русского, узбека и осетина. Его отец был наполовину татарин, наполовину русским, а мать - дочь осетинки и узбека.

Родился Гасанов в Ташкенте, где жили его родители, там же он окончил и среднюю школу. Военскую службу отбывал в войсках связи, где получил профессию радиста.

Беспорядочная жизнь родителей мало способствовала правильному воспитанию Гасанова. В доме шли крупные нелады. Отец неоднократно уходил из дому к другим женщинам и неоднократно возвращался обратно. Между ним и матерью постоянно происходили безобразные ссоры, нередко заканчивавшиеся драками, в которые вмешивались соседи. Мать пыталась однажды отравиться, но, видимо, несерьезно, так как из этого ничего не вышло. Потом она уехала на курорт и не вернулась. Спустя полгода она написала сыну, что нашла хорошего человека и связала с ним свою судьбу. Гасанов равнодушно принял это сообщение: за его короткий век он немало перевидел и отцовских, и материнских "новых друзей". Отец тоже не горевал. Уже через два дня он привел в дом какую-то женщину, всего на два года старше сына.

Вполне понятно, что жизненные устои парня, выросшего в такой обстановке, были не очень прочны. И его взгляды на жизнь не отличались благородством. Юноша отлично понимал, что отец чувствует себя перед ним неловко, и злоупотреблял этим. Он высасывал из отца деньги, наотрез отказался держать экзамен в техникум и жил так, как ему хотелось. Встреча с некоей Жанной, девицей ловкой и энергичной, определила дальнейшую судьбу Ирмата. Он покинул родительский дом и перебрался в Одессу.

Началась разгильдяйская, "свободная", бесконтрольная жизнь.

Скоро они с Жанной завязали широкие бульварные и ресторанные знакомства с людьми неопределенных занятий, со львами танцплощадок и дельцами черного рынка. Вся эта накипь подхалимски крутилась вокруг боцманов и буфетчиков с иностранных пароходов, бросавших якорь в одесском порту. Эти дельцы выклянчивали и скупали все - от жевательной резинки и плохих турецких сигарет до джазовых пластинок, поношенных галстуков, отрезков и нейлоновых чулок. Было бы заграничное! Наиболее "солидные" скупали валюту, косметику и вещи посерьезнее. Все это перепродавалось втридорога в темных подъездах любителям чужеземного из числа курортников и приезжих "знатоков". У Ирмата и Жанны стал определяться более или менее постоянный круг клиентов. Тут были и эстрадники с известными именами, и женщины, ставящие целью своей жизни не

отстать от зарубежных "мод", и просто прожженные спекулянты. Потом Жанна неожиданно исчезла. Гасанов стал оперировать один, продолжая жить в доме Жанниной тетки. Он сделался завсегдатаем второразрядных ресторанов и потаенных шинков. Деньги, легко приходившие в его руки, так же легко уходили. Но это не смущало Гасанова. Он не затруднял себя мыслями о будущем.

Два месяца спустя после исчезновения Жанны Гасанова едва не схватили за руку. Кое-кому стали известны не только обстоятельства, но и причины исчезновения Жанны. Более того, был обнаружен труп Жанны, упрятанный в катакомбах. Случилось это в конце сорок седьмого года. Перед Гасановым недвусмысленно замаячил призрак тюрьмы. Но свет и Одесса не без добрых людей. Нашлась "настоящая человеческая душа"; Гасанова спасли, но это обошлось ему недешево. Условия были поставлены ясные и неумолимые: немедленно распрощаться с Одессой, перебраться в далекую Бухару, отыскать старика Икрама Ашералиева и делать то, что он прикажет.

Вместе с условиями Гасанов принял на руки и портативную коротковолновую приемно-передаточную радиостанцию, вмонтированную в небольшой проигрыватель для патефонных пластинок.

Через две недели он уже был в Бухаре. И жизнь пошла вновь не так уж и плохо. Благодаря заботам Икрама-ходжи Гасанов получил должность ответственного исполнителя одной из артелей по ремонту радиоаппаратуры. В чем состояли его обязанности, он и сам толком не знал. Должность ничего не требовала от него и не возлагала никакой ответственности. Гасанов располагал своим временем, как хотел. Если он и появлялся раз в месяц на службе, то лишь затем, чтобы расписаться в зарплатной ведомости, хотя ни разу эту зарплату на руки он не получал. Она шла кому-то другому.

В Бухаре на имя Гасанова была зарегистрирована как его собственная автомашина "Москвич", которая в действительности принадлежала Икраму-ходже. "Москвич" служил большим подспорьем в той широкой деятельности, которая развернулась под оперативным руководством Икрама-ходжи.

Пользуясь просчетами в работе государственной и кооперативной торговой сети, Гасанов по указаниям Икрама-ходжи курсировал на машине по республике. Он принимал из рук определенных людей товары, имеющиеся в изобилии в одном городе, и перебрасывал их в другой, где из-за них люди толпились в очередях.

Гасанов успел и в Токанд привезти из Ташкента партию чехословацкой обуви, несколько тюков шерсти, ящик с импортной краской в порошке для одежды и ткани, нитки мулине для вышивания, а из Катта-Курганского водохранилища - центнер свежей рыбы на льду.

Сам Гасанов не покупал и не продавал. Его обязанности ограничивались получением, переброской и сдачей товара в определенные руки. Тут сказывалась строгая и продуманная система Икрама-ходжи.

Сейчас, получив задание от Икрама-ходжи, Гасанов заторопился домой. Он знал суровый нрав старика и выполнял его распоряжения беспрекословно, точно и в срок. На этот раз ему самому хотелось побыстрее узнать, что за коробку передал Икрам-ходжа.

Дома он тщательно конспирировался, хотя хозяева были люди надежные, связанные со стариком общими коммерческими делами.

Гасанов переоделся, захватил с собой сверток и под предлогом того, что "Москвич" стал хандрить, полез в машину. Захлопнув дверцу, он развернул сверток. В нем оказалась крохотная радиостанция, вмонтированная в табачную коробку "Золотое руно".

- Наконец-то, - пробормотал радостно Гасанов. - Теперь мы поработаем...

Токанда жил со своей семьей подполковник Халилов.

Его небольшой дом из красного кирпича смотрел на улицу одной дверью и четырьмя большими окнами. С трех сторон темно-зеленой рамкой его обрамлял сад, а с четвертой, по фасаду, - палисадник.

Было утро. Жена Халилова Анзират сидела в спальне перед зеркалом и укладывала свои тяжелые косы. Закончив прическу, она приблизила лицо к зеркалу, провела несколько раз пальцами по предательским морщинкам у глаз, собравшимся в лучики, и тяжело вздохнула.

В зеркале отражалось уже немолодое, смугловатое, но еще сохранившееся лицо с яркими красивыми чертами. Анзират была в той печальной для каждой женщины поре, когда ее уже покинули свежесть, молодость и пришла зрелость: подкрались морщинки, растолстели руки, наметился второй подбородок...

В комнате хлопотала старая тетушка Саодат. Бесшумно ступая мягкими туфлями, она обходила расставленные по углам стулья и стирала с них пыль. Это было ее обычное занятие, когда Анзират оказывалась дома и тетушке хотелось поговорить с племянницей.

- От Джалила опять ничего нет? - спросила она как бы невзначай.

- Да, ни строчки... Я уже начинаю беспокоиться.

- Вот и напрасно. Что с ним станется? В горах тихо...

- А сами, тетушка, вы каждый день напоминаете об этом.

- Правильно, напоминаю. Сын не должен забывать родителей. Он должен писать каждую неделю.

Стук в дверь прервал разговор.

- Никак кто-то пришел? - оживилась тетушка Саодат. - Может, почтальон? - и она мелкими шажками вышла из спальни.

Анзират посмотрела на стенные часы: половина десятого. Городская библиотека уже открылась. Надо сходить и обменять прочитанные книги. Но какой же книгой интересовался Саттар? Конечно, забыла. А ведь он говорил вчера и сегодня, уходя на работу, напомнил, просил даже записать фамилию автора и название книги. И вот забыла. Понадеялась на память. Придется позвонить Саттару на службу.

В столовой послышались шаги и тихий разговор.

- Доченька! К нам пришли, - через дверь окликнула племянницу старушка.

Анзират быстро встала, и тяжелые серьги в ее ушах закачались. Она еще раз оглядела себя в зеркало и прошла в столовую.

Там ее ждала стройная девушка лет двадцати двух-трех, высокая и крепко сложенная.

- Здравствуйте, - сказала она, широко улыбаясь.

- Здравствуйте, - ответила Анзират, с любопытством разглядывая неожиданную гостью.

Девушка была одета отнюдь не для визита: на ней была спортивная майка и спортивные из черного сатина просторные шаровары. На ногах - теннисные туфли, окаймленные широкой лентой коричневой резины. В руке - видавший виды чемодан.

- Простите, что я в таком виде, - смущенно пробормотала она. - Я приехала семичасовым поездом.

- А, собственно, по какому делу вы ко мне? - поинтересовалась Анзират.

- Мне сказали, что вы сдаете комнату одиноким, а я совсем одна... Я пробуду в Токанде не больше...

- Кто же вам сказал, что у нас свободная комната? - не очень приязненно осведомилась Анзират.

- Ваши соседи...

- Это какие же соседи? - недоверчиво переспросила Анзират.

- А вот что рядом с вами. Такая полная женщина, Наталия Петровна. Мне дали ее адрес, сказали, что комнату сдает она. Но я опоздала, она уже сдала месяца два назад студентам-практикантам. Вот я и спросила, нет ли где поблизости, мне очень ваш дом понравился - уютный такой с виду. Она посоветовала обратиться к вам. Правда, предупредила, что вы собираетесь сдавать комнату знакомым людям. Но я рискнула зайти...

Закончив эту длинную речь, девушка вынула из кармана шаровар крошечный кружевной платочек и вытерла лоб, как после трудной работы.

- А как вас зовут? - спросила Анзират, все еще не приглашая гостью садиться.

- Людмила Николаевна. Можно просто - Люда... - и девушка мило улыбнулась.

Анзират сердито блеснула глазами на тетушку Саодат, которая делала вид, будто ничего не слышит.

- Скажите, откуда вы приехали? - поинтересовалась Анзират.

Девушка с готовностью сообщила, что из Ташкента, что она инструктор физкультуры и командирована сюда на отборочные соревнования к республиканской спортивной олимпиаде.

- Родители мои в Чкалове живут, а в Ташкенте я тоже комнату снимала с подругой... - закончила она.

Анзират выслушала все это рассеянно, будто думая о чем-то своем.

- Ну, что же... - сказала она нерешительно. - Комнату мы, правда, сдавали, но очень близким знакомым. Знаете ли, когда сын уехал учиться, пусто в доме стало. И вот моя тетушка Саодат затеяла эти дела с комнатой; пустим и пустим кого-нибудь из молодежи, дом без молодого - могила. Затееяла разговоры на эту тему с соседками. Но мы еще не решили окончательно... Право, не знаю как...

На лице девушки появилось растерянное, огорченное выражение. Она неловко, просительно улыбнулась.

В дело решительно вмешалась тетушка Саодат. Она ласково взглянула на девушку и шумно захлопотала.

- Да что же ты стоишь, доченька, садись, отдохни. Ведь с дороги, прямо с поезда. Мать-то, наверное, беспокоится, все думает: "Хоть бы нашла моя Люда угол у хороших людей". Ах, как трудно теперь с молодежью: разъезжают себе по городам, по чужим людям живут, без материнского присмотра. Садись, садись, сейчас чай будем пить...

Анзират весело рассмеялась, глядя на засуетившуюся тетушку, и примирительно сказала:

- Ну, наша тетушка, кажется, уже решила. Давайте, правда, чай пить. А пока - посмотрим комнату, может, она вам и не понравится, - и она еще раз внимательно, по-женски, взглянула на гостью.

Продолговатые, тревожно мерцающие зеленоватые глаза девушки оживились. Порозовели чуть выдающиеся скулы. Она облегченно опустила тонкие брови с изломом. Ее нельзя было назвать хорошенькой, но она определенно была недурна, несмотря на по-мужски крепкие руки и слишком широкие плечи. Даже крепкий, чуть подвижной подбородок не лишал эту девушку с высокой грудью женственности и своеобразного очарования.

Анзират провела ее в комнату сына, пустовавшую уже долгое время. Людмила Николаевна поставила на пол чемодан, обвела комнату быстрым взглядом, посмотрела в окно, выходящее в сад, и воскликнула:

- Чудесно! А чья это кровать?

- Сына... А теперь ничья.

- Чудесно! - хлопнула в ладоши Людмила Николаевна, стала пробовать рукой сетку кровати, а потом уселась на нее.

Тетушка Саодат стояла у порога и, улыбаясь, наблюдала за Людмилой Николаевной.

Анзират, между тем, думала: "Сейчас попросит показать ей остальные комнаты и заинтересуется клинком. Непременно".

Но девушка пока не проявляла этого желания.

- Нравится комната? - спросила у нее Анзират.

- Очень.

- Но я должна предупредить вас, - сказала Анзират. - Комната имеет свои неудобства. Чтобы не проходить через наши комнаты, сын обычно пользовался вот этим ходом с

улицы. И во двор можно ходить с улицы, а не через наши комнаты.

- Это пустяки. Мне же не век здесь жить. А можно мне посмотреть двор?

- Почему же? Пожалуйста. Тетушка, проводите Людмилу Николаевну.

Когда гостя в сопровождении тетушки удалилась, Анзират быстро прошла в комнату мужа и бросилась к телефону.

Услышав в трубке голос мужа, Анзират скороговоркой выпалила всего пять слов:

- Это я. Немедленно приходи... Квартирантка...

Не ожидая ответа, она положила трубку, и из ее груди вырвался облегченный вздох: так лучше. Пусть Саттар сам ее увидит и договорится.

Тетушка с Людмилой Николаевной вернулись.

- У вас чудный сад, - восхищенно затараторила девушка. - В нем так хорошо, что я, кажется, согласилась бы жить в саду. Вы, наверное, много внимания уделяете саду. Я буду вам помогать.

Анзират закивала головой и пригласила гостью в столовую. Ее надо было удержать до прихода мужа во что бы то ни стало. Тетушка Саодат вышла хлопотать насчет чая.

В поведении Людмилы Николаевны чувствовалась ненаигранная скромность, а в движениях какая-то порывистость. Она часто встряхивала своими густыми, коротко остриженными, отливающими золотинкой кудрями. Ломким голосом, смущаясь, она спросила:

- А сколько мне придется платить за эту комнату?

- Двадцать семь рублей.

- Что?

Анзират повторила и сдержала улыбку. Непосредственность девушки начинала нравиться ей.

- Почему так мало? - спросила удивленная Людмила Николаевна. - Мне даже по командировке полагается пять рублей в сутки квартирных.

- Мы берем за нее столько, во сколько она нам обходится.

Девушка недоверчиво покачала головой:

- Редкий случай в наше время. Вы не шутите?

Теперь и Анзират наконец улыбнулась,

- Конечно, не шучу. Дом жактовский, и зарабатывать на коммунальной жилплощади мы не намерены. И к тому же комната сдается временно, до возвращения сына.

- Прямо не верится, неудобно как-то... - повторила Людмила Николаевна. - Я в Ташкенте плачу за комнату двести рублей, но она вдвое меньше вашей, да к тому же еще проходная. Мне тут будет очень хорошо. Полы мыть я умею, стирать тоже. Питаться буду в столовой у нефтяников.

- А вы в Токанде впервые? - полюбопытствовала Анзират.

- Первый раз. А вообще-то я много путешествовала.

Людмила Николаевна рассказала, что ей довелось побывать и на севере, и на юге, что она легко привыкает к любому климату: с семи лет ничем не болела, а все потому, что регулярно занимается спортом. Она любит коньки, лыжи, волейбол и плавание. Но больше всего – снарядную гимнастику. По гимнастике она имеет второй всесоюзный разряд.

Хлопнула дворовая калитка, послышались гулкие шаги на веранде. Женщины выжидающе повернули головы к двери. В комнату вошел подполковник Халилов.

- О! Да у вас гостя! А я на одну минутку. Опять забыл ключи от стола. Придется, видимо, привязывать их к поясу.

Халилов направился было в свою комнату, но Анзират остановила его:

- Вот и хорошо! Ты очень кстати, - и повернулась к девушке. - Это мой муж. Познакомьтесь.

Людмила Николаевна встала.

- А почему я кстати? - спросил Халилов жену.

- Людмила Николаевна пришла к нам снимать комнату.

- Ах, вот что! - проговорил Халилов и тоже сел за стол. - Ну и чудесно. Откуда же и каким ветром занесло вас в наши края?

Девушке пришлось снова все рассказывать.

- Значит, будете в нашем Токанде отбирать легкоатлетов на олимпиаду? Хорошее дело, - одобрил Халилов. - Физкультурников в нашем городе много, а болельщиков еще больше. Один из них - ваш покорный слуга. А комнату-то смотрели? Понравилась?

- Очень! О такой я и не мечтала. Конечно, я могла бы остановиться в гостинице, в общежитии. Но шумно там очень, а вечером почитать хочется, одной побыть. Отдельный номер, мне сказали, могут дать, но стоит он двадцать рублей в сутки. Не шуточки! Интересно, для кого такие цены назначают, если квартирных платят при командировке в Токанд пять рублей?

Халилов усмехнулся:

- По этому вопросу надо обращаться к министру финансов. Ну, а на чем же вы столковались? - обратился он к жене.

- Я не возражаю, - сказала Анзират, вопросительно глядя на мужа.

- Значит, быть по сему, - заключил он.

- Ой, как хорошо! - обрадовано воскликнула Людмила Николаевна и, глядя на Халилова, рассмеялась залихватно, звонко, по-детски. - А я вас так испугалась! Ну, думаю, пришел злой, сердитый, сейчас скажет: - Никаких квартирантов!

- Вы сколько намерены прожить у нас? - поинтересовался Халилов.

- Месяца четыре, не меньше.

- Ага... Замечательно, Ну-ка, Анзират, отыщи домовую книгу. А вы, Людмила Николаевна, давайте ваши документы. Паспорт с вами?

- Конечно, - проговорила девушка и заспешила в комнату, где оставила чемодан.

"Посмотрим, что это за птичка, - подумал Халилов. - Неужели и эта начнет интересоваться клинком?"

Людмила Николаевна вернулась с чемоданом. Она положила его на пол и откинула крышку. В чемодане лежали аккуратно сложенные платья, туфли на высоком каблуке и разные мелочи женского туалета. Людмила Николаевна достала дешевенькую сумочку и, вытащив из нее паспорт, подала его Халилову.

Раскрыв паспорт, Халилов внимательно перелистал странички, потом перевел взгляд на Людмилу Николаевну, и брови его поднялись:

- Неужели вам двадцать шесть лет?

- А вы думали? - кокетливо спросила Людмила Николаевна.

- Ни за что бы ни дал... Ни за что...

- Не могу поверить! - воскликнула Анзират. - Самое большее - двадцать, ну двадцать два... Вы очень молодо выглядите...

- Спасибо за комплимент, - Людмила Николаевна вздохнула. - Когда-то мне действительно было двадцать два года.

- И вы замужем? - продолжал Халилов.

- Представьте себе, что да. Уже пять лет.

- Нескромный вопрос: а где же ваш муж?

- Он был, как и вы, военный, в этом году демобилизовался и месяц назад уехал на Курильские острова. Когда окончательно обоснуется там, вызовет меня.

"Ловко придумано, - мелькнуло в голове Халилова. - Все предусмотрено".

Несколько минут спустя Людмила Николаевна, получив ключ от своей комнаты и переодевшись, отправилась в город.

- Люблю побродить час-другой по незнакомым местам, - объяснила она.

Утром следующего дня на имя подполковника Шубникова поступил рапорт. В нем сообщалось:

"В течение последних двух лет Халиловы сдавали в своем доме комнату, ранее

занимаемую их сыном Джалилом, различным одиноким квартирантам. Удалось выяснить, что за прошедшее время в их доме квартировали: машинистка военкомата Гальченко, студент-практикант Поспелов, студент техникума Махмудов.

Вчера Халиловы пустили к себе на лето и осень Алферову Людмилу Николаевну, 1923 г. рождения, уроженку г. Ставрополя, сотрудницу республиканского комитета по делам физкультуры и спорта.

Алферова вручила Халилову для прописки свой паспорт.

Комната, занимаемая ею, имеет самостоятельный выход на улицу".

Под рапортом стояла подпись старшего лейтенанта Сивко.

13

Миновало полмесяца, как в доме Халиловых поселилась Людмила Николаевна, но ни сам подполковник, ни его жена, ни их тетушка не могли сказать о новой квартирантке ничего худого. Людмила Николаевна не возбуждала никаких подозрений.

И тем не менее у Халилова где-то в глубине души оставалось чувство недоверия к Людмиле Николаевне, притаились настороженность и предубежденность. Он никак не мог избавиться от этого неприятного чувства и, злясь, раздумывал над тем, как невероятно быстро и неотразимо завоевала девушка симпатию Анзират и тетушки. В открытом, полном непосредственности поведении Людмилы Николаевны ему чудилась тонкая, хорошо продуманная игра, хитро рассчитанная на завоевание полного доверия всей семьи. А что доверие к Людмиле Николаевне росло с каждым днем, было очевидно.

Через пять дней Анзират и тетушка называли Людмилу Николаевну уже просто Людой и обращались к ней на "ты". Через девять дней новая квартирантка стала обедать за общим столом.

Люда увлекала женщин своей бурлящей энергией, подвижностью, веселой деловитостью в самых простых, обыденных делах. Ни одной минуты она не сидела без дела, находила работу и себе, и другим. По утрам, вставая раньше всех, она бесшумно покидала дом, шла на рынок и закупала провизию на всю семью. Отлучаясь в город по своим делам, она находила время заглянуть домой, чтобы помочь тетушке Саодат приготовить обед. После занятий с физкультурниками, а Людмила Николаевна проводила их, как правило, в послеобеденное время, она возвращалась домой и, разувшись, вместе с женщинами поливала цветы, возилась над огородными грядками, украшала разноцветными камешками клумбы.

Думала ли Анзират, что в свои годы вернется к давно забытой физкультуре? Конечно, как педагог и женщина с современными взглядами, она везде горячо ратовала за спорт и физическую зарядку вплоть до преклонных лет. Но... лень-матушка раньше нас родилась... И поэтому Анзират находила для себя тысячу оправдательных причин, якобы мешающих ей заниматься физзарядкой. Услышав утром, как из радиорепродуктора несется веселое "вдох - выдох", она лишь сокрушенно вздыхала. А вот теперь уже десять дней она по утрам разводила руки "на уровень плеч", усердно нагибалась направо, налево и с радостью бежала принимать "водные процедуры".

Как же это получилось? Анзират не смогла бы объяснить. Просто, встав как-то пораньше, она вышла в сад и увидела Людмилу Николаевну. В коротких трусиках и майке, прижав локти к бокам, молодая женщина бегала по извилистым дорожкам. Она бегала так легко, пружинисто, красиво, казалась столь радостной и стремительной, что Анзират невольно залюбовалась. Вспомнились ее давние комсомольские годы и первая вылазка на стадион в Бухаре, тот ясный теплый день, когда она, девушка-узбечка, одна из первых надела на себя спортивный костюм. Ей стало грустно и обидно за себя, за то, что она так рано, без всяких к тому причин, отяжелела, физически обабилась и обленилась.

И вдруг произошло удивительное. Когда Людмила Николаевна, начиная очередной круг,

пробежала мимо, Анзират вдруг сорвалась с места и побежала следом. Пробежав два круга, она почувствовала, что сердце ее сдает, дыхание со свистом вырывается из груди, кровь прилила к голове и угрожающе постукивает в висках... Людмила Николаевна прекратила бег и заставила Анзират сделать разминку шагом.

- Так не пойдет, Анзират-ханум. Начинать надо не с этого, - смеясь, говорила она.

И со следующего утра обе женщины начали с того, с чего следует начинать.

Но чем больше завоевывала Людмила Николаевна сердца женской половины дома, тем более настораживался подполковник Халилов. Его не обольщала ни домовитость, ни услужливость новой жилицы. Наоборот, приветливость и непосредственность Людмилы Николаевны казались ему искусственными, нарочитыми. Подполковник рассуждал так; потерпев неудачу в прямой атаке, таинственные охотники за клинком решили сделать обходной маневр и избрали своим орудием эту девицу, поручив ей втереться в доверие семьи. Подполковник был тверд в своих подозрениях, но решил испытать выдержку этой женщины, а заодно получить лишнее доказательство ее вероломства.

Проделал он это в ближайшее воскресенье. Все домашние были в сборе, мирно сидели на веранде и перебирали вишню, готовясь к важному семейному делу - варке варенья. Халилов достал клинок из потайного места, прихватил пузырьки со щелочью и смазкой, кусочки бязи и бинтов и появился со всем этим хозяйством на веранде, чтобы на вольном воздухе заняться чисткой клинка.

Только подошел он к столу, как Людмила Николаевна вскочила с места, подбежала к нему и воскликнула:

- Боже мой! Какая прелесть! Дайте подержать!

Халилов бросил взгляд на жену и тетушку... Ну-с, что они теперь скажут?

- Это ваш? - спросила, между тем, молодая женщина, рассматривая клинок и вытирая руки о фартук.

Халилов утвердительно кивнул.

- Ничего подобного не видела за свою жизнь, - призналась Людмила Николаевна. - Даже не представляла себе, что на свете может существовать такое чудесное оружие. Сколько же на нем украшений! Это, конечно, старинная работа?

- Бесспорно, - подтвердил Халилов, испытующе сверля Людмилу Николаевну глазами.

- Неужели это золото?

- Самое настоящее. А это - рубины, это - эмаль...

- Чудо! Ну-ка, выньте клинок, Саттар Халилович. Я занималась когда-то конным спортом, была ворошиловским стрелком и неплохо владела клинком.

Халилов вытащил клинок из первых ножен и передал его девушке.

- Ну, это бутафория... - разочарованно произнесла она. - Клинком и лозинку не срубишь. Красивая игрушка...

Халилов решил продолжать игру дальше.

- Клинок-то с секретом, - пояснил он. - У него двое ножен. Смотрите!

Надавив пальцем еле заметную пластиночку, Халилов обнажил настоящий клинок.

Людмила Николаевна ахнула:

- Вот это да!

Взяв клинок в руки, она внимательно осмотрела его сверху донизу, полюбовалась головой дракона на рукоятке, несколько раз со свистом прорезала им воздух над головой, согнула кольцом и, вздохнув, вернула подполковнику.

Халилов закончил чистку клинка, унес его, вернулся на веранду, но Людмила Николаевна и не вспомнила больше о "чуде".

"Хитра! Ой, хитра! - посмеивался про себя Халилов. - Но как рыбке ни хитрить, а быть ей на крючке!"

По его расчетам, теперь, когда Людмилу Николаевну подразнили клинком, она приложит все усилия, чтобы обнаружить место, где спрятан клинок. Но он еще поглубже укрыл его в круглой печи в своей комнате.

Случилось это днем, в отсутствие подполковника Халилова. Анзират, тетушка Саодат и Людмила Николаевна занимались во дворе домашними делами; тетушка мыла посуду, а Анзират и Люда вытирали ее и уносили через кухню в дом. Когда они вернулись, тетушка сказала племяннице:

- Доченька! Тебя тут спрашивал какой-то толстяк.

- Меня? - удивилась Анзират. - Кто же это?

- Не знаю. Я провела его на веранду.

Анзират поправила волосы и пошла в дом. На веранде у порога в комнату она увидела толстого старика с кучей белой бородкой, с посохом в руке. Голову его украшала безупречно чистая и пышная чалма.

Что-то далекое, знакомое почудилось Анзират, когда она встретилась взглядом с маленькими мутноватыми глазами гостя. Он учтиво поклонился хозяйке и приветствовал ее:

- Салям алейкум! Мир, покой и благословение твоему дому!

- Алейкум салям, - ответила Анзират. - Что вам надо, уважаемый?

Старик нахмурился и с неудовольствием в голосе проговорил:

- Не особенно приветливо ты, женщина, встречаешь старого человека, да еще знакомого.

"Где же я видела его? - старалась припомнить Анзират. - Глаза, голос кого-то напоминают".

- Чем же неприветливо? - удивилась она. - Вы ко мне?

Брови старика сдвинулись над переносицей, в глазах блеснул огонек. Какой позор! Он, старый Икрам-ходжа, стоит перед этой грешницей, а она даже не предложит войти в дом и сесть!

- Мои седины заслуживают большего гостеприимства, - медленно произнес он, сдерживая раздражение. - Владыка жизни запрещает нам попираť обычаи наших предков. Я не привык, чтобы меня так встречали.

"Он прав. Я, кажется, отучилась от вежливости", - спохватилась Анзират и сказала:

- Заходите в дом, уважаемый эта. Прошу...

Она пропустила старика в столовую и прошла вслед за ним. Гость, видимо утомленный ходьбой, тяжело дышал и отдувался. Он оглядел просторную комнату, потыкал своим посохом в ворсистый ковер на полу и заметил:

- Летом ковры надо на солнышке просушивать, иначе в них заведется моль.

Анзират хотела рассердиться, но сдержала себя и сказала:

- У каждой вещи есть свой хозяин.

- Да, конечно, - согласился Икрам-ходжа. - Хозяин лучше знает, что и когда надо делать, но долг старого человека - подсказать.

- Благодарю, - кивнула Анзират, по-прежнему силясь вспомнить, где же она видела этого человека.

Икрам-ходжа важной походкой прошелся по комнате, подошел к дивану, отдуваясь, уселся и поставил посох между ног.

Анзират напомнила:

- Я вас слушаю, почтенный.

Но старик не торопился. Поспешность - не в его правилах. Кроме того, он отлично знал, что муж Анзират только что покинул дом и вернется не скоро. Плотнo сомкнув дрожащие веки, он беззвучно шевелил своими толстыми губами. Он отдышал.

- Моя жизнь на исходе, - наконец произнес он после долгой паузы. - Меня уже не обольщают земные радости, я свое прожил и готовлюсь к переходу в лучший мир. Скоро аллах, - он воздел руки к потолку, - призовет меня к себе. Но у меня есть сын, взрослый

сын, о котором я обязан побеспокоиться. За него я и пришел похлопотать. На днях он приедет в Токанд.

И тут Анзират вдруг озарил: она вспомнила, кто этот старик. Она вспомнила годы войны, Бухару, госпиталь. Да это же Икрам Ашералиев, бывший заведующий госпитальным складом. Сколько она - сестра-хозяйка - цапалась с ним из-за мыла для стирки белья, из-за посуды, занавесок и прочего. Конечно, это он, зловредный и скупой старикашка. Но почему он оказался в Токанде? И что ему нужно? О каком сыне он толкует?

- Я вас не поняла, - сказала Анзират. - О чьем сыне вы говорите?

- О моем, красавица, о моем, - ответил Икрам-ходжа, и его толстые щеки растянулись в улыбке.

- Хм... - удивилась Анзират. - Насколько мне известно, у Икрама Ашералиева не было сына.

- Значит, узнала старого знакомого?

- Как видите...

- Вот и хорошо. А вначале не узнала?

- Вначале нет, - призналась Анзират.

- А я теперь уже нигде не работаю. Ушел на покой. Стар стал.

- Но выглядите вы неплохо.

- Спасибо, красавица, за хорошие слова. Такие слова нужны старикам, как канифоль для смычка.

Анзират весело улыбнулась и, полагая, что старик над ней подшучивает, спросила:

- И давно у вас родился сын? В ваши годы стать отцом - это редкость. Вот что значит хорошее здоровье...

И тут Икрам-ходжа сделал промах. Не сделав еще хода, он решил вытянуть козырную карту. Пусть не зубоскалит. Он прищурил глаз, пощипал свою бороденку и медленно произнес:

- Ты права, ты права... Всевышний обидел старого Икрама и не дал ему сына. Но ведь твоего мужа аллах тоже обидел. У Саттара тоже нет и не было сына.

Анзират побледнела и ощутила холодок в груди. Она смешалась, не веря собственным ушам. Некоторое время молча смотрела на старика широко открытыми глазами, а затем тихо спросила:

- Что вы сказали?

Старый Икрам наблюдал за каждым ее движением. Как он и рассчитывал, его удар дал большой эффект, Анзират побледнела.

- Ты хорошо слышала, женщина, что я сказал, - ответил он, уверенный в том, что дело сделано. - Эту тайну хранишь не ты одна. Я стар. Очень стар. Но аллах не отнял у меня памяти, время ее не погасило.

- И что же вы намерены делать с этой вашей тайной? - с вызовом спросила Анзират, оправившись от неожиданности.

"О бесстыдная грешница! Свою тайну она называет моей!" - подумал Икрам-ходжа и ответил хозяйке:

- И холодная зола иногда дает огонь. Мне ничего не стоит обронить семена раздора в этом счастливом доме, и они быстро дадут свои всходы. Но я никому не хочу делать зла. И тебе не хочу... Я...

Тут Анзират неожиданно поднялась.

- Если бы не ваш возраст и не седины, почтенный, то я бы сказала, как называют таких людей, как вы...

- Не горячись, женщина! Не надо. Я понимаю, что причинил тебе боль. Но она и не так уж велика. Зачем же нам ссориться?

Анзират указала рукой на дверь.

- Уходите отсюда, почтенный, и поскорее, - потребовала она.

Икрам-ходжа опешил. Вот это бесстыдство! Значит, он сваял дурака! Козырь

оказался битым? Не с этого надо было начинать. Неужели вся затея пошла прахом?

- Ты даже не хочешь выслушать моей просьбы? - спросил он елейным голосом, продолжая сидеть.

- Не хочу! - отрезала Анзират.

Ярость ослепила разум гостя. Он встал. Щеки его дрожали.

Еле сдерживая себя, чтобы не разразиться проклятием, он сказал:

- Хорошо... Я пойду... Но будь я проклят именем Магомета, если не сделаю все, чтобы открыть глаза твоему мужу и твоему сыну. Мои уста могут молчать, но могут и говорить. И судить меня за это никто не будет. А ведь пришел я к тебе не за тем, чтобы ссориться. Я пришел к тебе с просьбой...

- Уходите! - Анзират вновь указала на дверь. - Немедленно уходите... Или я сейчас же крикну своих.

Гримаса бешенства исказила толстое лицо старика. Подобного с ним никогда не случалось! Его еще никто не выпроваживал таким образом. Он выпятил живот, вскинул голову и медленно, стараясь не терять достоинства, зашагал к двери. У порога он обернулся, стукнул посохом о пол и бросил:

- Да покинет этот дом покой! - А про себя зашептал: "Презренная грешница! Да будет проклято семя твое до седьмого колена! Пусть кость застрянет в горле твоём!"

Хлопнула дверь. И только теперь Анзират почувствовала, что близка к обмороку. Она постояла, не шевелясь, сжав рукой горло, потом сделала шаг, другой и, совершенно обессиленная, упала на диван и забилась в рыданиях.

Как он смел, негодяй, напоминать ей об этом! Перед кем она виновата? В чем ее вина? Быть может, в том, что она вскормила и вырастила сына, отцом которого был бандит, басмач, ненавистный ей человек? Но как она, мать, должна была поступить? Задушить своего собственного ребенка? Или, быть может, она повинна в том, что не сказала Джалилу, кто его настоящий отец? Но нужно ли было говорить ему об этом? Разве Джалил виноват? А она? Разве она хотела стать женой врага, убийцы ее отца? Разве ее спрашивали об этом? Что же это такое? За что такая обида? Ведь она всю жизнь тайно несла свое горе и не могла избыть его! И вот старик заговорил об этом... Зачем? Неужели он хочет разбить жизнь сына? Как много еще на свете злых людей! Неужели этот подлый человек подумал, что она могла скрыть от мужа, любимого Саттара, свой позор, свое несчастье. Да, он так думает и ошибается. В неведении только Джалил. Только он один не знает, кто его настоящий отец. Им он считает Саттара.

Анзират долго не могла успокоиться. Лишь наплакавшись вволю, она пришла в себя.

Правильно ли поступила она, выгнав старика из дому? Безусловно, правильно. Только так поступила бы на ее месте любая порядочная, уважающая себя женщина.

Анзират встала, привела себя в порядок и вышла в сад. Тетушка Саодат сидела у стола под абрикосовым деревом и перебирала стручки созревшего гороха.

- Где же Людмила Николаевна? - спросила Анзират.

- За мороженым командировалась. А толстяк ушел? Видать, приходил хлопотать о сыне, который из двоек не вылезает?

"Тетушка права. Именно о сыне", - подумала Анзират и сказала:

- О ком же больше им хлопотать!

- А ты отваживай их, доченька, от дома. Пусть в техникум идут, к директору. А если сама не можешь, поручи мне. Я знаю, как с ними разговаривать. Помнишь, как я прошлой осенью выпроводила того, что барана привел?

Анзират кивнула и через силу улыбнулась.

- Он думал, что если даст тебе барана, - продолжала тетушка, - так сын его от этого поумнеет и пятерки будет хватать. Я знаю их...

Анзират подошла к старой женщине сзади и начала гладить ее седую голову. Тетушке она ничего не скажет. Зачем тревожить старое сердце...

И Саттару не скажет. А в ушах ее еще звучали слова гостя: "Да покинет этот дом покой!"

Вечером этого же дня на имя подполковника Шубникова поступил очередной рапорт старшего лейтенанта Сивко. В нем говорилось:

"Вчера в отсутствие подполковника в дом Халиловых пришел неизвестный человек и пробыл в доме минут пятнадцать - двадцать. Выяснить личность неизвестного не удалось. Или случайно, или предвидя, что за ним могут следить, неизвестный, пройдя несколько кварталов, вошел в узбекскую баню. Впоследствии выяснилось, что он вошел в одни двери бани, а вышел через другие.

Его приметы, рост выше среднего, возраст - не менее шестидесяти. Очень толст. Одет в цветной зеленый халат, на голове чалма, в руке суковатая палка. Походка медленная, грузная, важная".

15

Вернувшись домой, Халилов сразу заметил какую-то перемену в настроении жены и тетушки. Обе вели себя не так, как обычно: переглядывались, вздыхали, шептались. По всем признакам Халилов понял, что и жена и тетушка чем-то обеспокоены.

Подполковник переоделся, взял свежие газеты и прошел в сад, решив за обеденным столом расспросить женщин о причине их странного поведения.

Расположившись на скамье, он развернул газету и вдруг услышал громкий мужской смех, Халилов невольно повернул голову и сквозь прозрачную тюлевую занавеску в окне жилицы увидел мужчину.

У Людмилы Николаевны был гость! Это новость!

Халилов счел неудобным наблюдать и углубился в газету, но слух его машинально ловил разговор, доносившийся из комнаты.

"Кто этот человек?" - думал Халилов, стараясь в то же время уловить смысл передовой статьи газеты.

- Саттар! - раздался голос Анзират. - Обедать!

Халилов оставил газеты на скамье и поднялся...

Людмила Николаевна к обеду не явилась.

Кивнув головой в сторону ее комнаты, Халилов спросил жену:

- Кто?

Анзират тихо сказала?

- Поговорим после.

Обед прошел в молчании.

Подполковник уже догадывался, что, видно, гость Людмилы Николаевны и явился причиной плохого настроения жены и тетушки.

После обеда Анзират увела мужа в дальний уголок веранды и, волнуясь и спеша, стала рассказывать:

- Утром я пригласила Людмилу Николаевну сходить со мной в пошивочное ателье. Она отказалась, пожаловалась на головную боль. Я отправилась одна, а когда вернулась, увидела, что на диване в столовой сидит рядом с Людой какой-то смазливый, с усиками, молодой человек. Они весело и увлеченно беседовали, и по виду Людмилы Николаевны никак нельзя было сказать, что она плохо себя чувствует. Правда, увидев меня, она вначале смутилась, но быстро оправилась, встала и представила своего гостя. Этот тип, какой-то Ирмат Гасанов, отпустил по моему адресу сладкий комплимент и сказал, будто уже встречал меня когда-то. Я решила держать себя сдержанно и особого интереса не проявила. Людмила Николаевна надулась и увела своего гостя к себе. Только через час я услышала, как он ушел. Людмила Николаевна сразу выбежала ко мне в сад, обняла и расцеловала, стала извиняться, что без моего ведома привела в наши комнаты постороннего человека, и рассказала историю знакомства с ним. История эта кажется

мне не очень-то правдивой.

- Ну, ну, - торопил жену Халилов. - Что же это за история?

В общем, со слов Людмилы Николаевны, дело выглядело так.

Прошлой ночью она возвращалась домой поздно одна: была на последнем сеансе в кино, а потом ужинала со своими физкультурниками. Пройдя немного, она услышала позади чьи-то шаги и обернулась. За нею шли двое. Один крикнул: "Девушка, не торопитесь!" Людмила Николаевна прибавила шагу. До выхода на нашу улицу ей оставалось два квартала, когда тот же голос крикнул: "Стой! Ты что, не понимаешь русского языка?" Люда вбежала на первое попавшееся крыльцо и остановилась перед чьими-то запертыми дверями, не зная, что делать. Преследователи, между прочим прилично одетые, подбежали к крыльцу, погрозили здоровенным ножом и потребовали часы и сумку. Но Люда будто бы не оробела и повела себя геройски, как в романе. Когда один из грабителей кинулся к ней, она ударила его ногой в живот. В это время второй подскочил к ней сзади, зажал ей рот и стал срывать часы. Вот в эту-то критическую минуту из-за угла неожиданно появился герой-спаситель, тот, кто сидит сейчас в ее комнате. Он по-богатырски схватил одного парня за шиворот, встряхнул его - и через секунду тот барахтался уже в арыке. Второй, бросив Людмилу Николаевну, попытался защищаться, но получил увесистый удар в челюсть и растянулся на тротуаре. После такого урока оба грабителя обратились в бегство, а Гасанов, совершив свой подвиг, галантно проводил Людмилу Николаевну домой.

- Так они и познакомились, - закончила Анзират, - Людмила Николаевна в восторге от своего спасителя. Он и смелый, и мужественный, и красивый, и тому подобное. Он - настоящий мужчина. За час до твоего прихода герой пожаловал вторично, и вот, как видишь, сидит... А она даже об обеде забыла.

- Да, очень странно... - проговорил Халилов. - Странно и неслишком умно придумано. А я считал Людмилу Николаевну поумнее.

16

Городской пруд, что лежал между рынком и пионерским садом, был не особенно глубок, но чист. На его отлогих песчаных берегах в летние дни загорали ребятишки. Забрели сюда и взрослые поваляться на крошечном пляже, окунуться в прохладной воде.

Икрам-ходжа появился на пляже рано утром, когда ребятишек было мало. Он внимательно осмотрел берега, сбросил с себя чалму, халат, обувь, рубаху и, оставшись в длинных ситцевых штанах, решительно полез в пруд. Это было зрелище из ряда вон выходящее.

Когда вода достигла пояса почтенного ходжи, он, сделав испуганное лицо, окунулся по шею раз, другой, третий и, смачно крякнув, поплыл.

Плавал ходжа, как тюлень, и мог держаться на воде без всяких движений сколько угодно, в любом положении. Плавучесть его жирного тела была удивительной. Он перекидывался на спину, складывал руки на животе и лежал на воде, как в постели. Живот солидным курганом возвышался над водой.

Достигнув противоположного берега, Икрам-ходжа вылез из воды, по-собачьи отряхнулся всей кожей и сразу ощутил тяжесть своего многопудового тела. Выбрав местечко возле дремлющего под лучами солнца в трусиках человека, он опустил плашмя на теплый песок и тихо проговорил:

- Как хорошо...

Лежавший на спине Гасанов шевельнулся, приподнял свой край газеты, которой было прикрыто лицо, и, увидев рядом своего наставника, спросил:

- Можно говорить?

- Можно. Вблизи никого нет.

- Эх, это не женщина, а халва... - проговорил Гасанов и шумно, печально вздохнул.

"Черного ишака никогда не сделаешь белым", - подумал про себя старик, зная слабое место своего подопечного. Гасанов волочился за каждой юбкой, и все они были для него халвой.

- Дело говори! - строго сказал Икрам-ходжа.

Гасанов закашлялся, будто в горло ему что-то заскочило, и продолжал:

- Она показала мне все комнаты, но клинка я не заметил. Зато я познакомился с женой Халилова.

- Это зачем же?

- Другого выхода не было. Та пришла неожиданно и застала нас в столовой.

- Плохо, - заметил Икрам-ходжа. - Знакомство ни к чему... Как отнеслась к твоему появлению Халилова?

Гасанов никогда не лгал старику.

- Неважно, - признался он.

- Вот видишь!

- Я понимаю, Икрам-ата, но так получилось...

Старик задумался на короткое мгновение и сказал:

- Придется осторожно обшарить все комнаты. Не сразу, а постепенно, не торопясь. Клинок надо отыскать.

- Понимаю.

- Вот так. - Икрам-ходжа медленно поднялся, вновь вошел в воду и поплыл к своему берегу.

В рапорте старшего лейтенанта Сивко на этот раз сообщалось следующее:

"У жилицы Халиловых Людмилы Николаевны возникает что-то вроде романа с неким Гасановым Ирматом.

Гасанов приехал из Бухары, где живет постоянно и работает ответственным исполнителем какой-то артели.

В Токанде он проживает без прописки на Огородной улице, 96, в доме, принадлежащем Ташматову, человеку без определенных занятий.

Выяснилось также, что во дворе Ташматова стоит автомашина "Москвич", которую работники ОРУДа неоднократно видели на улицах города (номерные знаки Бухары). Есть основание предполагать, что владельцем "Москвича" является Гасанов. Он пользуется этой автомашиной. Необходимо проверить через автоинспекцию документы на машину и фамилию владельца.

Вчера Гасанов дважды заходил в дом Халиловых и выходил оттуда один.

Полное описание внешности Гасанова прилагается".

17

Наруз Ахмед лежал в саду под яблоней. Рядом на подносе стояли два чайника с остывшим зеленым чаем и пиала.

Утро обещало жаркий день. На небе не было видно ни единого облачка. Царило полное безветрие. Сквозь густой и плотный зеленый свод пробивался солнечный свет и пятнами пестрел на земле.

Ветка яблони, отяжеленная зрелыми плодами, свисала над самой головой Наруза Ахмеда и едва не касалась его лица.

В хаузе у дувала лениво поквакивала лягушка.

Тишина и нежные ароматы цветов располагали к бездумному отдыху, но Наруз Ахмед даже не помышлял о покое: нервничая, ругаясь про себя, он с нетерпением ожидал прихода Икрама-ходжи.

Неудачи озлобили Наруза Ахмеда. Когда выяснилось, что и Гасанову не удалось обнаружить клинок в доме Халиловых, Наруз предложил свой план, в котором видел теперь единственный выход из затруднительного положения.

Особенно злился Наруз Ахмед на Икрама-ходжу. Все усилия старика казались ему бестолковыми, трусливыми, громоздкими. Дело с клинком приняло затяжной и поэтому опасный оборот.

Да и вообще старик изрядно надоел Нарузу Ахмеду. Вопреки утверждениям Керлинга, Икрам-ходжа, помимо всего, скучен, как дорога в пустыне. Правда, на две темы он мог говорить без конца: это о разного рода кушаньях и о своих любовных похождениях в прошлом. На худой конец, разговоры и на эти высокие темы могли бы быть терпимыми. Но беда в том, что старик оказался никудышным рассказчиком. Он говорил долго, вяло, бесконечно повторялся. Если бы он оказался в затруднительном положении Шахразады, то можно не сомневаться, что палач отрубил бы ему голову в первые же сутки. От нудных историй Икрама-ходжи у слушателей начинало ломить зубы.

Наруз Ахмед протянул руку, зло сорвал яблоко, висевшее перед глазами, надкусил его и швырнул в сад.

Он пролежал на супе еще около часа, пока в калитке вновь не щелкнул ключ. Во двор вошел омытый семью потами Икрам-ходжа. Толстяк дышал, как загнанная лошадь, и утирал пот с лица огромным платком. Он направился прямо в дом и, спустя некоторое время, вышел в сад в одних шароварах и сорочке.

Примостившись на краю супы, старик молча посидел, а потом многозначительно сообщил:

- Уехал... Вместе с ней уехал...

Наруз Ахмед молчал.

- Я что-то не верю в эту поездку, - продолжал старик. - Вот ты говоришь...

Наруз Ахмед, между тем, ничего еще не говорил. Он ожесточенно грыз ветку.

- ...Ты говоришь, что Гасанов глуповат, - развивал свою мысль старик. - Но скоро ты убедишься в обратном!

Наруз Ахмед опять промолчал. Ему не хотелось спорить попусту. Старик упрям, как осел, и переубедить его почти невозможно. Против последнего, предложенного Нарузом Ахмедом плана он так яростно возражал, так плевался и кричал, что они едва не рассорились.

Наруз Ахмед подметил в этом толстяке еще одну пакостную черту: все то, что предлагал он, Наруз, старик неизменно пытался осмеять и отвергнуть, но сам взамен ничего дельного не предлагал. Так и с последним вариантом: старик считал его и опасным, и непродуманным, а своего не выставил. Лишь пригрозив Керлингом и ссылаясь на его поддержку, Наруз Ахмед уломал старика. Согласие его было необходимо не для перестраховки, а потому, что без помощи нельзя было обойтись. И не столько без помощи Икрама-ходжи, как Гасанова, с которым Наруз Ахмед лично ни разу еще не встречался. Гасанов даже не предполагал о существовании посланца "с той стороны". Но и согласившись, Икрам-ходжа не переставал ворчать и находил все новые и новые недостатки в плане.

Вот и сейчас он начал скрипучим голосом:

- Когда человек ослеплен ненавистью, он не видит пути и сам лезет в зубы дракона. Ненависть не должна руководить рассудком. Я понимаю, сын мой, почему ты ненавидишь Халилова, его жену, сына. Отлично понимаю, но не одобряю твоих действий...

"Избавь меня, аллах, от глупых друзей, а с врагами я и сам справлюсь", - вспомнил Наруз Ахмед старую поговорку. Глаза его сузились, он вскочил, взялся рукой за толстый сук яблони и так стал трясти его, что яблоки градом посыпались на землю.

- Змею надо брать за горло, - сказал он и снова потряс невинную яблоню. - Они все трое захлебнутся в собственной крови. Но прежде я достану клинок...

Икрам-ходжа с испугом смотрел на посланца Керлинга. Сетка лиловых жилок на его лице

проступила более отчетливо.

"Опасный человек, - подумал старик. - Очень неосторожен в своей ненависти. Такому нельзя доверять серьезных дел. Надо предупредить об этом Керлинга. Этот бешеный шакал и нас может погубить". Но Нарuzu Ахмеду он сказал:

- Сегодня четверг. Подождем... Время покажет.

18

В субботу утром, как только подполковник Халилов пришел на работу, его вызвал к себе военком и сказал:

- Вчера вечером звонил Куприянов. Приказал командировать вас в Ташкент. Ночью пришла об этом телеграмма. Вот, читайте...

Подполковник взял из рук начальника телеграфный бланк и прочитал:

"Подполковника Халилова немедленно командуйте Ташкент для переговоров тчк явиться отдел кадров понедельник Куприянов".

- В чем дело? - спросил военком.

- Ничего не понимаю, - развел руками Халилов.

- Не скромничайте! Наверное, рапортишко подавали? Не понравилось в Токанде?

- Что вы, товарищ полковник! И мысли такой в голове не держал.

- Seriously?

- Даю слово.

- Хм... Непонятно.

- Заверяю вас, что и не думал ни о каком переводе.

- Верю. Что ж, поезжайте. Я отдал распоряжение заготовить документы. Выезжайте завтра утром. Иначе не успеете к понедельнику. А если начнут сватать куда-нибудь, звоните мне, будем отбиваться вместе.

- Спасибо. Я так и поступлю. Разрешите мне уйти сегодня на два часа раньше?

- Пожалуйста...

И без того неважное настроение Халилова вконец испортилось. Он и в самом деле никуда не подавал рапортов и не думал ни о каком переводе. Работа и жизнь в Токанде вполне устраивали его. Халилов вообще не любил прыгать с одного места на другое: он очень неохотно переезжал из Бухары в Токанд, хотя перевод был с повышением по службе. А теперь ему совсем не хотелось покидать этот небольшой уютный городок. И о чем могут быть переговоры у полковника Куприянова? Вероятно, о переводе. Может быть. Но куда? На самостоятельную работу? Да, вызов этот не ко времени. Нехорошо сейчас оставлять женщин дома одних. Поведение жилицы все более тревожит подполковника. Поворот в ее поведении так разителен, что все диву даются. Людмила Николаевна почти устранилась от домашних дел, не бегает уже по утрам на рынок, ее редко можно было видеть за общим столом, утренней зарядкой занимается одна Анзират. Людмила Николаевна вся поглощена романом с Гасановым. Они встречаются ежедневно и по несколько раз в день.

Перемены в Людмиле Николаевне особенно огорчали тетушку Саодат, которая первая вспылала к ней симпатией и теплым чувством. Теперь печальная тетушка ходила по дому, сокрушенно качала головой и бормотала:

- Вай, вай! Замужняя женщина, а оказалась вертихвосткой. Кому же теперь можно верить?

Испытывая неловкость, Людмила Николаевна, конечно, старалась укрыть предмет своего обожания от взоров домашних. Ни Халилов, ни тетушка Саодат ни разу не видели в лицо ее рыцаря. Обычно он приходил в отсутствие хозяев, а выпускала его Людмила Николаевна неслышно, через свою отдельную дверь. Однако эта наивная конспирация

никого обмануть не могла.

Анзират, по праву старшей, очень мягко завела как-то разговор с Людмилой Николаевной об этом увлечении и тактично поинтересовалась, насколько оно серьезно. Но молодая женщина отделалась шуткой.

В другой раз Анзират дала понять Людмиле Николаевне, что домашние не прочь познакомиться с ее смелым спасителем, но услышала в ответ капризное:

- Стоит ли? Быть может, он и мне скоро надоест...

После этого Анзират окончательно убедилась, что имеет дело с очень хитрой и даже порочной женщиной. Но последний трюк Людмилы Николаевны поверг всех в еще большее удивление.

В четверг она быстро собралась, уложила кое-что в чемодан и объявила, что едет с Гасановым в Ташкент. Зачем? Она и сама не смогла объяснить толком, а может быть, не захотела. Утром к дому подкатил "Москвич", она уселась в него - и была такова.

Вот уже суббота на исходе, а ее нет. Халилова вся эта история не столько удивляла, сколько беспокоила. Бацилла недоверия к Людмиле Николаевне проникла в него с первой же минуты знакомства. Ее внезапный вульгарный роман лишь подтверждал подозрение, что первоначальная ласковость и простота были только наигрышем, средством для того, чтобы втереться в дом. Теперь, когда она укатила, якобы в Ташкент, Халилов не знал, что и думать.

19

В воскресенье утром Халилов с Анзират поехали на вокзал. Заняв место в вагоне, Халилов предупредил жену:

- Пока меня не будет, постарайся не отлучаться из дому.

Анзират согласилась. Она и сама так думала.

- Если появится кто-либо подозрительный, - продолжал Халилов, - сейчас же звони Леониду Архиповичу.

- Ладно.

- Как не вовремя свалился этот вызов в Ташкент, - вздохнул Халилов.

- А ты на перевод не соглашайся, - сказала Анзират. - Объясни, что у тебя жена тоже работает в Токанде; что только недавно мы переехали сюда, устроились...

- А то они не знают...

- Если знают, их нетрудно убедить, что все это не так просто.

- Постараюсь убедить, - проговорил Халилов, целуя жену. - Иди. Уже звонки дали.

Стоя на перроне, Анзират проводила поезд. Лишь только последний вагон скрылся за стрелкой, она заторопилась домой. Какое-то внутреннее беспокойство подталкивало ее, заставляло почти бежать.

И она не ошиблась. Тетушка Саодат встретила ее на пороге таинственным шепотом:

- Явилась...

- Кто?

- Ну кто же? - И она показала на дверь Людмилы Николаевны. - Сияет, как свежее испеченная лепешка, и прыгает, как коза. Что-то весело ей.

- Что-нибудь рассказывала?

- Хвастается, что поездка удалась на славу и ни копейки денег не стоила. А как только увидела меня, кинулась и расцеловала.

- Даже? - усмехнулась Анзират.

- Ну да! Ох, не к добру все это... - покачала головой старушка. - Доиграется она!

Анзират только вздохнула и прошла в свою комнату. После обеда она вышла из дому и уселась на ступеньках веранды с книгой в руках. Минут через десять скрипнула калитка. Анзират обернулась. Из-за косяка выглядывала голова мальчугана лет десяти-одиннадцати.

- Кто будет Анзират-ханум?

- Я.

- Возьмите письмо, тетя, - сказал мальчуган, протягивая руку с конвертом и, видимо, не решаясь войти во двор.

Она встала, подошла к калитке.

- Я буду ожидать на той стороне, - шепнул мальчик.

- Кого ожидать? - спросила Анзират.

- Вас. Прочтите. Там все сказано, - и, не ожидая ответа, мальчуган стрельнул на противоположную сторону улицы.

Анзират вскрыла письмо, развернула лист бумаги и прочла:

"Жизнь твоего сына Джалила в большой опасности. Если он дорог тебе и ты хочешь отвести от него неминуемую беду, сейчас же иди за подателем этого письма. Он покажет тебе женщину, которая все расскажет и может помочь тебе. Не медли ни минуты! И никому ни слова, иначе ты погубишь сына".

Строчки и буквы заплясали перед глазами Анзират. Губы сразу пересохли. Первой ее мыслью было позвонить Шубникову, но она сейчас же отказалась от нее. А вдруг за ней следят? Здесь же сказано: "И никому ни слова, иначе ты погубишь сына". Нет, нет, Джалила она потерять не может. Риск слишком велик.

Странной, боязливой походкой, оглядываясь, Анзират прошла в столовую. Надо быстро переодеться и идти. На улице день, и ничего страшного быть не может. Тетушке ничего говорить не нужно.

Анзират положила страшное письмо на стол и пошла в спальню. Быстро мчались отрывки мыслей: "Кто же ее ждет? Что за таинственная женщина? Какая опасность нависла над Джалилом?"

Она переоделась, прошла в столовую и остановилась пораженная и негодующая: Людмила Николаевна, стоя у стола, читала письмо.

Услышав шаги Анзират, Людмила Николаевна подбежала к ней и, глядя прямо в глаза, сказала:

- Я прочла... С этим нельзя шутить... Идите быстрее... И не бойтесь, я и Гасанов будем наблюдать за вами. А он парень отчаянный и смелый. Идите, - и она пожала руку ошеломленной женщине.

- Спасибо, - испуганно сказала Анзират и, совершенно обитая с толку, заторопилась на улицу, где ее терпеливо поджидал мальчишка.

Уже идя за ним, она оглянулась и увидела выходящих из парадной двери Людмилу Николаевну и Гасанова.

Подполковник Шубников читал в это время рапорт лейтенанта Сивко. В нем шла речь о том, что квартирантка Халиловых Людмила Николаевна по приглашению уже известного Гасанова Ирмата и на его машине совершила совместную с ним увеселительную поездку в Ташкент и обратно. Выехали они в четверг, а вернулись сегодня, в воскресенье.

В рапорте приводились такие подробности о деятельности Гасанова в Ташкенте, что Шубников дочитывал рапорт уже стоя. Он не мог усидеть на месте.

А когда дочитал, то хлопнул рукой по бумажке и воскликнул:

- Молодчина старший лейтенант! Ей-богу молодчина! Хороший глаз, цепкие руки, и главное, мозги есть!

Возбужденный, взбудораженный подполковник прошелся по кабинету. Как жаль, что рапорт лейтенанта опоздал на каких-нибудь два-три часа! Как жаль, что поезд, увезший Халилова, ушел строго по расписанию, а не с опозданием на эти два-три часа! Да! Теперь Халилов уже далеко. Ну, ничего. Завтра утром придется позвонить в Ташкент в отдел кадров военкомата и отыскать его.

На русском кладбище города, густо заросшем сиренью, жасмином и желтой акацией, вдали от главной аллеи, на покосившейся и полусгнившей деревянной скамье сидела женщина под паранджой.

Анзират торопливо подошла к ней и тихо спросила:

- Вы прислали мне письмо?

- Садись, - ответила вдруг женщина мужским голосом, от которого Анзират вздрогнула. Она почувствовала такую слабость, что, не желая подчиниться приказу этого человека, все же вынуждена была опуститься на край скамьи.

- Ты хорошо слышишь меня?

- Да, слышу, - ответила Анзират, чуть шевеля белыми губами.

- Ты знаешь, кто говорит с тобой?

Она отрицательно покачала головой: нет, этот голос ей незнаком. Впрочем, когда-то она слышала его. Где?

Человек в парандже усмехнулся:

- Женская память коротка... Смотри же! - и сетка поднялась, открыв лицо человека.

Анзират вскрикнула: рядом с ней сидел Наруз Ахмед.

- Теперь узнала? - спросил он, опустив сетку. - Слушай меня! Твой сын...

Анзират сжала пальцами край скамьи. Ей казалось, что вот-вот она упадет. Горло свела судорога. Страх и отчаяние овладели ею.

- Что с моим сыном? - наконец простонала она.

- В этот час еще ничего. Он ходит по горам, смеется, поет свои дурацкие песни. Но по его стопам идет другой человек, в руках которого жизнь этого мальчишки. Понимаешь? И этот человек ждет только моего сигнала. Достаточно одного моего слова, слова настоящего отца Джалила, чтобы твой сын перестал видеть небо. Но я не хочу лишать тебя единственной улады. И если с Джалилом случится беда, если он сорвется в пропасть, если тело его найдут в горном потоке, то пусть свидетелем будет аллах, это произойдет не по моей, а по твоей вине.

- Замолчи! - простонала Анзират.

- Он дорог тебе... И теперь только от тебя зависит - жить ему или умереть. В твоём доме спрятан мой клинок, принадлежавший моему отцу. Как он попал к вам, я не хочу знать. Вы ограбили нас, отняли богатство, землю, скот, власть... Но клинок я требую назад. Ты знаешь, где он спрятан. Принеси его сюда и положи вон у той могилы. Если ты не сделаешь этого в течение пятидесяти минут - пеняй на себя... Ты поняла? Приказ о Джалиле будет передан в горы по радио. Ясно тебе?

Анзират машинально кивнула. Ответить она не смогла, язык ей не повиновался.

- Запомни, - доклевывал свою жертву Наруз Ахмед. - За каждым твоим шагом будут смотреть мои люди. Даже в твоём доме. Ничто не укроется от моих глаз. И если ты хочешь еще раз обнять своего сына, делай то, что я говорю. Иди и торопись!.. Считай минуты. Их не так уж много: всего пятьдесят минут. Помни! Если клинок не будет принесен через пятьдесят минут, Джалил полетит в пропасть. И не думай приводить сюда людей, звонить куда-нибудь. Если со мной случится плохое, сигнал в горы дадут мои люди.

Анзират встала. Вначале пошла шагом, а потом побежала все быстрее и быстрее. В висках стучала кровь. В мозгу мелькало: "Джалил на краю пропасти. Надо спасти! Будь проклят этот клинок! Из-за него погиб отец, из-за него гибнет Джалил. Прочь его из дома! Саттар умный человек, он поймет, он скажет, что она поступила правильно. Да и сам он утром говорил, что отдаст клинок в музей. А может быть, позвонить Шубникову? Нет, нельзя! Рискованно. Шубников в Токанде, а Джалил на Памире... Пока что-то предпримут, мальчик может погибнуть..."

Недалеко от остановки автобуса к Анзират подбежали Людмила Николаевна и Гасанов.

- Ну, что там было? - шепотом спросила Людмила Николаевна.

Анзират испуганно глядела ей в глаза, не решаясь сказать правду.

- Да вы не бойтесь, говорите, - предупредила поспешно Людмила Николаевна, сжимая ее руку. - Мы вам хотим добра. Говорите?

Анзират боязливо оглянулась и коротко рассказала о разговоре на кладбище, скрыв лишь то, что "женщина" оказалась мужчиной, Нарузом Ахмедом...

- Какой ужас! - всплеснула руками Людмила Николаевна и перевела взгляд на Гасанова. - Как быть?

- Не вижу никакого ужаса, - невозмутимо ответил тот. - Надо действовать благоразумно. Идемте в милицию и заявим. Оттуда пошлют участкового, и тот сцапает эту женщину в парандже.

Анзират замахала руками.

- Вы смеетесь! Не в женщине дело... Тут целая шайка. Они следят, они все знают...

- Их можно перехитрить, - так же невозмутимо продолжал Гасанов. - Вы отнесите клинок, запомните женщину, а потом заявим в милицию.

- Нет, нет, - запротестовала Анзират. - Дело идет о жизни сына, а я буду ловить каких-то бандитов... Каждая мать поступила бы на моем месте точно так же.

- Вы правы, - согласилась Людмила Николаевна. - С этим шутить нельзя. Торопитесь! А мы будем наблюдать здесь...

Подошел автобус, и Анзират, расталкивая стоявших пассажиров, первой влезла в машину.

Время летело, а автобус полз как черепаха. Анзират нетерпеливо поглядывала в окна, возмущалась, то и дело подносила к глазам часы.

Минуты летели, стрелки равнодушно ползли по циферблату...

Когда Анзират вбежала в калитку, тетушка Саодат ахнула от испуга:

- Что случилось? На тебе лица нет!

- После... потом... нет времени... - тяжело дыша, проговорила Анзират и бросилась в дом.

За нею поспешила и тетушка Саодат.

Анзират вскочила в комнату, подбежала к печи и стала отвинчивать замок дверцы. Тетушке она бросила:

- Скорее, простыню... Дорога каждая минута...

Ужас Анзират передался старухе. Она тоже засуетилась, задвигалась с необычной для ее возраста быстротой. Из шкафа на пол полетело белье, только недавно отглаженное и аккуратно сложенное старухой.

- Зачем берешь клинок? - на бегу спрашивала тетушка Саодат.

- После... все расскажу... Хоть вы не мучьте меня, - отрывисто бросила Анзират, лихорадочно завертывая клинок в простыню.

Через минуту-другую она уже сидела в автобусе и ехала к кладбищу, не отводя глаз от минутной стрелки часов.

На пути от остановки автобуса до кладбища ей никто не встретился. Никого не увидела она и на кладбище. Она легко отыскала скамью, на которой недавно сидела, огляделась и положила клинок возле той могилы, о которой сказал Наруз Ахмед. На щеках Анзират выступили красные пятна, судорога в горле все не проходила. Она перевела дух и посмотрела на часы: она не уложила в пятьдесят минут, две минуты лишних... Но это не страшно, теперь Джалил спасен. Она сделала все, что от нее требовали. Можно уходить...

Уставшая, ослабевшая, как после тяжелой болезни, она побрела обратно. Она шла, и сознание ее двоилось, будто сделала она что-то очень важное, необходимое и в то же время что-то темное, страшное.

Перепуганная насмерть тетушка Саодат ждала ее на улице у калитки. Она даже не решилась спросить, куда дела клинок ее Анзират. Она молча, не сводя неподвижных глаз, смотрела на нее.

Анзират подошла, взяла тетушку за руку и тихо сказала:

- Пойдемте... Сейчас я все расскажу...

Но она ничего не смогла сказать. Натянутые нервы сдали. Добравшись до комнаты, она бросилась в кровать, уткнулась лицом в подушку и разрыдалась. Старуха беспомощно топталась возле постели, не зная, что предпринять. В кабинете Саттара зазвонил телефон. Тетушка засеменила туда, и вскоре послышался ее голос:

- Доченька! Тебя зовут!

Анзират поднялась, машинально поправила волосы. Она даже не подумала о том, кто мог звонить, кому она понадобилась... Она ни о чем сейчас не могла думать, и все ей было безразлично. Анзират взяла трубку и услышала мужской голос:

- Ты благоразумная женщина и настоящая мать. Я решил испытать тебя, и ты выдержала испытание. Ступай сейчас же на кладбище и возьми клинок. Он лежит на том же месте, где ты его положила.

Голос умолк, трубка была положена.

Все перемешалось в бедной голове Анзират. Бледная, с неподвижно уставленными в одну точку глазами, она стояла возле стола, потирала лоб и старалась хоть что-то сообразить.

И все же у нее хватило сил вновь съездить на кладбище. Клинок и в самом деле оказался там, где был оставлен. И когда она опять водворила его в печь, ей показалось, будто ничего и не произошло.

Тетушка хлопотала возле нее, как около больной, и уже не решалась спрашивать.

Анзират прошла в свою комнату, снова бросилась в кровать и, закинув руки за голову, пустыми глазами уставилась в потолок.

Перед вечером к ней подошла тетушка Саодат и виноватым, упавшим голосом сказала:

- Людмила Николаевна сбежала...

- Как сбежала?

- А так... Запихала свои вещички в чемодан, отдала мне ключ и сказала, что больше не вернется.

Анзират вздохнула. Вокруг творилось что-то выше ее понимания. Спустя короткое время она забылась в больном сне. Кошмары менялись один за другим: то она шла в поисках кого-то глухой ночью по безлюдной каменистой пустыне, и завывающие шакалы неотступно брели по ее следу; то перед нею всплывало лицо Джалила с затаенным укором в глазах, он плакал, упрекал ее в чем-то и просил никогда не писать ему; то ей чудилось, что Токанд постигло землетрясение, дом их разрушен, под его обломками стонет и зовет на помощь Саттар, и она, живая, придавленная чем-то тяжелым, не чувствует ног и даже не в силах крикнуть, то ей казалось, наконец, что Наруз Ахмед бежит за ней и в руках его колокольчик, которым он все время звонит.

Анзират проснулась с приглушенным криком и услышала, как дребезжит телефонный звонок. Она вскочила, вытерла холодный пот и побежала в кабинет.

В комнатах было светло. Ушли кошмары и страхи. Анзират бросила взгляд на стенные часы: боже мой! Десять утра! Сколько времени она проспала!

Подняв трубку, она услышала голос Саттара.

Халилов приехал в Ташкент в ночь с воскресенья на понедельник и остановился в общежитии Дома офицеров. Утром, даже не позавтракав, он заторопился в военкомат. И вот тут пошли события совершенно непонятные.

Оказалось, что полковник Куприянов уже три дня назад получил отпуск и уехал в Рязань, а поэтому мог беседовать с Токандом по телефону только с промежуточной железнодорожной станции, но никак не из Ташкента. Никакой телеграммы в Токанд с

вызовом Халилова на переговоры из военкомата не отправлялось. В отделе кадров никто ничего не знал.

Озадаченный и встревоженный Халилов не мог взять в толк: кому и зачем понадобилось сыграть с ним такую злую шутку? Он пришел к заключению, что, очевидно, он мешал кому-то в эти дни в Токанде. Все минувшие события сплелись в одно целое и не совсем понятное: история с загадочным клинком, странное поведение Людмилы Николаевны. Кстати, ведь она приехала из Ташкента. Придется позвонить в Комитет по делам физкультуры и спорта и навести о ней справки.

Он тут же из военкомата позвонил, назвал себя и просил сообщить, скоро ли вернется инструктор Людмила Николаевна, командированная в Токанд. Ему ответили, что никакой Людмилы Николаевны среди сотрудников комитета нет и не было и никого в Токанд комитет не посылал.

Халилов окончательно утвердился в своих подозрениях. Все ясно... Значит, как он и предполагал, Людмила Николаевна - авантюристка. Теперь подполковник не мог отделаться от дурного предчувствия. Ему мерещилось, что без него дома произошли странные, непоправимые несчастия. Надо немедленно звонить в Токанд!

Халилов выбежал из военкомата, сел в первое попавшееся такси и помчался на междугородную телефонную станцию. Он ворвался к начальнику станции и попросил заказать срочный, вне всяких очередей разговор с Токандом.

То, что он услышал от Анзират, показалось ему до того неправдоподобным, выдуманым, что он отказывался верить и с опаской подумал, не больна ли жена.

Успокоив кое-как жену и строго наказав ей запереть все двери, калитку и никуда не выходить из дому, он попросил станцию переключать его на Шубникова.

Услышав в трубке голос Шубникова, Халилов стал торопливо и бессвязно докладывать ему о нелепом положении, в котором он оказался в Ташкенте, и о том, что произошло дома. Подполковник прервал его:

- Все знаю! Спокойствие! Не теряй головы. Мы здесь оказались недостаточно проворными и кое-что прохлопали, но ничего страшного не произошло. Игра идет к концу. Ты должен срочно возвратиться. Постарайся получить место на ферганский самолет. Он вылетает из Ташкента, кажется, в семнадцать часов. А я подъеду в Фергану на машине и встречу тебя. О доме не беспокойся. Никакой угрозы сыну нет, а жене - тем паче. И главное - спокойствие!

Халилов повесил трубку, вытер взмокший лоб и облегченно вздохнул. Но тут же мелькнула беспокойная мысль: а может быть, Шубников просто успокаивает его?..

22

За окном догорала вечерняя заря. Понедельник был на исходе.

Наруз Ахмед сидел у стола в своей комнате, а перед ним лежал листок бумаги из ученической тетрадки с замысловатыми знаками, арабскими буквами, цифрами и пятью черепами. Сейчас этот листок казался Нарузу Ахмеду центром вселенной.

Удача полная! Такого хорошего настроения у него давно уже не было. Все вышло именно так, как он наметил. Даже упрямый ишак Икрам-ходжа и тот вынужден признать превосходство Наруза Ахмеда и точный расчет его плана.

Вполне возможно, что подполковник Халилов там в Ташкенте уже сообразил, что его одурачили и провели за нос. Он сейчас рвет и мечет. Тем лучше. А дело сделано. И никто, конечно, не подкопается, что вместо полковника Куприянова по телефону с токандским военкомом беседовал Гасанов и что телеграмма с вызовом Халилова и фальшивым номером отправлена опять же не Куприяновым, а Гасановым. И все прошло гладко, без сучка без задоринки. Удивительно, что такую телеграмму приняли на почтамте. Но на то и дураки водятся, чтобы умные их обставляли. А кто придумал? Он, Наруз Ахмед! А кто

каркал, что из этой затеи ничего не получится? Икрам-ходжа! Не верил он и в то, что Анзират поддастся на приманку, придет на свидание и принесет клинок. Не верил, что служебную телеграмму примут от частного лица.

Ни во что не верил этот старый брюзга и трус. Слушая его, можно было и сегодня сидеть с пустыми руками. Но теперь-то он вынужден признать удачу. И до чего же упрям этот старик! До глупости! Уже после того, как таинственный шифр был скопирован с клинка, Икрам-ходжа стал протестовать против возврата клинка. В своем упрямстве он не хотел внять доводам Наруза Ахмеда. А смысл в этом возврате был глубокий: если бы они не вернули клинок, то Халилов по приезду, несомненно, поднял бы такую шумиху, что небу стало бы жарко. В розыски клинка включились бы все силы милиции и МГБ. А кому нужна шумиха? Теперь Халилов ничего не предпримет. Если Анзират все ему расскажет, он постарается скрыть это дело, ибо побоится раскрыть начальству тот неприятный факт, что жена его вступила в сговор с бывшими басмачами. Но вернее всего предположить, что Анзират будет молчать и ничего не расскажет мужу: вряд ли она рискнет возбудить в нем ревность напоминанием о Нарузе Ахмеди, а тем более напоминанием о том, что Джалил не родной сын Халилова...

Халилову нет никакого резона поднимать историю: небезопасно для карьеры и весьма неприятно с точки зрения семейной. В конце концов клинок цел? Цел. В доме? В доме. Чего еще человеку надо! Да, расчет оказался верным.

Торжествующий, довольный Наруз Ахмед встал и спрятал листок с шифром в карман. В комнату вкатился Икрам-ходжа.

- Удалось купить? - спросил его Наруз Ахмед.

- Почему бы это мне не купить? - ответил старик и подал железнодорожный билет.
- Поезд отходит завтра утром, можно не торопиться.

Наруз сунул билет в карман и возбужденно стал расхаживать по комнате и рассуждать:

- Теперь вот что... Мне думается, что торчать Гасанову в Токанде нет никакой надобности. Он здесь уже примелькался, а тут еще этот роман с Людмилой Николаевной... Как вы смотрите, Икрам-ата?

- Пожалуй, в твоих словах есть истина, сын мой, но...

- Никаких "но", - перебил Наруз Ахмед. - Пусть садится в свой "Москвич" и едет в Бухару. Он понадобится мне недельки через две.

- Я могу вызвать его в любое время.

- Еще лучше. Значит - отпускайте его!

- А сообщать Джарчи ничего не будешь? - ядовито поинтересовался старик.

Наруз Ахмед почесал затылок. Надо бы сообщить... Поколебавшись, он сел за стол и написал девять слов:

"План в моих руках. Помогла жена. Завтра выезжаю на место".

Отдав бумажку Икраму-ходже, он сказал:

- Пусть Гасанов передаст это не из Токанда, а из Бухары. А лучше - по пути. Так спокойнее.

Икрам-ходжа кивнул и отправился за кодом.

Город спал. По небу плыл круглый лунный диск. Лишь кое-где блеснет одинокое окно с огоньком.

В одном из кабинетов городского отдела горела яркая настольная лампа. Шубников и Халилов, одетые в штатские костюмы, сидели рядышком на диване.

- Все, что угодно, но такой фантастической наглости с его стороны я никак не ожидал, - закончил свой рассказ Халилов.

- Это не наглость, а нечто иное, - возразил Шубников. - Это, если хочешь знать, промах, просчет, непростительная ошибка. Мы ждали, когда он вылезет на божий свет, и дождались. Нам только это и нужно было.

- Значит, ты знал, что Наруз Ахмед скрывается в доме Икрама-ходжи?

- Нет, этого мы не знали.

- Хм... Может быть... Я конечно, не берусь давать советы тебе, Леонид Архипович, но не думаешь ли ты...

- Заранее могу предсказать, что ты хочешь сказать, - прервал его Шубников.

- Серьезно? - улыбнулся Халилов.

- Вполне. Ты хочешь сказать: не думаешь ли ты, дорогой товарищ Шубников, что было бы лучше не выпускать Наруза Ахмеда из города, а арестовать сейчас же, немедленно?

- Ты прав.

- Понимаю, так думаешь не только ты, но и еще ряд товарищей из моего отдела. Но нет, говорю я, сейчас нельзя брать. Все свое время. Трудно поверить в то, что Наруз Ахмед пожаловал сюда только из-за клинка. И я не был бы чекистом, если бы взял за основу эту версию. Клинок - только повод. Наруз Ахмед - орудие в чьих-то руках. Его перебросили за кордон, предоставили самолет. А все это не так просто и не так дешево. Ясно, что перед ним поставлены другие, более важные, чем похищение клинка, задачи. В этом я ни на минуту не сомневаюсь. Мы обязаны узнать, кто хозяин Наруза и какие задачи ему поставлены. Наруз должен быть арестован лишь тогда, когда появится реальная угроза, что он сможет скрыться и бежать. Понятно, не исключен известный риск, но без него обойтись невозможно. Ясно?

- Примерно ясно... Но ты знаешь последнюю новость? - спросил Халилов.

Шубников вскинул брови.

- Наша прекрасная жилища дала лататы...

- Ч-черт!.. - сорвалось у Шубникова. Он потянулся к телефону, снял трубку, набрал нужный номер и строго спросил кого-то:

- От лейтенанта Сивко звонка не было? Что? Так... Так... Хорошо... Если будет звонить еще раз, скажите, что я уже выехал на место. Да, да.

Шубников положил трубку и продолжил начатую Халиловым тему:

- Твоя новость, Саттар Халилович, состарилась еще вчера днем. Думаю, что ваша квартирантка далеко не убежит. Во всяком случае этого дома, где мы сейчас с тобой сидим, ей не миновать.

- Ты уверен?

- Уверен.

- А я, знаешь ли, будучи в Ташкенте, не зевал. Взял да и позвонил в Комитет по делам физкультуры и спорта.

- Ну и что тебе ответили?

- Ответили, что такой у них нет и не было.

- А что же другое они могли сказать, - усмехнулся Шубников. - Эта особа такой же сотрудник комитета, как и ты.

Стук в дверь прервал разговор.

Вошел шофер и доложил, что машина готова.

- Мы сейчас, - сказал подполковник.

Шофер вышел. Когда Халилов поднялся, подполковник спросил его:

- У тебя какой пистолет?

- "ТТ"...

- Не годится, - сказал Шубников и подошел к несгораемому шкафу. - Нужна штука поменьше. - Он достал из шкафа "маузер Э 2", проверил его, поставил на предохранитель и подал Халилову. - А твою пушку давай сюда спрячем. Вот так... Я любил "наган"... Хорошее оружие было, но жаль: как дело доходило до перезарядки - дрянь. Ну? Кажется, ничего не забыли?

Шубников подумал о чем-то, и по губам его скользнула едва заметная улыбка. Он посмотрел на часы и сказал:

- Вот уж и вторник начался. Поехали?

- Я готов.

Подполковник выключил свет, отдал ключ от кабинета вахтеру, и они вышли. У подъезда стоял газик-вездеход. Друзья сели в него, и водитель тронул машину.

23

Поезд мчал Наруза Ахмеда в Бухару.

На западе в золотистой предзакатной дымке умирал день. За окном промелькнули поля, засеянные хлопком, изрезанные арыками. Вновь потянулись пески. Подернутые мертвой волнообразной рябью, они простирались во все стороны, куда только хватал глаз.

"Проклятая страна, - думал Наруз Ахмед. - Какой дурак выдумал, что родина прекраснее всего..."

Он сидел у самого окна, смотрел и думал. Думал о том, что скоро он расстанется с землей своих предков и вернется назад, в чужой край. Ему вспомнились слова одного тегеранского купца: "Э-э, дорогой! - говорил он. - Отчизна для человека там, где ему дадут хороший шашлык..." Да, теперь чужбина обернется к нему другим лицом. Теперь его ждет жизнь, настоящая жизнь, непохожая на прежнюю. Но прежде чем раскланяться с узбекской землей, он должен еще исполнить второе задание Керлинга и, наконец, свой священный долг. Он обязан сдержать клятву и отомстить за отца. Как? Ну уж это его личное дело, и ни с кем своими планами он делиться не намерен. Во всяком случае ни Джалилу, ни Анзират, ни Саттару не уйти от мести. Настигнет ли их рука самого Наруза или чья другая, направленная им, - значения не имеет. Но лишь только после того как он своими глазами увидит кровь этих трех ненавистных, выпущенную из их жил, он со спокойным сердцем покинет бывшую отчизну и трижды плюнет, трижды проклянет и эту страну, и ее неблагодарный народ.

Сладостное предчувствие удовлетворенной мести охватило Наруза Ахмеда, и он мечтательно закрыл глаза.

Двое соседей по купе мирно спали, а пожилая женщина туркменка, сидевшая напротив, читала русскую книгу.

Когда над песками стал сгущаться вечерний сумрак, поезд ворвался на разъезд, резко сбавил ход и остановился.

Наруз Ахмед прижался лбом к теплomu стеклу. Пора! Цель близка. Он встал, перебросил через плечо рюкзак, прихватил металлическую тросточку и вышел из купе.

Он понимал, что появляться на безлюдном перроне разъезда, когда еще не стемнело, опасно. Одинокий пассажир невольно привлечет к себе внимание обитателей разъезда - людей всегда любопытных.

Наруз Ахмед прошел через три вагона, полных разнообразным людом, мимо спящих, закусывающих, беседующих пассажиров. До паровоза оставалось всего три вагона: пассажирский, багажный и почтовый.

Раздался оглушительный долгий паровозный гудок: на разъезд влетел встречный состав и загрохотал по второму пути.

Наруз Ахмед потянул на себя дверь, и завихрения пыльного воздуха, пахнувшего углем и дымом, ударили ему в лицо. Он спрыгнул на землю между поездами, выждал, пока промчался встречный, быстро пересек полотно и направился в пески.

В небе зажглись яркие звезды, но вскоре вошла луна, и в ее серебристом сиянии блеск звезд потускнел.

Разъезд остался позади, огоньки его становились все меньше и меньше. Наконец исчез и красный огонек далекого семафора. С юга подул горячий ветер и легонько прошелестел в выгоревшей и сухой траве.

Наруз Ахмед шагал крупно, уверенно, будто бывал здесь не раз. Изредка он оглядывался, стараясь держать направление так, чтобы разъезд оставался у него строго позади, за спиной.

Прошагав с час, он обостренным зрением различил в рассеянном свете луны небольшие глиняные холмика. Это были колодцы пустыни.

Вот он, ориентир! Значит, клинок не лгал, его тайнопись оказалась верной. Сбываются мечты бессонных ночей, голодных дней.

Местность эту издавна называли урочище Кок-Ит, что в переводе означало - урочище Серая собака.

Наруз Ахмед почти побежал к колодцам, расположенным звездой примерно в сто метров диаметром.

Теперь предстояла задача более трудная: надо обнаружить второй ориентир, решающий. Только найдя его, можно добраться до тайника.

Наруз Ахмед тревожно и внимательно осмотрел местность. Да, второй ориентир отыскать не так легко. Это всего-навсего кусок рельса четырех аршин длиной. Половина его загнана в песок, а другая должна торчать на поверхности. Но рельса не видно. Его могли вытащить и увезти, или, быть может, замело песком - и тогда крах всем надеждам.

Наруз Ахмед обошел все семь колодцев, как голодный волк вокруг кошары, озираясь, подгибая почему-то колени и втянув голову в плечи. Его серая тень причудливо металась по песку, то замирая, то снова двигаясь вперед. Он сделал второй, потом третий круг - и все безрезультатно. Тогда Наруз совсем низко пригнулся и принялся исследовать каждую пядь земли в пределах десяти шагов от колодцев. Временами он опускался на четвереньки и тогда впрямь становился похожим на большого шакала. Казалось, вот-вот он поднимет лицо к бесстрастному ночному светилу и завоет.

Лишь к часу ночи, когда были проверены и ощупаны все песчаные уголки вокруг каждого колодца и когда отчаяние готово было овладеть им, Наруз наткнулся на железный шпынек, торчавший из песка в таком месте, что нельзя было и предположить найти его. Почти весь рельс ушел в песок. На поверхности маленького барханчика оставался лишь верхний конец, сантиметров двадцать. Еще год-два - и он исчез бы.

Наруз Ахмед сообразил, почему он так долго не мог отыскать этот проклятый рельс: он искал его в пределах десяти шагов от колодцев, ориентир же торчал в двадцати пяти шагах.

Обессиленный Наруз Ахмед уселся на песке, отдохнул, выкурил папиросу и, шумно вздохнув, дрожа от нетерпения, встал, готовый к дальнейшим поискам. Теперь все зависело от точности ориентировки. Он достал компас со светящимися стрелками и отпустил зажим. Стальная тросточка длиной ровно в аршин служила ему меркой. Отмерив семь тросточек от рельса строго на восток, он уткнулся в один из колодцев. От колодца он проложил пять тросточек на северо-восток и поставил вешку. Потом от нее он отмерил еще семь - на юг, затем на север и, наконец, четыре на запад. Все! Хватит! Теперь надо копать. Он воткнул в песок тросточку, сбросил с плеч рюкзак и вынул из него небольшую саперную лопату с короткой деревянной рукоятью. Затем очертил круг диаметром в метр, опустился на колени и начал копать.

Верхний слой песка, наносный, не слежавшийся, подавался легко. Далее песок становился плотным, копать было труднее. Но все же работа быстро продвигалась вперед.

Взволнованный и потный Наруз Ахмед отбрасывал песок во все стороны, все больше углубляясь в почву и расширяя края ямы. Когда глубина ее достигла полуметра, на ладонях Наруза вздулись волдыри. Но что такое волдыри в сравнении с тем, что лежит на дне ямы? Ерунда, о которой даже не стоит думать.

Но вот что-то глухо звякнуло. Наруз Ахмед отложил лопатку в сторону, лег плашмя и с замирающим сердцем стал по-собачьи разгребать песок руками.

Когда он вытащил из ямы первый череп, то едва не закричал от радости. Он готов был расцеловать пожелтевшую кость, вскочил на ноги, обхватил череп руками и, испуская дикие вопли, принялся выделывать ногами невообразимые фигуры. Успокоившись, Наруз вновь улегся на песок и энергично заработал руками. За первым черепом последовал второй, третий, четвертый и, наконец, последний, пятый, как и указано на клинке. Теперь на песке уже лежала пирамидка черепов. Все правильно! Никакой ошибки! Сейчас

он доберется.

Наруз Ахмед яростно вгрызлся в песок, рвал, рыхлил его пальцами и пригоршнями выбрасывал наружу. Сердце ходило ходуном от восторга, усталости, возбуждения. Надо бы сделать передышку, но он уже не мог остановиться. Пот катился по лицу, заливал глаза, спина взмокла, и рубаха прилипла к телу. Если бы сейчас затрещали пулеметы и стали рваться снаряды, он все равно не прекратил бы рыть. Наконец палец правой руки скользнул по чему-то твердому. Наруз Ахмед всем корпусом сунулся в яму. Руки его заработали еще быстрее. И вот они ухватились за что-то. Напрягая остатки убывающих сил, Наруз вытащил здоровенный глиняный кувшин. В него можно было вместить не меньше двух ведер воды. Синие жилы вздулись на его лбу и мышцах рук, когда он приподнял кувшин, чтобы оттащить в сторону. Обессиленный, он упал рядом с кувшином.

Вот он, клад! Вот оно, богатство! Вот оно, наследство отца! Теперь - все.

Когда Наруз Ахмед отдышался, он сунул руку в горловину кувшина. Пальцы наткнулись на плотный, как камень, песок. Тогда, напрягшись, он перевернул тяжелый кувшин вверх дном, чтобы вытряхнуть содержимое. Но песок, видимо, так спрессовался, что закупорил горловину, точно притертой пробкой. Видя, что из этой затеи ничего не выйдет, Наруз схватил лопатку и с силой ударил по кувшину. Лопатка отлетела от него, как молот от наковальни. Наруз нехорошо выругался, постоял в раздумье, тяжело дыша, затем схватил кувшин в охапку и потащил к рельсу. Уж против стали никакая глина не устоит!

И кувшин не устоял. Ударившись о конец рельса, он развалился на куски. Развалился, и из него высыпался песок. Да, песок. Обыкновенный песок пустыни, который на сотни километров простирался вокруг. Кругом пустыня... Везде этот проклятый песок... И во рту он хрустит, к телу прилип. В тяжелой, налитой голове - тоже будто песок...

Наруз Ахмед стоял, тупо уставившись на обломки кувшина. В глазах его мелькали желтые точки, будто колючие песчинки.

Постояв, он медленно опустился на колени и трясущимися руками стал перебирать каждый слежавшийся комочек. Песок бежал между пальцев бесконечным ручейком, и казалось, нет конца этой быстро текущей, тающей в пальцах струйке.

В эти минуты Наруз Ахмед еще неспособен был охватить умом случившееся. Мозг его будто выключился, и оставалось лишь странное ощущение, что вместе с вытекающим сквозь пальцы песком уходят из тела мысли, силы, жизнь. Это отупение длилось недолго. Внезапно он вскочил на дрожащие ноги. Больше он не мог сдерживать себя. Он рванул ворот рубахи и разразился страшными проклятиями. Он проклял аллаха и Магомета, пророка его, проклял того, кто опередил его, проклял самого себя и тот день, когда родился. Этот обезумевший человек повалился на песок и стал кататься по нему, и лишь когда на востоке заалел край неба, Наруз Ахмед пришел в себя и поднялся. Опустошенный, разбитый, он взял свой рюкзак и ковыляющей походкой поплелся к железной дороге.

24

"Москвич" катился на средней скорости по узкой полоске щебенчатой дороги. Освещенная лучами фар дорога походила сейчас на широкий арык и убегала в темную даль.

Получив от Икрама-ходжи изрядную сумму за операцию по изъятию клинка, Гасанов возвращался в Бухару. Настроен, он был отлично. Все обошлось гладко, лучше, чем он ожидал, а сумма, полученная от старика, намного превышала обычную оплату. Гасанов спокойно вел машину и мурлыкал себе под нос что-то веселое. Вдруг дорога впереди посветлела: Гасанов догадался, что его нагоняла машина. Водитель этой машины то включал, то выключал свет - и циферблаты на приборном щитке "Москвича" то вспыхивали, то гасли. Скоро раздались два коротких гудка. Гасанов определил по сигналу, что его нагоняет "Победа" и просит уступить дорогу.

Пусть обгонит! Гасанову некуда спешить. Он сбавил газ и свернул к обочине. "Победа"

шурша пролетела мимо, подняв густые клубы пыли, и вскоре два красных огонька ее стоп-сигналов исчезли.

Гасанов продолжал ехать полегоньку, пока не улеглась пыль, а потом набрал прежнюю скорость.

Впереди замаячили два огонька: это задний свет той же "Победы". Чего же она тянется, как арба, и никак не оторвется от "Москвича"? Гасанов ослабил нажим ноги на педаль акселератора, но огоньки почему-то не удалялись, а приближались. Неужели "Победа" застряла?

По сторонам замелькали деревья шелковиц с шарообразными кронами, и в полосе света фар мелькнули перила моста через арык. Потом обрисовался весь мост и стоящая на нем автомашина. Это "Победа". Она застопорила. Гасанов посигналил и увидел шофера чужой машины. Он возился у откинутого капота.

"Этого еще не хватало! - с досадой подумал Гасанов и метрах в пятнадцати от моста остановил свой "Москвич". - Надо сходить узнать, что с ними приключилось".

В это время задние дверцы "Победы" распахнулись, и из машины вышли двое военных. Быстрыми шагами они направились к "Москвичу".

Гасанов смотрел на них, точно замороженный, и почти не дышал. Военные подошли к "Москвичу" с обеих сторон. Тот, что слева, открыл дверцу и низким голосом приказал:

- Подвиньтесь!

Гасанов безропотно выполнил команду и уступил свое место. Неизвестный сел за баранку, а его товарищ расположился на заднем сиденье.

Гасанов не рискнул ни протестовать, ни даже спросить, с кем он имеет дело и чем можно объяснить такую бесцеремонность со стороны офицеров.

Захлопнулись дверцы, и заурчал включенный мотор. "Москвич" тронулся вперед, у самого моста развернулся и покатил обратно в Токанд. За ним последовала "Победа". Теперь она уже не просила уступить дорогу, а покорно пробивалась через облако пыли, вздымаемое "Москвичом".

У Гасанова хватило все же сообразительности понять и должным образом оценить происшедшее. Немного погодя он оправился от столбняка, в который было впал вначале, поерзал на месте и уселся поудобнее.

Нужно было раскинуть мозгами. Интересно, что они знают. И что послужило причиной? Неужели завалился старый Икрам? Быть не может! Такого волка голыми руками не возьмешь. Нет, тут что-то другое. А что же? Спекулятивные махинации? Но причем здесь эти фуражки? Они, насколько ему известно, никакого отношения к милиции не имеют.

Странно. Очень странно... Плохо и то, что он не знает, сколько в его кармане денег. Дурак! Даже не пересчитал. Впрочем, деньги ерунда. Под сиденьем хранится радиостанция и закодированная, не переданная еще радиограмма. Вот это совсем серьезно. Но теряться не следует. Может быть, еще не все шансы потеряны...

Чтобы вернуть утраченную храбрость и укрепить ослабевший дух, Гасанов попробовал даже просвистать тот самый веселый мотивчик, который привязался к нему с утра.

Его спутник слева повернул голову и низким голосом бросил:

- Не нервничайте!

Гасанов угодливо улыбнулся и умолк.

Икрам-ходжа лежал на пухлом ворохе одеял и подушек в первой комнате. Все-таки на полу привычнее и куда лучше, чем на кровати. Рядом стоял низенький столик, а на нем - фарфоровый чайник.

Старик ворочался с боку на бок, вздыхал. Ему не спалось. Мысль о тайнике того крупного разведчика, о котором говорил Наруз, не давала ему покоя и отгоняла прочь сон. Почему Наруз Ахмед не привлек его к поискам тайника? Вдруг там кроме бумаг хранится кое-что и еще? Тайники бывают разные. Разведчики - тоже. Надо полагать, что этот

важный господин не зевал на земле Туркестана и не забывал своих интересов...

Старику казалось, что его несправедливо обошли, и от этого на сердце накопилась горькая обида. В самом деле: где же правда? Не будь его, да разве Наруз Ахмед добрался бы до тайнописи на клинке? Никогда. И где бы он нашел такого артиста, как Гасанов?

Часы на стене хрипло пробили два раза. Икрам-ходжа вздохнул. Сутки канули в вечность. Уже прошло два часа новых суток. И с каждым часом все укорачивается жизненный путь старого Икрама, все ближе подвигается он к могиле. Очень обидно! Но аллах велик, мудр, всемогущ и знает, что делает. Авось он забудет об Икраме и продлит его дни на этом свете, ну хоть бы годков на десять.

Икрам-ходжа приподнялся на локте, протянул жирную обнаженную руку к столику и нащупал на нем чайник. Он поднес его ко рту, отпил несколько глотков, поморщился и сплюнул. Крепко!

Теперь надо уснуть. К черту и тайник, и Наруза Ахмеда. Старик улегся поудобнее, плотно смежил веки и решил уснуть. Но шаги во дворе заставили его встрепетаться. Неужто вернулся Наруз? Но кто же больше? Из посторонних ключ от калитки имеет только он, и то лишь по случаю выезда. Икрам-ходжа разбросал подушки и сел. Шаги и сдержанный говор слышались уже в сенях. С кем же мог пожаловать этот бешеный Наруз? И не сошел ли он с ума, ведя в дом чужого?

В дверь постучали.

- Входите, открыто! - сказал Икрам, не зная, что и подумать.

Дверь скрипнула, щелкнул выключатель, и свет залил комнату. У порога стояли капитан, лейтенант и штатский из махалли.

- Икрам Ашералиев? - осведомился капитан.

- Да, я. А что?

- Ничего особенного... Рады познакомиться. Одевайтесь!

Икрам-ходжа быстро заморгал набрякшими веками и голосом невинного младенца заговорил:

- Зачем вы нарушаете покой старого человека? Зачем я вам понадобился? Моя душа уже разговаривает с аллахом. Я не живу, а тлею. Уже близок мой конец!

Капитан пристально всмотрелся в лоснящуюся физиономию Икрама и, не найдя в ней никаких намеков на близкий конец, сказал:

- Головешки обычно тлеют очень долго, а иногда дают и огонь. Быстро одевайтесь! - а лейтенанту приказал: - Начинайте обыск!

25

Поезд, четко пощелкивая на стыках рельсов, мчался по песчаной степи, окутанной предутренним сумраком.

Наруз Ахмед сидел на боковой скамье жесткого вагона, освещенного тусклой лампочкой. Глаза его были закрыты. Он не спал и не бодрствовал; в голове царил пустота. Все, что мог сделать смертный, - кажется, сделано. Воля Наруза Ахмеда, как изжившая свой век пружина, начала сдавать. Единственно, о чем он думал сейчас, это о том, как выбраться с этой ненавистой земли на ту сторону. Размышляя под перестук вагонных колес, он вспомнил о втором задании Керлинга, еще не выполненном, и ему стало не по себе. А что, если шеф не захочет выслать самолет и потребует завершения дела? Как тогда? Это равносильно смерти. Наруз Ахмед уже выбит из строя: не осталось сил действовать. Бежать, бежать отсюда!

Паровоз дал протяжный гудок.

Наруз Ахмед вздрогнул, приоткрыл веки и поймал на себе внимательный взгляд человека, сидевшего напротив.

Откуда он взялся, этот пассажир? Когда Наруз Ахмед садился, никого здесь не было.

Как же он не заметил его появления?

Наруз сделал вид, что вновь задремал, но сквозь чуть приоткрытые щелочки век стал разглядывать нового пассажира. Молодой парень, видно, небольшой служащий. И почему он не спит?

Вагон качнуло на стрелках. Наруз Ахмед нервно открыл глаза и глянул в окно. Начинает светать. До Токанда еще далеко... Он поднял руки, чтобы провести ими по лицу, согнать усталость, и обмер: руки были в песке и глине. Да что руки! Измазаны были рукава пиджака, брюки на коленках, сапоги. Непростительный промах! Как он мог не заметить такого?

- Я вас где-то видел и не могу вспомнить где, - произнес вдруг человек, сидевший напротив. - Мне очень знакомо ваше лицо.

Этих слов было более чем достаточно, чтобы окончательно ввергнуть Наруза Ахмеда в панику.

Он через силу улыбнулся и с трудом выдавил из себя:

- Не знаю... Вы мне не кажетесь знакомым...

С этой минуты чувство страха заморозило его сердце и мозг. Чем дальше мчался поезд вперед, тем глубже овладевал им страх, все сильнее подчиняя себе каждую жилку, каждый нерв. Страх вызывал тошноту, гнусную слабость в ногах, путал мысли...

За окном пробежали станционные строения с чахлыми огнями. Поезд замедлил ход. Видимо, остановка. Опасаясь, что сосед снова начнет задавать ему скользкие вопросы, Наруз Ахмед сам обратился к нему:

- Вы не будете выходить?

- Нет, нет... - быстро ответил тот.

- Пригляните за моим рюкзаком, - попросил Наруз Ахмед, встал и пошел по вагону.

Поезд скрипнул тормозными колодками, дернулся, лязгнув буферами и встал.

Наруз Ахмед задержался в тамбуре, кое-как почистил пиджак, брюки и вышел на безлюдный перрон. Он спросил, как долго будет стоять поезд, и заспанный проводник ответил, что минут пять.

Наруз Ахмед вышел из вагона с умыслом: во-первых, он хотел проверить, не последует ли за ним подозрительный сосед, и, во-вторых, надо было размяться и согнать оцепенение. Он за ночь не сомкнул глаз и если, садясь в вагон, мечтал поспать, то после вопроса соседа уже боялся задремать хоть на минуту. Если за ним ведется слежка - надо быть начеку!

Наруз зашагал вдоль вагона, мельком взглянул на свое окно, и ему показалось, что за стеклом промелькнуло лицо попутчика. Именно промелькнуло, потому что, когда Наруз шел обратно, в окне уже никого не было. Но зато он заметил другое: возле ступенек соседнего вагона стоял молодой человек в брюках галифе и косоворотке навыпуск, перехваченной армейским поясом. Парень стоял, широко расставив ноги, дымил папиросой и в упор смотрел на Наруза Ахмеда. На правом боку парня из-под рубашки, кажется, что-то подозрительно топорщилось.

Наруз прошел до конца состава, повернул обратно, а парень все стоял и смотрел в его сторону.

Кондуктор дал свисток. Наруз Ахмед побежал к своему вагону, вскочил на ступеньки и, наклонившись, посмотрел вдоль состава: парень тоже стоял на ступеньках соседнего вагона.

Нарузу Ахмеду стало не по себе. Он вбежал в вагон и зашел в уборную. Мутное и волнистое зеркало, точно вода, подернутая рябью, отразило осунувшееся, с ввалившимися глазами лицо. Он умылся, вытерся носовым платком и вернулся на свое место. Сосед, привалившись в угол, спал. Наруз поглядел на него исподлобья и решил: "Притворяется..."

Поезд тронулся.

Миновали полустанок, разъезд. Наруз Ахмед по-прежнему сидел у окна и, казалось, наблюдал, как медленно свет еще невидимого солнца просветляет небо. Когда поезд

подошел к какой-то захолустной станции, Наруз еще раз решил проверить, нет ли за ним слежки, а заодно и перекусить.

Он вышел на перрон. Молодой человек в косоворотке лениво потягивался у вагона и будто поджидал. Наруз быстро юркнул в здание низенького темного вокзала и прошел к буфету. Стоя у прилавка, он проглотил два черствых бутерброда, выпил бутылку какой-то рыжей мутной жидкости. Когда он уже расплачивался с заспанной и хмурой буфетчицей, к буфетной стойке подошел парень в косоворотке и потребовал винегрет.

Все ясно! Следят! И сосед по вагону, и этот, в косоворотке. Оба следят. Надо что-то предпринять. Нельзя тянуть за собой "хвост" в Токанд. Пусть даже все эти подозрения беспочвенны - все равно рисковать нельзя. Надо действовать быстро. Надо немедленно уходить от этих проклятых парней. Можно отстать от поезда. Если не сейчас, то на следующей остановке. Придется снова проскочить в буфет, сесть за стол, заказать себе что-либо, а поезд пусть уходит. Интересно, что они предпримут?

Способность к действию и злая решительность снова вернулись к Нарuzu Ахмеду.

Расправив плечи, твердой походкой он вернулся в вагон.

Сосед спал, на этот раз, кажется, по-настоящему. Рот его был открыт, и храп был так безмятежен, что все подозрения отпали.

Наруз Ахмед уселся. Поезд дробно пересчитал выходные станционные стрелки и начал набирать скорость.

Разгоралось утро. За окном тянулась холмистая местность, поросшая саксаулом. Быстро мелькали телеграфные столбы. Провода то уходили вверх, то ныряли вниз.

Показалось небольшое овальное озерцо в зеленой камышовой оправе. Рядом пасся табун лошадей.

Горизонт удалялся, видимость ширилась. Вдали густой каймой обозначались тугаи, а за ними блеснуло зеркало реки. Вагон чуть клонился на крутых закруглениях, и тогда в окно можно было видеть паровоз.

Поезд шел под уклон. Промелькнул переезд с будкой и опущенным шлагбаумом. За шлагбаумом терпеливо стоял верблюд, на спине которого сидела женщина.

Наруз Ахмед закурил и стал соображать: оставить ли рюкзак в вагоне или захватить с собой? Лучше оставить. В нем нет ничего, что могло бы навести на след его или Икрама-ходжи.

Сосед, как и остальные пассажиры, продолжал сладко спать.

В окно блеснули лучи взошедшего солнца. Звонко загудел паровоз, будто приветствуя новый день.

Мелькнул семафор. Колеса вагона простучали на стрелках. Проплыл элеватор, ушли назад каменные пакгаузы с крупными надписями "За курение - штраф". Осталась позади водокачка.

Побрякивая буферами, поезд затормозил. Станция! Подозрительный сосед даже не шелохнулся. Наруз спокойно, неторопливо направился к выходу.

Проводник предупредил его:

- Осторожнее! На первый путь принимают проходной...

Справа, отсекая станцию, действительно приближался поезд. Наруз Ахмед сошел на перрон и хотел было перескочить через первый путь, но не рискнул и решил переждать; товарный состав с крытыми вагонами проходил станцию без остановки. И тут Наруза Ахмеда осенила смелая мысль. Он посмотрел на задний вагон: парня в косоворотке не было. Наруз быстро пошел вперед, против хода товарного поезда, ища глазами первую тормозную площадку. Когда она показалась, он повернул обратно, побежал рядом с вагоном и, нацелившись, ловко вскочил на подножку площадки, ухватившись руками за поручни.

Станция осталась позади. Усевшись на верхнюю ступеньку площадки и свесив ноги вниз, Наруз посматривал на уже знакомую местность, которую он проезжал минут десять - пятнадцать назад.

Солнце карабкалось на небо все выше и выше, заливая необъятную степь розоватым

светом. Паровозная труба извергала космы черного дыма. Он вился вдоль состава, стелился по земле и разрывался на лохматые куски.

Паровоз пыхтел и, задыхаясь на крутом закруглении, взбирался на подъем.

Но что за точка появилась сзади на путях, позади состава? Она, кажется, движется за поездом? Не иначе, ведь путь тут один. Точка приближалась, увеличивалась в размерах. Наруз пристально взгляделся и понял: поезд догоняла автодрезина. Да, открытая автодрезина. На ее лобовом стекле играли лучи солнца. Что же это такое? Почему здесь дрезина? Почему она мчится вслед за поездом?

Дрезина катилась быстро, расстояние между ней и поездом сокращалось и сокращалось. Теперь стало видно, что в дрезине три человека.

Холодок сжал горло Наруза Ахмеда. Неужели погоня? Он нервно подобрал ноги.

Поезд преодолел кривую, выровнялся, и дрезина исчезла из глаз.

Наруз шмыгнул на противоположную подножку, держась за поручни, далеко высунулся наружу, но и так дрезины не было видно. Он решил взобраться на крышу вагона, уже ухватился за фонарный кронштейн, но тут состав начал снова выгибаться на закруглении, и сразу показался его хвост. Лучше бы он не показывался... Дрезина! Она вплотную прилипла к заднему вагону состава. Теперь на ней был лишь один человек - моторист. Куда делись остальные два, гадать не приходилось: они стояли на тормозной площадке заднего вагона. Затем дрезина оторвалась. Просвет между ней и поездом увеличивался с каждой секундой все больше и больше.

Состав снова покатил по прямой и выровнялся. Промелькнул уже знакомый переезд со шлагбаумом. Показались тугай и река.

Наруз Ахмед вышел из оцепенения. Он опустил на нижнюю подножку, ухватился за поручни и повис на вытянутых руках. Из этого положения ему удалось увидеть на крыше третьего от него вагона двух неизвестных, совершенно не похожих на тех проклятых парней.

Все ясно! Больше никаких иллюзий Наруз Ахмед не строил. Где-то он просчитался, и теперь надо выкручиваться - хитростью, ловкостью, силой. Пришла минута открытого боя!

Он посмотрел вниз. Быстро мелькали шпалы, поезд шел по высокой песчаной насыпи, все ускоряя ход.

Наруз вытащил из заднего кармана брюк пистолет, снял его с предохранителя и лег плашмя на пол тормозной площадки с таким расчетом, чтобы его не заметили сверху.

Впереди показалось озеро, опоясанное камышом. Около него все еще паслись лошади. В голове Наруза мелькнуло: надо сейчас же прыгнуть и скрыться в камышах! Но в это мгновение с крыши соседнего вагона раздался громкий голос:

- Встать, господин Наруз Ахмед, и поднять руки! Ваше путешествие кончено!

Наруз сжался в маленький комочек. Страшным усилием воли, скрипнув зубами, он согнал свинцовую тяжесть, на секунду сковавшую все тело. Правая рука его молниеносно мелькнула, блеснув вороненой сталью, и один за другим раздалось два выстрела. Им ответил залиvistый гудок паровоза, все увеличивавшего скорость.

Наруз Ахмед понимал, что его выстрелы никого не поразили. Он и не рассчитывал на это, так как стрелял по невидимой цели, наобум. Его враги, видимо, залегли. Значит, он выиграл время. Пусть это время исчисляется секундами; теперь секунды решают все.

- Спокойнее! - крикнул тот же голос: - Берегите патроны!

Наруз Ахмед осторожно выглянул: никого не видно... Он приподнялся на четвереньки, быстро выпрямился и, оттолкнувшись от края площадки, прыгнул вперед на крутой, убегающий вниз откос.

На лету он услышал тот же голос:

- Вперед, Саттар! Не сорвись!

Упав на насыпь, Наруз Ахмед перекувыркнулся через голову и кубарем скатился вниз. Тут же он вскочил на ноги, оглянулся и, петляя, выплевывая набившийся в рот песок, устремился к озеру.

Предупрежденный окриком Шубникова, Халилов перемахнул на крышу соседнего вагона, соскользнул с него на площадку, на которой миг назад стоял Наруз, и, не задумываясь, тоже прыгнул. Через минуту за ним последовал и Шубников, хотя и не очень удачно. У него подвернулась левая нога.

Наруза Ахмеда и Халилова разделяли добрые две сотни метров. Шубников, заметно припадая на большую ногу, бежал позади.

Проклиная аллаха и день своего рождения, Наруз хватился, что обронил где-то пистолет, наверное на насыпи. Обогнув часть озера, он оглянулся: один преследователь быстро приближался, прижав к бокам локти, а второй - отстал. Наруз побежал дальше. Пот заливал ему глаза, из груди хрипло вырывалось дыхание. Потеря оружия будто сразу отняла у него половину сил. Вытерев на ходу грязной рукой глаза, он глянул вперед, и сердце его возликовало: у самой воды, возле едва курящегося костра, на куске войлока спал белобородый старик, видимо табунщик. А рядом, низко опустив голову, дремала под седлом лошадь каурой масти.

Еще не все потеряно! Судьба протягивает руку!

Наруз Ахмед разбежался и с разгона, не касаясь повода и стремени, влетел в потертое, с изодранной подушкой седло. Конь вздрогнул от неожиданности, всхрапнул, вздыбил и шарахнулся в сторону, чуть не подмяв под себя спящего хозяина. Наруз сорвал с острой луки камчу, стегнул коня между ушами и послал его с места в карьер.

- Сто-о-ой! - протяжно прокричал Халилов и выстрелил в воздух.

Старик табунщик вскочил и спросонья заметался по берегу, дико озираясь.

Халилов бросился к нему. Грудь его тяжело вздымалась, губы запеклись. Он хотел что-то сказать старику, но забился в кашле.

Табунщик, недоумевая, уставился на Халилова черными бусинками своих узеньких глаз, потом повернулся в сторону ускакавшего. А тот, ускакав примерно на полкилометра, вдруг спешился.

- Смотри! - крикнул Халилов.

- Чего смотреть? Подпруги подтягивает, - сказал старик. - Правильно делает. - Он поднес к морщинистому, прокаленному солнцем лицу коричневые руки, сложил их рупором и зычно крикнул: - Э-э-эй! Зачем брал коня?

Наруз Ахмед вновь вскочил в седло и припустил пуще прежнего.

- Ата! - раздался голос Шубникова. Он еле ковылял, подтягивая левую ногу. - Догнать его надо. Это плохой человек, бандит....

- Бандит? - удивленно переспросил старик и внимательно посмотрел в степь. - Худой бандит. Не на того коня сел. А табак есть, начальники?

Шубников и Халилов переглянулись, и оба вытащили помятые пачки папирос. Старик взял одну папиросу, взгляделся в надпись на мундштуке и закурил. Затянулся, пыхнул дымком и опять сказал:

- Худой бандит. Совсем глупый. Не на того коня сел.

Шубников хотел было тоже закурить, вынул папиросу, но тут же смял ее и бросил. Он опустился на землю, снял ботинок, поморщился и стал растирать поврежденное сухожилие. Старик подошел к войлоку, на котором спал, вынул из-под него две уздечки и направился к пасшимся лошадям.

- Уйдет! - проговорил Халилов, нервно похрустывая пальцами.

- Так уж и уйдет, - насмешливо заметил Шубников, массируя ногу. - В степи трудно спрятаться, да еще днем. И машина наша вот-вот подкатит.

Табунщик уже шел обратно, ведя в поводу двух низкорослых, неказистых с виду лошадок: вороную и гнедую.

- Садись, начальник, - сказал он Халилову, подавая повод гнедой лошади. - Скакал в своей жизни?

- Приходилось, - усмехнулся Халилов, с недоверием поглядывая на флегматичного конька.

Старик снова наклонился над войлоком, кряхтя достал из-под него тонкую волосяную веревку и пристроил ее себе на шею.

Халилов влез на неоседланного коня, и тот даже не шелохнулся.

- Одер! Кляча столетняя! - с тоской протянул подполковник, разбирая поводья.

Шубников рассмеялся:

- Ну, сейчас начнется призовая скачка. Жаль, подвернул ногу, а то бы я тоже включился.

Старик укоризненно покачал головой, неуклюже взобрался на своего вороного и сразу преобразился: стан его выпрямился, плечи развернулись, в глазах появился лукавый огонек.

- Крепко держись, начальник! - предупредил он Халилова. - Твой от моего не отстанет!

- Хоп! - сказал подполковник.

- Айда! - крикнул старик и ударил пятками в бока своего конька.

Вороной сорвался с места, точно ветер, а за ним рванулся и гнедой. Если бы Халилов вовремя не ухватился за гриву коня, то съехал бы ему на хвост.

"Вот так кляча!" - восхищенно подумал он.

Кони вытянулись струнами. Впереди мчался вороной. Халат старика пузырем надулся за спиной. Гнедой скакал сбоку вороного, на полкорпуса сзади.

Через несколько минут на дальнем краю степи показался силуэт всадника.

Старик гикнул, и кони стали как бы еще ниже.

В ушах свистел ветер.

Расстояние до всадника заметно сокращалось.

Вороной вырвался вперед, но гнедой тотчас же подхватил, свел на нет разницу и продолжал скакать, выдерживая дистанцию в полкорпуса.

Впереди уже отчетливо маячила спина Наруза Ахмеда. Он оглянулся и стал нахлестывать своего коня.

- Не на того сел! - крикнул старик. - Сто-о-й!

Наруз Ахмед скакал, выжимая из коня все, что мог.

Твердый как камень глиняный грунт незаметно сменился песчаным, но лошади почти не сбавили аллюра.

Наруз Ахмед держал путь к тугаям, к реке, надеясь найти там спасение. Но до реки было еще очень далеко. А расстояние между ним и преследователями все сокращалось. Сто метров... Пятьдесят... Тридцать... Двадцать...

Старик снял с шеи веревку, заправил петлю. Его вороной опять рванулся вперед, потом, послушный воле хозяина, метнулся в сторону. Старик взмахнул рукой и бросил аркан. Раздался свист, и Наруз Ахмед слетел с коня, точно его сдуло ветром.

Халилов промчался мимо, потом круто осадил и повернул гнедого. Старик уже спешил. Он стоял, оперев ладони в колени, над Нарузом Ахмедом. Тот лежал, распластавшись и широко раскинув руки.

Халилов прыгнул с коня и от резкой боли едва удержался на ногах. Такая бешеная скачка без седла была для него непривычной.

Старик хлопнул его по плечу, рассмеялся и сказал:

- Молодца! Джигит!

Халилов покрутил головой, опустил на колени и взял руку Наруза Ахмеда, чтобы прощупать пульс.

- Жив!.. Сердце стучит... Я уже слушал, - весело заметил табунщик. - Глупый бандит! Шибко худой! Не на того коня сел. Табак есть, начальник?

Халилов уже по-другому посмотрел на изрезанное глубокими морщинами лицо старика, поднялся, пересилил боль в ногах и оказал:

- Закурим, ата! С удовольствием закурим, - и полез дрожащей от возбуждения рукой в карман.

Прошло девять дней.

В кабинете Шубникова за столом хозяина сидел следователь, а против него, рядышком, сам подполковник и Халиловы - Саттар и Анзират. Они отвечали на последние вопросы следователя.

Когда с этим было покончено, подполковник отпустил следователя и обратился к чете Халиловых:

- Ну вот... Теперь можно считать, что все кончено. Ты помнишь, Саттар, тот наш разговор, когда ты настаивал, что Наруз Ахмеда не следовало выпускать из города?

Халилов кивнул.

- Ты оказался прав, а я просчитался.

- То есть?

- Его можно было уже тогда арестовать, и нам с тобой не пришлось бы прыгать, как Нат-Пинкертонам, по крышам вагонов и устраивать скачки. И от того, что мы арестовали бы его в городе, а не в песках, после ряда рискованных приключений, ничего бы не изменилось. И тем не менее в своих рассуждениях и действиях, как ни странно, был прав. Дело вот в чем... О том, что на нашей земле появился непрошенный гость и что этим гостем является не кто иной, как Наруз Ахмед, мы узнали на вторые сутки после того, как был подбит самолет, нарушивший нашу границу.

Саттар и Анзират переглянулись.

- Мы это знали, - продолжал Шубников. - Я сразу почувствовал, что ради клинка и истории, с ним связанной, никакой идиот не станет рисковать боевым самолетом. Так оно и вышло. Вот слушайте, что показал Наруз Ахмед...

Раскрыв дело, Шубников стал читать:

"Господин Керлинг, знавший тайну клинка, сказал, что поможет мне перебраться в Узбекистан по воздуху и организует возвращение. Но он поставил передо мной ультиматум, неременное условие: выполнить три его задания. Первое - доставить Икраму-ходже Ашералиеву, с которым по неизвестным причинам прервалась связь, портативную радиопередаточную станцию; второе - отыскать и уничтожить живущего в Самарканде человека, оказавшегося предателем, и наконец третье - пробраться в город Чирчик, найти еще одного человека и передать ему спичечную коробку, назначение которой мне неизвестно.

Таким образом, мое появление в Узбекистане преследовало две цели. Я должен был выполнить мой личный план - отыскать клад, уничтожить семью Халиловых. Керлингу я должен был заплатить за это: выполнить его задания. Я успел сделать немного: вручил радиостанцию Икраму-ходже и нашел тайник. Об остальном я уже думать не мог. Неудача с кладом обескуражила меня: я решил бежать".

Шубников закрыл папку, отложил ее в сторону и продолжал свою мысль:

- Следовательно, в моих рассуждениях я стоял на верном пути. Не из-за клинка нарушил иностранный самолет нашу границу и выбросил парашютиста, а по иным, более веским и опасным для нас причинам. Одного я не мог предвидеть - того, что Наруз Ахмед откажется от выполнения заданий, бросит все и решит бежать. Зная психологию преступника, я, конечно, понимал, что он в первую очередь займется кладом, а потом уже всем остальным. На жадности к наживе, на страстном желании Наруза Ахмеда овладеть мистическим богатством построил свои расчеты и Керлинг, имя которого, кстати сказать, нам неизвестно...

- Прости, Леонид Архипович, - перебил его Халилов. - У меня два вопроса.

- Давай.

- Ты сказал, что уже на вторые сутки узнал о появлении Наруза Ахмеда. Объясни,

каким образом?

Шубников усмехнулся:

- Дорогой Саттар! Приходится повторять тебе прописные истины. Мы, чекисты, не боги. Без народа, без честных советских людей мы ничто, пустой звук. Так было, так будет, так произошло и в данном случае. Нашелся человек, который помог нам, который узнал "гостя". Басмаческие последыши вряд ли могут рассчитывать на короткую память народа. Этот человек был уверен, что мы сделаем все, чтобы найти Наруза Ахмеда и обезвредить его. Через самое короткое время я смогу назвать тебе и имя этого человека, тем более, что ты его знаешь лучше меня. А теперь не гадай. Вот так. Ты сказал, что у тебя два вопроса. Выкладывай второй.

- Да, да, обязательно, - оживился Халилов. - Я хочу спросить о квартирантке нашей - Людмиле Николаевне Алферовой.

- Я ожидал этот вопрос, - заметил Шубников. - Между прочим Алферова - ее девичья фамилия. Сейчас она носит другую.

- Подумайте! - всплеснула руками Анзират. - Она оказалась умнее всех!

- Это что, комплимент по ее адресу? - улыбнулся Шубников.

- Да уж понимайте, как хотите, - смутилась Анзират. - Так хитро обвести вокруг пальца десяток людей, это надо уметь. Гасанов оказался щенком перед ней.

- Ты уверял меня, Леонид Архипович, - проговорил Халилов, - что ей не миновать этого дома. Неужели о ней ничего не известно?

- Это нетрудно проверить, - спокойно заметил подполковник, снял телефонную трубку, набрал номер и сказал: - Товарищ Сивко? Шубников говорит. Зайдите пожалуйста, ко мне.

На короткое время все умолкли.

В дверь постучали.

- Да, да, - разрешил Шубников.

В комнату в полной форме, с погонами на гимнастерке вошла Людмила Николаевна и, приложив руку к берету, доложила:

- Старший лейтенант Сивко явилась по вашему вызову.

Халилов и Анзират с изумлением смотрели на нее.

Шубников сердечно рассмеялся и спросил:

- Есть вопросы к Людмиле Николаевне?

Анзират сжала виски руками, Саттар усиленно потирал лоб.

Нет, вопросов не было.

ЭПИЛОГ

Над пустыней летит ветер. День и ночь свистит он в зарослях саксаула, в тугаях, завывает в урочище Кок-Ит. И все несет и несет мелкий, точно пыль, горячий песок. Там, где лежал камень, вырастает бархан, а где была лощинка, расстилается ровное место. Неумоимо, зло и сердито работает ветер. Под однотонным и скучным песчаным покровом исчезает след времени.

Вот уже скрылись последние тропы, проложенные караванами к семи иссякшим колодцам. Засыпаны глиняные площадки, окружающие их, не стал виден кусок рельса, торчавший стражем у таинственного клада. Развеян и сам холм, под которым скрывались долгие годы сокровища. Только побелевшие от солнца и дождя, вылизанные ветром человеческие черепа на песке смотрят пустыми глазницами в пространство. В них находят убежище прохладолюбивые змеи да таятся, поджидая ночи, фаланги.

Идет неторопливо время. Все дальше и дальше уходит в прошлое тайна урочища Кок-Ит, а вместе с ней и легенда о клинке эмира. В далеких бухарских кишлаках седобородые старцы еще помнят эту легенду и в звездные летние вечера за пиалой кок-чая рассказывают ее молодым...

Рассказывают по-разному, но кончают все рассказчики одинаково: клад нашел узбек-пастух и отдал сокровища народу, чьим потом и чьими руками они были созданы.

Имя пастуха никто не называет: быть может, оно забыто, быть может, никто его и не знал. Но говорят, что жив этот пастух и сейчас.

Легенду эту услышал однажды русский человек, охотник. Он сидел у ночного костра, курил, слушал словоохотливых стариков, и едва заметная улыбка трогала его губы.

Когда рассказ был окончен, русский проговорил:

- Знаю я имя того человека, что нашел клад. Живет он в горном кишлаке Обисарым, звать его Бахрам. Только он не пастух, а садовник.

И русский поведал старикам историю Бахрама.

Было это давно, еще при эмире бухарском. Много золота, платины, серебра и драгоценных камней накопил эмир в своих сокровищницах. Крови людской он не жалел. Многих обездолил, ограбил и погубил, наполняя свои подземные кладовые богатствами. И собирал эмир не только золото. Любил он и редкое, дорогое оружие. У него были собраны клинки из дамасской стали, турецкой, персидской, индийской. А хорошего клинка из русского булата не было. Велел эмир своим прислужникам достать ему такой клинок хоть со дна морского.

Прихоть эмира - закон. С большим трудом, за огромную цену достали ему клинок, выкованный златоустовским мастером Иваном Бушуевым из знаменитого аносковского булата. Сам эмир испытывал его. Он разрубил им пополам десять разных клинков, а бушуевский даже не зазубрился!

Клинок с виду был прост, не было на нем никаких украшений, не было и ножен. По обычаю, прежде чем украсить эмирский клинок и вложить его в ножны, полагалось обогреть его человеческой кровью.

Эмир приказал - и за один час несколько кандальников, заключенных в зиндане, расстались со своими головами.

После этого клинок попал в руки искусного бухарского мастера, замечательного резчика Умара Максумова, и он разукрасил его. Первые ножны для клинка сделали в Турции, вторые - в дагестанском ауле Кубачи, знаменитом на весь Восток своими мастерами-оружейниками.

Несколько лет спустя приближенный эмира Ахмедбек, возвратившись из поездки в чужие страны, привез с собой семнадцатилетнюю девушку - польку Ядвигу. Он хотел ее сделать своей пятой женой, но Ядвигу увидел эмир. Красота девушки поразила Саида Алимхана. Желая угодить своему господину, Ахмедбек подарил ему девушку, а взамен получил из рук Саида Алимхана его драгоценный клинок из бушуевского булата.

Миновало еще несколько лет. Народ восстал против тиранов. Вокруг Бухары установилась советская власть. Вооруженные отряды рабочих и дехкан пошли на штурм эмирата.

Однажды темной тревожной ночью красавица Ядвига вызвала к себе Ахмедбека. Она показала ему большой кувшин, в рост пятилетнего ребенка, и сказала:

- Увези поскорее куда-нибудь подальше и понадежнее спрячь. Когда времена изменятся к лучшему, мы оба станем самыми богатыми людьми. Тут все самое ценное из того, что я получила от Саида Алимхана. Ты понял

Ахмедбек поклонился.

- Исполнишь?

Ахмедбек поклонился вторично.

Той же ночью он, его телохранитель Бахрам и ближайший советник Ахун, захватив с собой пятерых джигитов, покинули Бухару и углубились в пески. Следующей ночью они достигли урочища Кок-Ит и недалеко от семи колодцев зарыли кувшин.

План тайника они нанесли на листок бумаги. Перед рассветом, когда уставшие джигиты спали, Ахмедбек и Ахун отрубили всем пятерым головы.

Тела их бросили в колодцы, а головы сложили поверх ямы с зарытыми сокровищами и

насыпали холм.

Ядвиге Ахмедбек сказал, что по дороге на него напали красные аскеры, порубили его джигитов и отобрали сокровища. Ядвига с горя этой же ночью повесилась.

Через три дня, накануне падения Бухары, Ахмедбек в сопровождении Бахрама явился к резчику Умару Максумову и приказал перенести план тайника с бумаги на клинок. Суеверный бек хорошо помнил слова своего отца. А тот говорил так: "Большую тайну, как и жизнь, можно доверить только крепкой стали, но не бумаге".

Однако получить клинок обратно бек не успел. Ему пришлось бежать из Бухары, скитаться по пескам, спасаясь от преследования красных частей, и, наконец, удрать за рубеж.

Клинок остался у Умара Максумова, но в тридцать первом году, когда несколько басмаческих шаек прорвались на советскую землю, им овладел сын Ахмедбека басмач Наруз Ахмед. Он привез его в кишлак Обисарым и, не зная тайны, оставил в своем доме. Бахрам, знавший о насечке, скопировал ее.

Басмачи были разгромлены наголову, Ахмедбек зарублен, а Бахрам сопровождал бековского сынка до самого рубежа. Но вторично на чужую землю уйти не захотел.

Худую жизнь вел раньше Бахрам, жизнь презренного шакала возле логова тигров. Ненавидели его люди и боялись. Был он послушной плетью в руках жестоких тиранов, их верным слугой и телохранителем. Как жалкий, голодный пес, жадно хватал он подачки с кровавого стола своих господ.

Но бывает так: совсем засох колодец, обходят его люди, кажется - ни капли живой воды не источить из него... Но копните поглубже, снимите твердую, слежавшуюся глину, пробейтесь - и заструится глубоко погребенная свежая струйка. Так и с душой иного человека...

Рассказчик умолк, задумался и поворошил костер кривой веткой саксаула.

В ночную темь с треском полетели искры. Помолчав, рассказчик неторопливо продолжил: - Скитался Бахрам с разбойничьими шайками басмачей по горам и пустыням, видел черные дела курбашей, пепел сожженных мирных кишлаков, кровь сотен простых людей, земляков, застреленных, зарубленных, замученных. Познал он горечь изгнания и тоску по родному дому. Как у многих обманутых рядовых басмачей, пошатнулась его вера в своих вожakov, отвернулось от них сердце. Прозрели его глаза, и увидел он, что, как молодой весенний сад, поднимается к новой жизни родной Узбекистан. Люди трудятся, строят, сеют, собирают урожай, богатеют, учатся, растят детей и внуков. Надоело Бахраму скитаться, прятаться, бояться. Плюнул он на своих курбаши, проклял их дело навеки и вернулся в родной дом.

Совесь мучила его. Пришел он к советской власти и все, что знал, честно рассказал. Искупив свою вину, он через два года поселился в далеком горном кишлаке Обисарым и стал работать. Вырастил он детей, внуков и множество фруктовых деревьев, И уважали люди, молодые и старые, седого, молчаливого Бахрама.

Началась война с гитлеровцами. Вспомнил Бахрам про сокровища, скрытые в урочище Кок-Ит, и однажды весной, когда кончились дожди и стало тепло, отправился к семи колодцам. Он разыскал тайник и вырыл кувшин. Долго смотрел он на это богатство, нажитое эмиром на крови народной. Вспомнилось ему, как умирали в зинданах тысячи и тысячи людей, как рубили головы непослушным, отрезали им языки, уши, выкалывали глаза... Вздыхнул Бахрам и понес сокровища в город. Он отдал все до последнего колечка на строительство танков и самолетов.

Когда русский окончил рассказ, один из стариков спросил его:

- А велик ли был клад?

Русский задумался, бросил в костер пучок сухой верблюжьей колючки, от чего пламя вспыхнуло и осветило лица стариков, и оказал с улыбкой:

- Говорят, очень большой. Около трех миллионов на золотые деньги.

Бриллианты, жемчуг, золотые изделия...

Старики молча покачали головами.

Ветер прошумел в зарослях. Далеко за барханами пролаял шакал. Ночь стояла холодная и звездная, какие бывают только в конце лета в азиатской пустыне.

Охотник встал, вскинул на плечо ружье, поблагодарил стариков за гостеприимство, прихватил убитых за день кекликов и собрался в путь.

Обычай пустыни не разрешает спрашивать имя ночного прохожего. Кто бы он ни был, дай ему место у огня, утоли его жажду горячим чаем, поделись с ним лепешкой! Старики, чья обычай предков, молчали, хотя им и очень хотелось узнать, что за человек поведал им историю таинственного клада. Но один из них, самый разговорчивый и самый седой, нарушил обычай и обратился к русскому охотнику:

- Пусть извинит нас гость за любопытство и назовет себя, чтобы знали мы имя хорошего человека.

Русский помялся в нерешительности, потом тихо сказал:

- Фамилия моя Шубников, Леонид Архипович Шубников.

Старик приложил руку к груди и промолвил:

- Рахмат... Пусть путь твой будет удачным, ака.

Темнота скрыла удалявшегося путника. Костер медленно догорал.

Старики еще долго сидели, попыхивая трубками, и вели свою неторопливую, мирную беседу.